ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2000

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2000, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор)
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора)
В.Е. Владыкин
Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь)
А. Г. Иванов
М. Г. Иванова
А. Д. Каксин
В. К. Кельмаков
Г. М. Керт
Н. Д. Конаков
В. Г. Кудрявцев
Т. Л. Молотова
В. В. Напольских
Т.Б. Никитина
А. Н. Ракин
В. В. Седов
В. С. Соловьев
Д. В. Цыганкин

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

©НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Санухов К. Финно-угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции развития исследований..... 3
Молотова Т. Об основных факторах формирования этнического характера марийцев..... 17
Кудрявцев В. Культовое зодчество марийцев..... 31
Исламов Ф. Мордовско-татарские культурные и педагогические связи..... 43
Никитин В. Символы древних предметов (размышления по поводу одного сюжета).... 54
Волдина Т. Устное народное творчество в научно-фольклорных архивах Ханты-Мансийского автономного округа..... 68

СООБЩЕНИЯ

Чеснокова С. К проблеме генезиса жанра поэмы в марийской литературе..... 77
Лебедева Э. Синтаксические особенности марийских пословиц и поговорок..... 86
Понарядов В. К вопросу об иранском влиянии на пермские языки..... 93
Бутылов Н. К вопросу хронологизации и классификации индоиранских заимствований в мордовском языке..... 99
Добродомов И. Происхождение марийского слова *савуш*..... 102

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Краснов И. Обзор современной англоязычной литературы по финно-угроведению..... 105
Дёмин В. Точки сближения..... 115
Галкин И. Рец.: Ago Künnap. Breakthrough in present-day uralistiks. Tartu, 1998..... 119
Чуяшкова М., Пунегова Г. Рец.: Коми язык. Энциклопедия (Отв. ред. Г.В. Федюнёва). М.: Изд-во ДиК, 1998. 608 с..... 125
Каракулов Б. Рец.: Кельмаков В.К. Краткий курс диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. Ун-та, 1998. 386 с..... 129
Бехтерева Л. Рец.: Васильева О.И. Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917-1941 гг. Ижевск, 1999. 210 с..... 132
Галкин И. Рец.: Мустаев Е.Н. Словарь синонимов марийского языка (Марий синоним мутер). Йошкар-Ола, 2000. 544 с..... 137

ХРОНИКА

Мосин М., Гребнева Л. Вторая Всероссийская научная конференция финно-угроведов..... 140
Зенкин А. Марийскому научно-исследовательскому институту им. В.М. Васильева (МарНИИ) - 70 лет..... 153
Кудрявцев В. Современное искусство финно-угорских народов..... 159

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

СТАТЬИ

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

ФИННО-УГРИСТИКА О ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДАХ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Финно-угристика — комплекс научных направлений, занимающихся изучением родственных финно-угорских и самодийских народов, их языков, культуры, истории. Более двух веков существует эта сфера науки. Казалось бы, после того, как проведено около десяти международных и почти два десятка Всесоюзных и Всероссийских научных конференций финно-угроведов, она должна была найти признание и в советском науковедении. Между тем, в "Советской исторической энциклопедии", издававшейся в 1961-1976 гг., этого понятия нет, как нет вообще понятий "финно-угорские народы" или "угро-финские народы", "финно-угры" или "угро-финны", в то время как помещены пространные статьи "славяноведение" и "тюркология","славяне","тюрки" и т.п.

Финно-угристика зародилась преимущественно как филологическая дисциплина, в то же время с самого начала была тесно связана с этнографией (в широком понимании, включая и фольклористику, и этническую историю и др.). Сердцевиной стало учение о языковом родстве, общем происхождении, историко-культурных связях родственных народов. Рождение этого комплексного научного направления, первоначально рассматривавшегося как часть востоковедения (особенно когда речь шла о восточно-финских народах), относится к концу XYIII — началу XIX вв. Но накопление сведений происходило в предшествовавший период (сообщения скандинавских саг о схожести языка легендарного Бьярмланда с финским, упоминания европейских хроник о языковом родстве венгров с "Югрой",

---

* Статья написана на основе доклада, сделанного на Второй Всероссийской научной конференции финно-угроведов в Саранске 3 февраля 2000 года.

труды Мартина Фогеля, Николаса Витзена и т.п.). Параллельно европейским традициям складывались отечественные традиции подчеркивания общности происхождения и языкового родства финнов, эстонцев, карел, черемис, мордвы, зырян и других народов северо-восточной Европы (М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев) (1,с.195; 2, с.314).

Крупнейший немецкий мыслитель Г.В. Лейбниц впервые высказал мысль о финно-угорской родственной языковой группе (3, с.71). Опираясь на это, Ф. Страленберг и Г. Бреннер попытались обосновать это, используя разнообразный материал (4, с.149-151; 178-179). Затем более основательно это сделали, привлекая и исторические сведения, Й.Э. Фишер и В.Л.Шлёцер. На основе гипотезы Лейбница о языковых семьях, учения Гердера об этнической самобытности, постулатов сравнительного языкознания сформировались методологические принципы финно-угристики. Особую роль в этом, как известно, сыграли историческая школа Геттингенского университета, лингвистическая школа университета Уппсала, труды венгров Яноша Шайновича и Самуэля Дьярмати. Это был как бы подготовительный этап становления финно-угроведения.

Окончательное утверждение финно-угроведения как действительно научного направления, изучающего родственные народы, относится к первой половине XIX века. Этот этап связан с именами финских ученых Антти Юхана Шёгрена и Матиаса Александри Кастрена, венгра Антала Регули. Примечательная черта их научного творчества — дополнение лингвистических наблюдений материалами фольклора и этнографии. Чуть позже получают развитие археологические исследования, специально обращенные к финно-угорской тематике (основатель — финн Й. Аспелин). Тем самым финно-угроведение обретает системный, комплексный характер, происходит расширение его функций. Особенно большое значение в его дальнейшем развитии имела деятельность основанного в 1883 году в Гельсингфорсе Финно-Угорского Общества, а также Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Исследователь истории финно-угроведения Г.Стипа отмечал переход к концу XIX века этой отрасли знания от научного романтизма к позитивизму (4).

В этот период было обосновано место в науке региональных исследований, появились отдельные историко-этнографические очерки, посвященные некоторым народам. Среди них важное место занимает серия книг профессора Казанского университета И.Н. Смирнова о восточно-финских народах: "Черемисы", "Вотяки", "Мордва", "Пермяки" (5), удостоенные престижной тогда Уваровской премии и переведенные на французский язык (6). Они в определенной мере не потеряли своей научной значимости и по сей день. В это же время появилось крупное иследование Н.Н. Харузина о кольских саамах (лопарях) (7), удостоенное Золотой медали Русского географического общества.

К этому времени относится начало нового этапа в развитии финно-угристики и в другом отношении: включение в научные исследования представителей восточно-финских народов, которые вовлекаются в научную жизнь сначала на уровне собирательства, а затем и собственно научных обобщений (удмурт Г. Верещагин, коми Г. Лыткин, мари Т. Семенов, мордвин М. Евсевьев и др.).

Это означало зарождение у финно-угорских народов России национально-демократической интеллигенции, начало развития просветительского движения. Его деятели свои усилия направляли не просто на распространение элементарной грамотности среди своих сородичей, но на пробуждение национального достоинства и самосознания. В этом они большое место отводили научному изучению родных народов, собиранию и публикации сведений об их историческом прошлом. Даже сбор языкового материала имел этноконсолидирующую направленность. Из фонда народной памяти они извлекали и делали достоянием общественности мифы, песни, предания, легенды, особенно о родоплеменных богатырях, боровшихся за свободу своих соплеменников, за свободу своей родной земли, против завоевателей. Наряду с этим они большое внимание уделяли собиранию и обобщению сведений о современном им этническом состоянии родных народов, их языках, духовной и материальной культуре. Они, будучи просветителями, стали провозвестниками этнического пробуждения финно-угров России. Их деятельность была продиктована нацеленностью в будущее: если есть у народа прошлое, зафиксировавшееся в языке, фольклоре, народной памяти, значит будет у него и будущее. Собираемые языковые, фольклорные, исторические и иные материалы о своих народах просветители использовали для исторического обоснования нации, ее места в истории, в общем цивилизационном потоке. Они хорошо понимали, что только сбросив путы навязанного извне русификаторами комплекса национальной неполноценности, народы могут воспрянуть духом, ощутить свое место среди других. Национальное развитие идет через осознание народом своей историко-культурной значимости. Такой подход был особенно важен, ибо многие дореволюционные исследователи, подтасовывая и тенденциозно подавая факты и наблюдения, пытались доказать "неисторичность" угро-финнов.

Центральной, стержневой сюжетной линией не только в работах откровенных шовинистов, но даже у объективных в целом ученых, как правило, было описание приобщения "инородцев" к русской государственности и русской культуре, темпов обрусения, успехов или неуспехов ассимиляционной политики. (В этом отношении показательны, например, названия некоторых статей упомянутых выше крупных ученых, внесших большой вклад в изучение финно-угорских народов России: Смирнов И.Н. — "Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики", Харузин Н.Н.

— "К вопросу об ассимиляционной способности русского народа") (8,9). Общее, что объединяло исследования о нерусских народах, — это их русоцентризм. Финно-угры и другие "инородцы" предстают в них не как самостоятельные субъекты истории, а лишь как объекты воздействия русской политики, русской культуры, христианизации и обрусения. Им отказывали в историчности.

Некто А. Мартынов писал: "Недалеко то время, когда мордовское племя совершенно сольется с великорусским и след его исчезнет. Надо пожелать этого и другим финским племенам, более упорным в своей народности, каковы чуваши (в XIX веке многие ученые относили их к финно-уграм — *К.С.*), черемисы и прочие. Жаль следа исторических народов, оставивших памятники письменности и искусств; когда же подобные, упоминаемые нами народцы, почти полудикие, поглощаются сильнейшим и более образованным племенем — жалеть тут не приходится" (10, с.462). Наверное, как раз реакцией на подобные высказывания и было пробуждение интереса у первых представителей национальной интеллигенции к культуре, языку, истории родных народов.

Большое место в финно-угорских исследованиях конца XIX — начала XX вв. заняла проблема прародины — как в целом всей языковой семьи, так и отдельных конкретных народов. При этом, где только не помещали эту прародину: и в Арктической зоне, и на Алтае, и в Передней Азии, и даже в Африке. Но постепенно, главным образом с помощью метода лингвистической палеонтологии, возобладала общепринятая точка зрения о европейской прародине финно-угров — между Волгой и Уралом, с добавлением у некоторых исследователей бассейна Оки. Большое внимание в связи с этим тогда уделялось также проблеме праязыка (Э.Сэтяля и др.).

В конце XIX — начале XX вв. много было сделано по пропаганде финно-угорского родства. Финские, эстонские, венгерские ученые часто выезжали в научные экспедиции к своим восточным родственникам, собрали и опубликовали огромный материал (Х. Паасонен, А. Хейкель, Ю. Вихман и др.).

Большое воздействие на пробуждение интереса у зарождавшейся восточно-финской интеллигенции к историко-языковым проблемам родных народов оказала книга М.П. Веске "Славяно-финские культурные отношения по данным языка" (Казань, 1892). Она принципиально отличалась по своим подходам от общей массы тогдашней финно-угристической литературы: в то время как другие (в том числе и И.Н. Смирнов) писали исключительно о культурном и хозяйственном влиянии русских на финно-угров, о том, что последние перенимали у первых в результате общения, эстонский ученый писал и об обратном влиянии финно-угров на русское население, поселившееся на их землях.

После Российской революции 1917-1918 годов наступил новый этап в развитии финно-угристики. В этот период произошло постепенное разъединение сил исследователей. В Финляндии, Эстонии, Венгрии традиционные работы продолжались, но не происходило обновления и обогащения их источниковой базы, относящейся к родственным народам, находящимся под юрисдикцией России. Финские ученые в этот период, несмотря на ограничение, а затем прекращение возможностей непосредственно общаться со своими восточными родственниками, продолжали серьезные исследования и публикации. В частности, Уно Сирелиус в это время обосновал перспективную мысль о расширении функций финно-угроведения, о том, что родство и общие черты народов надо искать не только по лингвистическим материалам, а много для этого может дать изучение этнической истории, этнографии, культурно-исторических процессов прошлых веков (11). В Финляндии образовалось научно-исследовательское учреждение "Suomen suku", его усилиями были изданы обобщающие работы о родственных народах (12).

В 1920-х годах по инерции в СССР финно-угристические исследования еще продолжались, в некоторых аспектах их фронт даже расширился: в Ленинграде было образовано Общество исследователей культуры финно-угорских народов, на местах были созданы краеведческие общества, развернувшие широкую, плодотворную работу.

Это было время позитивной национальной политики в СССР, что отразилось и на изучении финно-угорских народов. Был востребован интеллектуальный потенциал национальной гуманитарной интеллигенции. Финно-угристика не ограничивалась кабинетными теоретическими изысканиями, а более была сориентирована на практику. Особенно плодотворным было участие ученых в национально-языковом строительстве, в становлении литературных языков, печати, национальной литературы, профессионального искусства, в сохранении культурного фонда финно-угорских народов, в обогащении их духовных богатств за счет собственных ресурсов.

А с начала 1930-х годов финно-угроведческие исследования в СССР стали преследоваться. Был нанесен серьезный удар по развитию духовного единства родственных народов, наложен запрет даже на само упоминание о родстве восточных угро-финнов с финнами, венграми, эстонцами. Например, в докладе Марийского обкома ВКП(б) на областной партийной конференции в 1934 году с возмущением говорилось о "пропаганде финно-угорской общности" как проявлении "буржуазного национализма" и "панфинизма" в преподавании истории и языка в пединституте: "При преподавании марийского языка изучается история народности мари, происхождение марийского языка. Где логика? Прежде чем учить языку, преподносят историю народности. Я не говорю, что историю марийцев изучать не надо. Нужно изучать, но в определенном размере. Но когда преподаватель преподносит в своей программе сначала историю, а потом переходит к языку,

о чем это говорит? Это говорит о попытке внедрить буржуазную точку зрения в самосознание учащихся. А как преподается история мари, марийского языка? Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венгерцами и т.д. и т.п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допустить, чтобы кафедры высшей школы превратить в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов. За это надо спросить строго" (13).

Репрессии против национальной интеллигенции в финно-угорских автономных областях, ратовавшей за возрождение своих народов и за установление тесных связей с родственными народами, развернулись уже в начале 30-х годов. К сожалению, приходится констатировать, что в финно-угроведении борьба с "буржуазным национализмом" и шпиономания начались раньше в сравнении с научными направлениями, связанными с изучением других народов. В центральной печати появилась серия погромных статей с характерными названиями: Пальвадре М.Ю. — "Буржуазная финская этнография и политика финского фашизма"; Худяков М. — "Финская экспансия в археологической науке" и т.п. Если до этого ученые писали о прафинно-угорской общности, о прафинских языках, об общих корнях материальной и духовной культуры, то многие стали теперь отрицать всё это. М. Худяков, например, восклицал, осуждая это: "Оказывается, есть вещи "национальные", а не классового происхождения (славянские, финские, тюркские)" (14). Краеведение было объявлено местным буржуазным национализмом. Усилия языковедов по развитию родных языков за счет собственных внутренних закономерностей и ресурсов были осуждены как реакционный пуризм.

Были сфабрикованы "дело федералистов" в Марийской автономной области (1931 год) (15), "дело СОФИН" в Удмуртии (1932 год) (16,17).

Репрессии середины — второй половины 30-х годов полностью ликвидировали первое поколение национальной интеллигенции финно-угорских народов, в том числе историков, археологов, этнографов, языковедов, фольклористов по обвинению в "буржуазном национализме" и "панфинизме" именно за то, что они исследовали историю, фольклор, язык и культуру своих народов с национальных позиций, подчеркивали их историчность, самобытность, героическое прошлое, сопротивление завоевательской и русификаторской политике, отмечали финно-угорское родство и необходимость единства и более тесных культурных связей родственных народов.

Финно-угроведение как комплексное научное направление в СССР перестало существовать.

После второй мировой войны, в связи с аннексией Эстонии и ее включением в состав СССР, превращением Венгрии в советского сателлита и

установлением добрососедских отношений с Финляндией, необходимости в запрете на тему о финно-угорском родстве не стало. В конце 1940-х годов в Ленинграде были проведены научные конференции финно-угроведов, прозвучали робкие призывы возродить, возобновить это научное направление (Чебоксаров Н.Н. — Некоторые вопросы изучения финно-угорских народов в СССР. — Советская этнография, 1948, №3; Бубрих Д.В. — О советском финноугроведении.- Советская этнография, 1949, № 2). Но организационно оформленного финно-угроведения в СССР тогда не было.

Потребовалась хрущевская "оттепель", чтобы в Советском Союзе от спорадических встреч небольших групп ученых перейти к широким исследовательским проектам и финно-угристика получила права гражданства, наступил новый этап ее развития. Это тем более необходимо было сделать, что за рубежом развернули работу новые центры финно-угроведения, особенно в Индианском университете в США, а также в Гамбурге, Париже, Уппсале и т.д., в чем значительную роль сыграли эмигранты из Эстонии , Венгрии.

В 1958 году в Хельсинки состоялась конференция исследователей финно-угорских языков, посвященная 75-летию Финно-угорского общества, на которой было принято решение о проведении регулярных (один раз в пять лет) международных научных конференций по финно-угорскому языкознанию. В том же году подобное решение было принято на совещании советских финно-угроведов в Ленинграде.

В 1960 году в Будапеште состоялся первый Международный конгресс финно-угроведов, после этого такие крупные встречи стали проводиться регулярно с интервалом в пять лет. Их проведено уже восемь: в 1965 году — в Хельсинки, в 1970 — в Таллине, в 1975 — снова в Будапеште, в 1980 — в Турку, в 1985- в Сыктывкаре, в 1990 — в Дебрецене, в 1995 году — в Ювяскюля (Девятый Международный конгресс финно-угроведов решено провести в августе 2000 года в Эстонии, вновь обретшей независимость). Параллельно этому были организованы Всесоюзные конференции финно-угроведов (до распада СССР их состоялось 17). На первых порах они носили односторонне-лингвистическую направленность. Постепенно их тематика стала расширяться за счет привлечения фольклористов, археологов, этнографов, а затем и культурологов, историков, искусствоведов, социологов и т.д. Таким образом, финно-угроведение расширяло свои функции.

Значительное продвижение было осуществлено в изучении этногенеза и ранней этнической истории ряда народов (научные сессии о происхождении мордовского и марийского народов) (18,19). Характерно, что в обоих упомянутых случаях рассматривались не только вопросы происхождения этих конкретных этносов, но в качестве заглавных ставились доклады об этногенезе финно-угорских народов вообще. Другая примечательная черта, происхождение народов изучалось с привлечением археологических, язы-

ковых (в том числе и особенно топонимических), этнографических, фольклорных, письменных исторических источников.

Крупным, этапным событием было появление книги "Вопросы этнической истории эстонского народа"(Таллинн, 1956), в которой рассмотрены также многие проблемы, касающиеся, кроме эстонцев, и других прибалтийско-финских народов. В частности, принципиально важно было начало отхода от узкого, прямолинейного подхода к проблеме прародины, при котором считалось, что предки эстонцев и других родственных соседних народов пришли с востока, в процессе расселения с прародины, с уже готовыми финно-угорскими чертами. На основе углубленного изучения новых археологических материалов и историко-сравнительного рассмотрения древней истории предков прибалтийско-финских и балтских племен стала выдвигаться и обосновываться мысль о древнейших местных корнях прибалтийских финнов.

Большое значение в накоплении материалов для изучения этногенеза, ранней этнической истории и межэтнических контактов имели широкие археологические работы в финно-угорских регионах, исследования по топонимике. Именно в этом можно видеть хороший пример плодотворных итогов комплексных подходов.

С 1965 года в Таллинне издавался журнал "Советское финно-угроведение" (основателем и бессменным его главным редактором до самой своей смерти был выдающийся финно-угрист Пауль Аристэ). Журнал проделал большую работу по координации исследований и публикации их результатов, получил международное признание. Его издатели руководствовались лингвистической интерпретацией содержания финно-угристики, что подчеркивалось в первом номере журнала в обращении к читателям: журнал посвящен "исследованию финно-угорских и самодийских языков". Эта направленность выдерживалась все годы, хотя иногда редакция публиковала материалы и по этнографии, фольклору.

На этапе "застоя" количественно финно-угорские исследования развивались. Важным событием было издание коллективными усилиями ведущих финно-угристов разных стран книги "Основы финно-угорского языкознания" (1974 год). В этот период были написаны и изданы индивидуальные и коллективные монографии о некоторых народах: Мокшин Н.Ф. о мордве (20), Пименов В.В. о вепсах и удмуртах (21,22), Козлова К.И. о марийцах (23); "Мордва" — 1981 (24), "Карелы Карельской АССР"- 1983 (25), "Народы Поволжья и Приуралья"- 1985 (26) и др. Для своего времени сам факт обобщения совокупного материала об отдельных народах имел важное значение, несмотря на уязвимость методологических позиций. В Советском Союзе они были стянуты ограничивающими рамками официальной идеологии. В трудах ученых оправдывалась утеря финно-угорской молодежью род-

ного языка, поощрялся отход от национального менталитета, замалчивались свидетельства об ассимиляционных процессах.

В то же время под прессом официальной пропаганды, которая, несмотря на эпизодические замечания и возражения ученых, продолжала распространять "сведения", что до большевистской революции финно-угорские народы России ничего в культурной сфере не имели, подспудно вызревали по сути дела оппозиционные научные устремления. У некоторой части филологов вызревало протестное стремление осмыслить через призму национального самосознания культурно-исторические процессы пройденных этапов в противовес насаждавшейся официальной точке зрения. Это, в частности, выразилось в пересмотре возраста письменности, литературы у мари и удмуртов. До 70-х годов восточно-финские языки относили к младописьменным, ставшим литературными только после революции. Марийские и удмуртские ученые, использовав факт издания в 1775 году грамматик, провели научные конференции и издали их материалы (27,28), после чего эти языки стали относить к старописьменным с небольшими литературными традициями.

Одним из первых подобный подход стал успешно развивать венгерский исследователь Петер Домокош (29). Он весьма смело и результативно исследовал историю зарождения и развития литератур малочисленных угро-финских народов на широком историко-культурном фоне. Наиболее подробно он это исследовал на примере удмуртской литературы, что вызывало тогда в самой Удмуртии недоброжелательное отношение.

Вообще финно-угорские регионы СССР были закрытыми территориями для зарубежных исследователей. Но даже не имея доступа к достаточной информации, некоторые зарубежные ученые создали тогда труды, в которых диссонансом в сравнении с апологетическими книгами советских авторов звучали тревожные сведения о прошлом и настоящем российских финно-угров, о культурно-языковой ассимиляции [Андреас Каппелер (30), Изабелла Крайндлер (31), Сеппо Лаллукка (32)].

С конца 80-х годов начался современный этап развития финно-угристики, наступило время переоценки ценностей. Это было обусловлено началом нового этапа вообще в истории финно-угорских народов — этапа национального пробуждения. Именно в это время стали создаваться национально- демократические движения и организации (Общество вепсской культуры, "Коми котыр", "Марий Ушем", "Масторава", "Спасение Югры" и др.). Это естественно привело к оживлению внимания к языку, истории и культуре народов. Тревога за будущность побудила обратить более внимательный исследовательский взор на весь исторический путь этносов от их рождения до сегодняшнего состояния, на все стороны и сферы их жизни. Начался этап нового прочтения, переосмысления и написания национальных историй финно-угорских народов на основе освобождения от маркси-

стско-ленинских догм, классового подхода, от фальсификаций русоцентризма. Изданы сборники статей, монографии, брошюры. Особенно преуспели в этом удмуртские и коми ученые.

Новый период характеризовался организацией и проведением ряда важных научных конференций по проблемам истории и современного этнического состояния российских финно-угров. В этом ряду особо следует отметить состоявшееся в 1988 году межрегиональное совещание по проблемам этнокультурного развития вепсов и издание книги с его материалами (33). В 1988 году в Ленинграде были восстановлены традиции коллективных обсуждений финно-угорской проблематики, возобновились финно-угорские чтения, которые стал проводить Государственный музей этнографии народов СССР (34, с.159-162).

В новых условиях было обращено внимание на некоторую лингвистическую односторонность финно-угроведения, хотя на последних Международных конгрессах и Всесоюзных конференциях ставились также доклады по этнографии и археологии. Общей историко-культурной характеристике народов этой семьи уделялось недостаточно внимания. Да и в лингвистике преобладал сугубо академический подход подробного описания частных характеристик языковых фактов, реликтовых явлений, без широкого этнолингвистического анализа жизни и функционирования финно-угорских языков как живых организмов, имеющих будущее. На повестку дня выдвинулось расширение функций финно-угроведения, с освещением исторических и культурологических аспектов.

В последнее десятилетие это уже стало реализовываться на различных международных, всесоюзных, всероссийских и региональных встречах ученых, изучающих этногенез, этническую историю, язык, быт, культуру финно-угорских народов. Об этом свидетельствует тематика научных конференций.

В 1991 году в Сыктывкаре проведена научная конференция "Развитие советских финно-угорских народов: история и современность", в Йошкар-Оле — по проблемам этнопедагогики и народной культуры родственных народов, в 1992 году в г. Сомбатхее — "Пути уральских народов к политической, языковой, культурной автономии", в Таллинне — "Финно-угорские народы и Россия", в 1993 году в Тарту — "Финно-угорские меньшинства в меняющемся мире" (Материалы последних двух конференций изданы в одном сборнике) (35). Проблемам этнической, социально-культурной истории финно-угорских народов был посвящен первый международный конгресс "Historia Fenno-Ugrica" (Оулу, июнь 1993), богатый материал которого изложен в двухтомном издании с таким же названием в 1996 году. В апреле 1992 года в поселке Лянтор Ханты-Мансийского автономного округа состоялась международная научно-практическая конференция "Пути выживания народов ханты и манси", материалы которой изданы в 1993 году (36).

В 1994 году в Мурманске состоялась научная конференция по проблемам истории и современной жизни саамов (и на их примере вообще о малочисленных народах Севера), а в местечке Мазирбе (Латвия) была проведена международная научная конференция "Ливы и их культура: теория и практика сохранения языка и культуры малых этнических групп"(37). В том же году в финском городе Каусала состоялась международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения одного из основателей финно-угроведения — А.И. Шегрена — "Идентитет и национальная историография в северо-восточном Балтийском регионе".

Широкими научными дискуссиями, "круглыми столами" по проблемам современного культурно-языкового состояния финно-угров России сопровождались проведенные в последние годы, начиная с 1989 года, международные встречи писателей, международные фестивали фольклора родственных народов.

Примечательными с этой точки зрения стали и встречи финно-угроведов. В связи с "перестройкой" и распадом СССР такие общие встречи с 1987 года, после 17-й Всесоюзной конференции, состоявшейся в Ижевске, не проводились. По инициативе созданного в Йошкар-Оле Научного центра финно-угроведения было решено возобновить такие форумы. Научная конференция, названная первой Всероссийской, состоялась в ноябре 1994 года (38). На ней, в отличие от предыдущих Всесоюзных, шире были представлены археологи, культурологи и впервые была отдельно выделена секция истории финно-угорских народов. Заложенную тогда линию продолжила вторая Всероссийская научная конференция финно-угроведов (Саранск, февраль 2000 года).

По такому же пути расширения функций финно-угроведения пошел и оргкомитет Международного конгресса, состоявшегося в августе 1995 года в финском городе Ювяскюля. Конечно, наиболее широко и разносторонне там традиционно было представлено языкознание. Ведь финно-угорская общность — это, прежде всего, языковое родство. Поэтому ученые, изучающие языки родственных (не только финно-угорских, но также самодийских) народов, работали в нескольких секциях: фонология и морфология (с двумя подсекциями), синтаксис и семантика, лексикология и ономастика (с двумя подсекциями), языковые контакты и современное состояние языков. В то же время конгресс знаменовал широкое равноправное включение и других наук в комплекс финно-угроведения. Об этом можно судить даже по названиям секций: этнология, фольклористика, верования, народная музыка, новое историческое состояние, литература и идентитет, литературные связи и фольклор, теория и интерпретация, археология, антропология. Что касается собственно финно-угорского языкознания, здесь примечательно повышение интереса к проблемам социолингвистики, функционирования родных языков (39).

Но в науке новые подходы не всегда легко находят себе дорогу. Прежний теоретический багаж не дает большинству российских финно-угроведов успешно двигаться вперед, сидит тяжелым грузом в сознании. И дело не только в возрасте исследователей. Неправ был Томас Кун, когда писал: "Новые научные теории замещают старые лишь после того, как сторонники последних умирают". Как ни кажется странным, старым идеологичеким догмам привержены многие молодые ученые. Но как бы то ни было, всё же будущее нашей науки — в руках, умах, сердцах молодых.

В обогащении науки, в преодолении устаревших догм, в утверждении новых подходов и закреплении перспективных тенденций, в обеспечении преемственности научных поколений большая роль принадлежит научной периодике. С 1990 года упомянутый выше журнал "Советское финно-угроведение" не только естественно снял с обложки определение "советское", но и более точно определил свое название: "Linguistica Uralica". С новым обретением Эстонией независимости журнал для российских ученых стал заграничным изданием. А между тем большинство финно-угорских и все самодийские народы живут в России. С учетом этих обстоятельств Научный центр финно-угроведения в Йошкар-Оле с 1994 года начал издавать журнал "Финно-угроведение", редакция которого в первом же номере известила о своем стремлении придерживаться более широкого, комплексного понимания этой области научного знания по сравнению с традиционно сложившимися представлениями, считая, что "общей историко-культурной характеристике народов этой семьи уделяется до сих пор недостаточно внимания"(40). С таких же позиций выступает и редакция журнала "Finno-Ugrica", издаваемого с 1998 года Академией наук Татарстана.

Таким образом, научная общественность на практике реализует расширение функций финно-угроведения, имеющего глубокие исторические корни и традиции. Стало очевидным, что в современных условиях, когда на повестку дня всего существования финно-угорского мира (особенно той его части, которая расположена в России) выдвинулись проблемы этнического возрождения и укрепления культурного сотрудничества как гаранта будущего, финно-угристика должна развиваться в сторону расширения своих функций, чтобы не только отмечать языковые корни родства, но и находить новые аспекты, сближающие наши народы. Как показывает даже простой перечень названий многих научных форумов последних лет, это во многих отношениях уже реализуется на практике. Замеченная еще в 1990 году известным исследователем Г. Стипой тенденция включения культурологических аспектов в финно-угристику (4) становится ведущей в современных условиях. Важным положительным фактором дальнейшего развития финно-угристики стала возможность широкого международного сотрудничества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ломоносов М.В.* Краткий российский летописец с родословием // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1962.

2. *Татищев В.Н.* История Российская. Т.1. М.,1962.

3. *Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871.

4. *Stipa G.J.* Finnisch-ugrische Sprachforschung. Von der Renaissance bis zum Neopositivismus. Helsinki. 1990.

5. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографические очерки. Казань, 1889; Пермяки. Казань, 1891; Вотяки. Казань, 1890; Мордва. Казань, 1895.

6. *Smirnov I.N.* Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama: Etudes d'ethnographie historique. Paris: E. Lerouz. 1898.

7. *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890.

8. *Смирнов И.Н.* Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики //Исторический вестник. 1892, т.47,№ 3.

9. *Харузин Н.Н.* К вопросу об ассимиляционной способности русского народа// Этнографическое обозрение. 1894, т.23, № 4.

10. *Мартынов А.* Мордва в Нижегородском уезде / Нижегородские губернские ведомости. часть неофициальная. 1866, №23.

11. *Sirelius U.* Suomen kansanomaistakultura. Helsinki, 1919.

12. Suomen suku. Helsinki, 1926.

13. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 1П, оп. 1, д.699, л.260-261.

14. *Худяков М.* Финская экспансия в археологической науке // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931, № 11-12.

15. *Сануков К.* "Финно-угорские федералисты" и "финские шпионы"// Финно-угроведение. 1996, № 3.

16. *Кузнецов Н.С.* Из мрака...Ижевск, 1994.

17. *Куликов К.И.* Дело "СОФИН". Ижевск, 1997.

18. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.

19. Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. 1967.

20. *Мокшин Н.Ф.* Этническая история мордвы. Саранск, 1977.

21. *Пименов В.В.* Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. Л., 1965.

22. *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. М., 1974.

23. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

24. Мордва: историко-этнографические очерки. Саранск, 1981.

25. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

26. Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.

27. 200 лет удмуртской письменности. Ижевск. 1976.

28. 200 лет марийской письменности. Йошкар-Ола. 1977.

29. *Домокош Петер.* Формирование литератур малых уральских народов Йошкар-Ола.1993 (на венгерском языке — Budapest, 1985).

30. *Kappeler Andreas.* Russlands erste Nationalitaten. Das Zarenreich und die Volker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Koln, 1982.

31. *Kreindler I.* The Mordvinians — a Doomed Soviet Nationality? / The Hebrew University of Jerusalem, The Soviet and East European Research Centre. Research Paper, no.56. 1984.

32. *Lallukka Seppo.* The East Finnic Minorities in the Soviet Union: an Appraisial of the Erosive Tends. Helsinki, 1990. На русском языке: Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб, 1998.

33. Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1988.

34. *Рябинин Е.А., Фишман О.М.* Первые финно-угорские чтения // Советская этнография. 1988, № 6.

35. Финно-угорские народы и Россия. Сборник материалов международных конференций 1992-1993 годов. Таллинн, 1994.

36. Пути выживания народов ханты и манси. Ханты-Мансийск, 1993.

37. Livonians and Their Culture: Preservation of Small Ethnic Group Language and Culture in Theory and Reality. Mazirbe. — Riga, 1994. См. об этом: Финно-утроведение. 1995, № 2.

38. Актуальные проблемы современного финно-утроведения: Материалы первой Всероссийской научной конференции финно-утроведов. Йошкар-Ола, 1995; *Никитина Татьяна.* Первая Всероссийская научная конференция финно-утроведов // Финно-утроведение. 1995, № 1. (В этом номере журнала опубликованы также решение конференции и основные доклады).

39. *Сануков К.* Восьмой международный конгресс финно-угроведов // Финно-угроведение. 1995. № 3-4.

40. *Сануков К.* Финно-утры и финно-утроведение: новые горизонты (От редактора) // Финно-угроведение. 1994. № 1.

Xenophont Sanukov

FINNO - UGRISTICS ABOUT THE FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA: THE BASIC TENDENCIES AND STAGES OF RESEARCH

Finno-Ugristics as the complex of scientific branches, investigating the language, culture the history of the Finno Ugric peoples originated in the XVIII century and was forming up in the XIX century.

On the original stage it was of linguistic character, then some researches on folklore, ethnography, archaeology, ethnical history of relative peoples took some prominent place in the investigation. At the end of the XIX century a very important role of regional researches was discovered. In connection with it, according to G. Stipa, the Finno-Ugric study changed from scientific relativity towards positivism. At this new stage of the development of Finno-Ugristics the works about the Finno-Ugric peoples by Professor I.N. Smirnov from Kazan played an important role. Involving of the representatives of eastern Finno-Ugrics into the scientific process was characteristic of that stage.

Only since the second half of the 50tis the ties of the soviet and foreign scientists investigating the Finno-Ugrics of Russia were partially renewed. International Congresses of Finno-Ugric scientists began to play a great role, which have been held since 1960 with a 5-year interval (the IX Congress will take place in August 2000 in one of the biggest centers of Finno-Ugric Study in Tartu, Estonia).

Since the end of 1980 the present stage of the development of Finno-Ugristics began. The main characteristic feature of this stage is widening of the functions of the scientific direction. Ethnical and cultural aspects of investigation of the relative peoples are paid more attention. In the present conditions when the Finno Ugric world deals with the problems of ethnical revival and strengthening of the cultural cooperation as the future guarantor (especially on the territory of Russia) Finno Ugristics should be developed towards the widening of its functions not only to mark the linguistic roots of kinship but also to find new aspects relating the Finno-Ugric peoples.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ОБ ОСНОВНЫХ ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА МАРИЙЦЕВ

Этнически специфические стандарты поведения — один из элементов, характеризующих тот или иной народ. Хотя определить особенности этнического характера целого народа сложно, даже дать характеристику одному индивиду непросто. Но, тем не менее, исследователи выделяли общие черты, присущие поведению того или иного этноса. Известно, что формирование и стабилизация особенностей этнического характера любого этноса зависят от множества факторов: историко-политических событий; социально-экономического развития общества; межэтнических контактов; особенностей культуры; религии; природно-климатических и ландшафтных условий и др.

В данной работе делается попытка анализа некоторых исторических, социально-политических, этнических, религиозных факторов, формировавших этнический характер марийцев в дореволюционный период. Влияние природно-климатического фактора на формирование стереотипов поведения народа здесь не рассматривается, поскольку эта тема для специального обширного исследования.

Марийцы — один из древнейших народов Восточной Европы. В середине и второй половине I тыс. н.э. на Волге и Оке возникают племенные объединения мордвы и мери, позднее марийцев. В VII веке, теснимая хазарами, на Среднюю Волгу переселяется сильная группировка тюрко-булгар. Переселение булгар и образование феодального государства — Волжской Булгарии (X-XIII вв.), подчинившей многие аборигенные этнические группы, существенно изменили этнокультурную ситуацию в Поволжье(1, с.7). С этого времени взаимодействие с тюрками стало постоянным фактором в экономической и культурной жизни древних марийцев. К этому же периоду относится формирование народности. В процессе формирования и даль-

нейшего развития марийской народности проявилась та особенность, которая характерна для периода консолидации племенного союза в более высокую этническую общность, когда вопрос об общности территории решается неоднозначно. Поэтому у марийцев долгое время преобладало территориально-локальное самосознание, выражавшееся в территориальном самоназвании марийцев по месту жительства — ветлужские, кокшайские и другие марийцы (2, с.46).

Постоянные контакты марийцев с русским населением прослеживаются с XIII века. Наиболее интенсивный и стабильный характер этнокультурные связи с русскими приобрели со времен вхождения Марийского края в состав Русского государства. Русские культурно-бытовые и языковые заимствования нашли наибольшее проявление у северо-западных и горных марийцев (1, с.146).

После упадка Волжской Булгарии марийцы попали в подчинение Золотой Орды. Наместники золотоордынских ханов жестоко грабили поволжское население, совершая опустошительные набеги и на марийские земли. В XV веке основная территория Марийского края стала частью Казанского ханства. Марийцы, как и другие народы ханства, относились к категории ясачных — феодально зависимых людей. Они платили ясак, оброк в пользу хана, таможенную пошлину, сельский поземельный, подушный или подворный налоги, а также выполняли различные натуральные повинности. При выколачивании таких больших платежей ханские чиновники обращались с населением крайне жестоко. Большие бедствия и разорения приносили населению частые военные столкновения казанских ханов с московскими князьями (особенно при Василии III). Марийцы участвовали в военных действиях татар против русских. Так, в 1524 году они напали на сильный корпус князя Палецкого, шедшего на судах в Казань. Воспоминание об этом жестоком поражении сохранилось в народной пословице "С одной стороны черемиса, а с другой берегися" (3, с.33). В целом положение марийцев в Казанском ханстве было тяжелым, отягощалось ростом угнетения.

В ходе борьбы Москвы с Казанским ханством марийские земли окончательно перешли в состав Русского государства. В 1551 году в состав ее вошла правобережная часть Марийского края, а в 1552 году, после полного падения Казанского ханства, — луговое побережье (2, с.54-63).

Необходимо особо подчеркнуть, что марийцы имели развитое социальное расслоение и своих князей, которые впоследствии слились с русским феодальным классом (1, с.8; 4, с.11). В тот период марийцы стояли на "пороге" образования своей самостоятельной государственности, но в силу своей малочисленности вести борьбу за независимость не могли и из-за сложных исторических условий не смогли создать ее. Не все так гладко обстояло и с присоединением марийцев к Русскому государству. Горные ма-

рийцы добровольно присоединились к русским, в отличие от луговых, которые еще долго сопротивлялись против присоединения, участвуя в "черемисских войнах", которые инициировались и подстрекались казанскими противниками русского царя и продолжались более трех десятилетий с 1552 года до начала 90-х годов XVI века. Крупный "черемисский" бунт возник в 1583 году, марийцы хотели поддержать хана Магомет-Гирея, но "хан не дерзнул вступить в Россию, но бунт черемисский продолжался... сии дикари свирепые, озлобленные, вероятно, жестокостью царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах и в вертепах, летом и зимою, хотели независимости или смерти" (5, с.246). Все эти восстания были очень жестоко подавлены русским правительством. Луговые марийцы вынуждены были подчиниться, их сопротивление было сломлено, в результате погибло много марийцев.

Последняя "черемисская война" произошла зимой 1591-92 гг., когда Россия вела тяжелую войну против Швеции и Крыма. Это было сравнительно небольшое восстание, где участвовали марийцы из 12 волостей. Против восставших были направлены войска, и мятежники сами разошлись. Эпоха "черемисских войн" завершилась окончательно в 1592 году. В ходе карательных экспедиций марийские земли подверглись неоднократному опустошению, погибло большое количество людей, почти целиком была истреблена марийская знать (6, с.170-172; 7, с.21).

Видимо, "черемисские войны" относятся к всплескам пассионарности. Это особый период истории, когда у некоторых представителей этноса возрастает жертвенность, способность к сверхнапряжению.

Об этом этапе в историческом прошлом марийцев Ф.Е. Егоров писал:"На протяжении веков он то активно, с оружием в руках, то пассивно, скрываясь по лесам и болотам, ведет борьбу с проникшим и сюда русским колонизационным движением. Таким образом, история мари, это — история народа, находившегося в беспрерывном движении и борьбе" (8, с.11). Он считал также, что история народа мари сложилась под влиянием двух факторов: неблагоприятной географической среды (болотистая, песчаная, малоплодородная земля) и вынужденной колонизации (8, с.11).

С периода присоединения Марийского края к Русскому государству начинается интенсивная русская колонизация марийских земель, что поощрялось Русским правительством. Однако, вначале колонизации русских переселенцев было немного и их влияние на окрестных марийцев выражалось в очень слабой степени (9, с. 215). В основном это были военные: стрельцы и казаки, жившие во вновь возводимых крепостях на присоединенных землях. Именно с XVI века начинается отток марийского населения в Зауралье и Прикамье, когда начинаются налоговый гнет и земельные притеснения (10, с.12-13).

Конечно же, гнет вызывал со стороны крестьян различные формы сопротивления. В истории Российского государства неоднократно возникали стихийные крестьянские бунты. В крестьянских войнах С.Т. Разина (1670-1671) и Е.И. Пугачева (1773-1775) наряду с другими народами Поволжья участвовали и марийские крестьяне. Однако необходимо отметить, что они не были зачинщиками массовых выступлений, а только принимали участие в тех или иных восстаниях, т.е. поддерживали других участников крестьянских волнений.

За участие в народных восстаниях марийцам, как и другим народам Поволжья, правительством была запрещена металлообработка и ювелирное искусство (1699), чтобы не производилось оружие.

После присоединения Марийского края на его и близлежащих территориях были построены города-форпосты русских: Кокшайск (1574), Козьмодемьянск (1583), Царевококшайск (1584), Санчурск (1584), Уржум (1584), Яранск (1592). Города были опорными пунктами колонизации. Господствующее положение стали занимать русские феодалы. Служилые марийцы могли получить пожалование и земельные угодья, если принимали православие. Путем обращения в христианство, подачками и льготами небольшая марийская феодальная верхушка была постепенно русифицирована (2, с.66, 68, 70).

Большую часть населения края составляли марийские ясачные крестьяне, которые в наказание после "черемисских войн" попали под сильный налоговый, социальный, национальный и религиозный гнет. Верховным собственником земли в ясачной деревне являлось феодальное государство. Ясачные люди могли лишь пользоваться государственной феодальной землей и были обязаны вносить в казну ясачные платежи в денежной и натуральной формах. В рамках территориальной соседской общины организовывалась вся хозяйственная и другая деятельность марийского крестьянства. С одной стороны, община защищала крестьянские интересы, с другой — выполняла роль фискальной единицы. И такие функции сельская поземельная община выполняла в течение всего существования (с конца VI до начала 20-х годов XX века). Многочисленными и непосильными были денежные и натуральные повинности в пользу государства. Ясачные марийцы страдали от национального гнета. Их лишали права участвовать в органах местного управления. Воеводы, приказные служители и купцы с пренебрежением относились к марийцам (2, с.61-62).

Однако марийцы никогда не относились к крепостным крестьянам и имели большую хозяйственную и правовую самостоятельность, чем крепостные крестьяне. Через сельскую общину они пытались защищать свои интересы от усиления социального и национального гнета. Как считает А.Г. Иванов, сельская община была для марийцев "универсальным институтом защиты" (7, с.297).

В самодержавной России марийцы почти три с половиной века испытывали социально-политический, экономический, национальный гнет. Как выше отмечалось, этническая верхушка была ассимилирована или же уничтожена. Таким образом, в ходе исторического развития народ был лишен своих национальных предводителей, в которых он бы мог видеть своих защитников и поэтому они "искали заступников", создавая образы защитников или обращались к своей языческой религии. Образы защитников ярко показаны в устном народном творчестве — марийском героическом эпосе, в преданиях о племенных вождях Ямблате, Чавае, о национальных богатырях, борцах за независимость марийцев, о Чоткар Патыре, Маршан Патыре, Акпатыре и др. Ярким примером может служить легенда о Чумбулате. Чумбулат-богатырь был защитником марийского народа и всякий раз сокрушал врагов и обращал их в бегство. Долго он оберегал свою родину и народ, но пришла ему пора умирать. Собрались вокруг него марийцы, плакали и скорбили о нем, а он утешил их, сказав, что поможет им в трудную минуту: "Подойдите тогда к моей могиле и скажите громким голосом: "Вставай, Чумбулат. Враги у ворот". Я встану тогда и оборону вас". Когда враги наступали много раз, Чумбулат выручал свой народ и никакой враг был не страшен. Но над богатырем несколько раз подшутили игравшие мальчишки, вызывая его из могилы. И тогда он сказал: "Вы надо мной потешаться начали, понапрасну меня тревожить. Помните: ухожу теперь от вас навсегда". Не стало с тех пор у народа защитника. Начались войны и некому было заступиться за черемисов. Но не пропали надежды у черемисов. Настанет время, забудет Чумбулат обиду и защитит народ свой от всякого врага (11, с.29). Подобный сюжет заключен и в легенде о Чоткаре-Патыре (12,с.7-13). В этих легендах объясняется отсутствие защитника у марийского народа и в этом его отсутствии они обвиняют самих себя. Однако же надежда у народа на защиту от врагов окончательно не исчезла.

Марийцы испытывали и духовный гнет со стороны правительства. Русское государство поставило целью обратить язычников в христианскую веру, что облегчило бы управление. Христианизация началась путем насаждения на марийской земле монастырей (2, с.82). Особенно активно христианизация была предпринята в начале XVIII века. Массовое крещение инородцев, в том числе марийцев, связано с указом 1740 года, определявшим основные цели и задачи, средства и методы христианизации как широкомасштабного государственного мероприятия. В ходе реализации указа основная масса марийцев, за небольшим исключением, была подвергнута принудительному насильственному крещению, приходившемуся на 40-60-е годы XVIII века. Христианизация проводилась грубыми мерами, которые были направлены на немедленный слом древних верований. Об этом свидетельствуют исторические документы (5, с. 214).

Своеобразным протестом против насильственной христианизации и социально-экономического гнета было переселение марийцев в Башкирию и на Урал вплоть до середины XVIII века. В этом проявлялась решительность сохранить свои древние воззрения. Они не побоялись неизвестности, ждущей их на новых местах, и знали, что обратной дороги в родные места нет. Вернуться — значит покориться. На новых местах переселенцам необходимо было приспособиться — найти те формы поведения, которые быстрее их адаптировали к окружающей среде, и они их нашли. Поэтому, с одной стороны, склад характера восточных марийцев схож с таковым у поволжской группы, с другой, имеет свои специфические особенности, приобретенные на новом месте. Для восточных мари характерно выраженное локальное самосознание и, на наш взгляд, их психология — предмет для самостоятельного научного исследования.

Правительство стремилось обратить марийцев в христиан, внедряя и налоговые льготы. Так, новокрещенные марийцы освобождались от рекрутства и от уплаты налогов на три года. Но в целом марийцы, вынужденно и формально приняв некоторые православные обряды, несмотря на угрозы, жестокие преследования и наказания, продолжали придерживаться своих народных верований (2, с.105; 13, с.29, 31, 48-49). Н. Дурова, жившая в Елабуге в первой половине XIX века, в одной из своих повестей описывает религиозные пристрастия марийцев, живущих в окрестностях города: "Христиане по наружности, то есть, они крещены, ходят в церковь, приобщаются и соблюдают посты, но все усилия наших священников и правительства не могут истребить совершенно дух идолопоклонства в народе; они скрываются в самых мрачных и непроходимых лесах для отправления таинственных обрядов, из которых иные ужасны и кровавы... Все они имеют в нравах своих свирепость диких народов. Дремучие леса, в которых они строят всегда свои жилища, много способствуют как исполнению варварских обрядов их, так и сохранению неизменяемой дикости нравов" (14, с. 74). Вполне понятно, что русская писательница эти языческие обряды марийцев с животными жертвоприношениями воспринимала как "дикость нравов". А.И. Герцен в своей статье 1837 года приводит ответ вятских марийцев миссионеру, который характеризует основу бытия народа и право на свою внутреннюю духовную жизнь: "В лесу не все деревья равны, есть белые высокие березы и есть маленькие черные сосны. Пусть вы эти березы, а мы сосны" (5, с.491). Священник села Унжа Г. Яковлев во второй половине XIX века, отмечая, что христианство плохо приживается среди марийцев, объяснял это тем, что священнослужители не стремились знать что-либо о марийцах: "Причин этого неутешительного явления много: кроме упорной приверженности черемис к старине, бесплодность трудов духовенства зависит часто от незнания священниками языка, а большей частью

от незнания быта черемис, их верований, убеждений, и от неумения применяться к степени их понимания" (15, с. 1).

В языческой религии марийские крестьяне видели спасение от житейских невзгод, средство, с помощью которого можно избавиться от жестокого угнетения со стороны чиновников, православных попов и местных богатеев (16, с. 42).

Своеобразными протестами против насильственной и жестокой христианизации было проведение всемарийских молений, зачинщики которых преследовались (13, с. 80; 16, с. 45). Протестом против духовного закабаления можно назвать и возникновение у марийцев языческой секты "Кугу сорта". Секта вызвала интерес у общественности и поэтому ортодоксальному направлению в религии марийцев в дореволюционной литературе было посвящено очень много публикаций (17). Участники секты, с одной стороны, сделали попытки реформировать язычество, с другой — пропагандировать религиозный аскетизм. У секты было три толка, но основными идеями у всех было сохранение веры, протест против христианизации и русификации.

Во второй половине XIX века начали применяться более гибкие меры христианизации (13, с. 109). Конечно же, при столь длительном насаждении христианства со стороны царского правительства, некоторые православные понятия и культы внедрились в сознание марийских крестьян. В результате у части марийцев сложилась сложная форма синкретизма (двоеверие), но была и та часть населения, которая не воспринимала православие (чимари, мари вера).

На первый взгляд, такой религиозный синкретизм мог бы свидетельствовать о некоей двойственности сознания марийцев. Возможно, в прошлом эта двойственность существовала, однако за такой длительный период эти две религии как бы срослись и смешались. В настоящий период языческие и христианские культы, атрибуты сосуществуют вместе в сознании марийцев. Как показывают этнографические материалы, в сознании сельских жителей не существует четкого разграничения языческих и христианских обрядов. Полагаю, что этот религиозный феномен у марийцев необходимо тщательно исследовать методами психологии.

Общеизвестно, что в прошлом браки между представителями различных конфессиональных групп заключались редко. Эндогамными были и другие этнические группы. Марийский этнос подразделяется на три этнографические группы (субэтносы) — луговые, горные и восточные, имеющие свои специфические особенности в культуре, языке, проживающие в различных природно-ландшафтных условиях. Их культурная специфика также связана с различными межэтническими контактами. Очевидно, что имеются и особенности в складе характера. Поэтому при рассмотрении особенностей характера марийского этноса необходимо учитывать и при-

надлежность к определенной субэтнической территориальной группе. Внутри этих групп существовали и другие этнические подгруппы, в которых в свою очередь выделялись еще группы, имевшие религиозные или диалектные особенности в языке.

В марийской этнографии хорошо известно, что луговые марийцы подразделялись по признаку особенностей женского головного убора на три группы: "шарпанан-нашмакан мари" — марийцы, где бытовал женский полотенчатый головной убор "шарпан" и "нашмак"; "сорокан мари" — марийцы с женским головным убором "сорока"; "шымакшан мари" — марийцы с женским головным убором "шымакш".

Особое положение занимали горные марийцы, которые имели исторические особенности в развитии. Горная сторона — южная, возвышенная часть Марийского края с более плодородной почвой, население которой добровольно вошло в состав Русского государства. Экономически горномарийская сторона была более развита, так как здесь шире развивалось разнообразное кустарное производство и садоводство. Здесь в развитии товарно-денежных отношений большую роль играл важный путь — Волга, по которому горные марийцы отправлялись за пределы края. В религиозном отношении среди них быстрее распространилось православие. С. Михайлов в первой половине XIX века подчеркнул, что горные черемисы "религиознее даже русских" (18, с.99, 201). Эти особенности также накладывали отпечаток на характер горных марийцев, они издавна занимались кустарными промыслами, торговали на ярмарках. Горные марийцы левобережья Волги (кожла мари) занимались лесными промыслами, поскольку здесь было много лесов. О склонности к торговле горных марийцев в своих работах писал С. Михайлов: "Из них бывает на ярмарках много и порядочных торговцев с мелочными товарами, а ныне стали появляться торгаши мылом и другими русскими товарами"... (18, с.169, 202, 322). Торговлей занимались и луговые марийцы, проживающие ближе к Волге. Звениговские, моркинские марийцы в дореволюционный период экономически тяготели к Казани, где продавали свои изделия лесных промыслов. В работах дореволюционных авторов делались попытки очертить границы этнографических районов марийцев (19, с.75-76). Известный советский этнограф К.И. Козлова на основе особенностей культуры и языка впервые провела этнографическое районирование территории расселения марийцев. Она подчеркнула в своей работе, что "этнографический район — категория историческая, включающая в себя совокупность элементов и явлений хозяйственно-культурной общности населения, которое может быть этнически однородным или разнородным, но находящимся в постоянном контакте. Границы такого района могут быть подвижными, т.е. они могут расширяться и сужаться в зависимости от действия на них внутренних и внешних факторов — расселений, ассимиляций, хозяйственно-культурной нивелировки и т.д."

(20, с.230). Из этого следует, что при рассмотрении этнических особенностей характера необходимо учитывать принадлежность к определенному этнографическому району со специфическими хозяйственно-культурными особенностями.

В дореволюционный период существовали субэтнические группы, которые были эндогамны — мариец не брал в жены девушку, где бытовал другой женский головной убор, чем в его группе. Закономерно, что у этих групп сохранялся локальный идентитет (вплоть до современного периода). Принадлежность к определенной территориальной группе подчеркивалась через особенности материальной и духовной культуры, а также особенностей поведения. В народе существовали свои представления о характерных особенностях поведения соседней этнической группы. Такие же характеристики могли существовать и у представителей соседних селений о характерных особенностях поведения друг друга, даже если они принадлежали одной этногруппе (21). Эти представления базировались на многолетних наблюдениях и в иных случаях точно передавали характерные стереотипы поведения представителей другой этнической группы или соседней деревни, в других — они были неверными, случайными и субъективными. Хорошо известно среди народа, что моркинско-звениговские марийцы других марийцев, живущих севернее, дальше от Казани, называли "шенгел мари" — вкладывая в это понятие, с одной стороны, географическое расселение этих марийцев, с другой, что они отличаются от них особенностями культуры и в какой-то степени в этом названии выражается и пренебрежительное отношение к ним (22). Известно, что когда встречаются два незнакомых марийца, поздоровавшись, всегда задают вопрос: "Откуда ты?" (Кушеч улат? Кусо улат?) И при ответе спрашивающий определяет, к какой группе принадлежит этот мариец. А в прошлом такой вопрос можно было и не задавать, так как народная одежда, диалект языка давали всю информацию о человеке (23, с.151-153).Таким образом, "локальность самосознания" у марийцев существовала издавна, такое сознание сохраняется и сейчас. Неудивительно, что для большинства, вероятно, ближе и дороже тот человек, который из одной деревни, села, города, тот, у которого те же корни. Очевидно, в этом необходимо усматривать сохраненные стереотипы древних родоплеменных отношений, консервации которых в значительной мере способствовала соседская поземельная община.

Локальность — характерная особенность любой культуры. У марийцев локальные особенности в сознании сформировались в силу ряда объективных причин: Марийский край не представлял в дореволюционный период единой административно-территориальной единицы, что препятствовало консолидации внутриэтнических связей между различными группами и способствовало закреплению специфических отличий в языке, культуре и быте марийцев, живущих в разных губерниях России. Не меньшее значение

имела эндогамность территориальных и конфессиональных групп, что также сохраняла локальность сознания.

В целом сельская жизнь марийского населения в дореволюционный период была сосредоточена внутри общины, где решались практически все социально-бытовые вопросы на основе обычного права. Повседневная жизнь марийцев была связана с тяжелым сельским трудом, уплатой различных налогов, исполнением государственных повинностей. Разумеется, что и социально-экономическое развитие также влияло на особенности характера этноса.

Испытывая гнет со всех сторон: со стороны государства, чиновников, церкви, марийцы осознавали свое бесправие и реально понимали, что защиту ждать неоткуда, если на что-то надеяться, то только на себя, на собственные силы или же на богов, поэтому не роптали, а тихо и смиренно терпели все тяготы жизни. Об этой особенности марийского характера очень метко выразился герой одной из пьес талантливого марийского драматурга Я.П. Майорова-Шкетана Сардай: "Шып... Шужымо жапет шыпак эрта. Марий калык веле шыпак илаш мошта... Шыпак ойгыра, шыпак орлана... Йук пуыдеак ила... Адак южыжо шке эрыкше денак керем онгеш кечалт кола... Шыпак колат... Нуно йук пуаш огыт тошт." (Тишина... Голодное время тихо проходит. Только марийский народ так тихо жить может... Тихо переживает, тихо страдает. Живет, не подавая звука... Опять же иной добровольно в петле веревки умирает... Тихо умирают... Они даже голос подать боятся) (24, с.84).

К.Н. Сануков, известный марийский историк, характеризуя дореволюционную историю марийского народа, отметил, что покорившиеся марийцы "стали рабами, производили поколение за поколением рабское потомство". Отдельные вспышки сопротивления подавлялись царизмом, и новые расправы вновь добавляли состояние покорности, безысходности в народную психологию (25, с.5). История марийского народа — история покоренных, задавленных, униженных, гонимых. Политика царизма была направлена на сознательное торможение самобытного политического, социального, экономического, культурного развития марийского народа, как и других "инородцев" (25, с.6).

В конце XIX — начале XX века зародилась марийская интеллигенция, которая желала возрождения своего народа. Но в условиях царского гнета, шовинистических преследований "инородцев" сама гнетущая атмосфера настолько давила на сознание первых марийских интеллигентов, что многие из них даже старались скрывать свою национальность, стеснялись и боялись ее (26, с.3). На народное сознание влиял комплекс неполноценности и униженности.

В годы после революции 1905 года у марийской интеллигенции поднялось национальное самосознание, появились первые издания на родном

языке: "Марла календарь", "Война увер" (Военные вести). В истории марийского народа проявлялись действия общих закономерностей и особенностей исторического развития национальных окраин Российского государства.

Особенности были обусловлены спецификой исторических условий Марийского края на отдельных этапах, особенностями географического положения, природных условий, этнического состава населения. Но это не означает "особого пути" марийского народа и лишь указывает на многообразие форм исторического процесса. Великая Октябрьская Социалистическая революция ознаменовала коренной поворот в истории марийского народа и положила начало новой эре, освободила от эксплуатации и национального гнета. 4 ноября 1920 года была создана Марийская автономная область, преобразованная 5 декабря 1936 года в Автономную социалистическую республику. Была ликвидирована экономическая и культурная отсталость, унаследованная от прошлого, и обеспечены всестороннее развитие и расцвет марийского народа, формирование марийской социалистической нации. На особенности национальной психологии в советский период уже воздействовали другие факторы, связанные со строительством социалистического общества.

Национальная культура, литература и искусство, печать и школа на родном языке получили в те годы ускоренное развитие. И это было заслугой марийской интеллигенции. Некоторых из них мы по праву можем назвать марийскими пассионариями — людьми, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения. К ним относятся С.Г. Чавайн, М. Шкетан, И.П. Петров, Й. Кырля, Ф.Е. Егоров, О. Шабдар, В.А. Мухин, Н.А. Алексеев, А.Д. Кедрова, А.Ф. Эшкинин, Н.В. Игнатьев и многие другие. Большое влияние на крестьянское сознание оказала коллективизация. Во время ликвидации кулачества и в марийских деревнях в большинстве случаев были раскулачены крестьяне среднего достатка. Под раскулачивание попали семьи тех марийцев, которые были рачительными хозяевами, достигали всего своим трудом, имели много добротных построек на усадьбе (21).

Очень сильно марийский народ пострадал от сталинских репрессий. Практически была уничтожена вся интеллигенция – цвет народа, ее генофонд. Тысячи безвинно убиенных лучших сыновей и дочерей маленького народа — это громадная потеря. Культуре и самосознанию марийцев был нанесен сильнейший урон. Культура была отброшена далеко назад от завоеванных позиций. Через удушение начавшегося утверждаться национального самосознания народ вновь вернули в состояние нации рабов, нации пресмыкающихся" (25, с. 9). Эстонский этнолог Хено Сарв, анализируя особенности исторического развития финно-угорских народов России, отмечает: "В историческом аспекте особенно интересно наблюдать быстрое

зарождение политической жизни у марийцев в начале XX века, ее подавление сталинским режимом и сопровождающееся многочисленными проблемами возрождения сегодня" (27, с.119). Действительно, новому поколению марийской интеллигенции, преодолевая огромные трудности, собственные психологические барьеры, пришлось начинать заново наращивать культурный потенциал нации. Прерванная связь поколений частично была восстановлена в середине 50-х годов, с реабилитацией репрессированных деятелей культуры (25, с.10).

50-70-е годы для Марийской республики характеризуются интенсивными миграционными процессами. С одной стороны, коренное марийское население расселялось по стране, мигрировало в Среднюю Азию, Украину, Урал и другие регионы России, с другой, увеличился приток русских и представителей других народов в города и поселки республики. В результате в настоящее время на территории республики проживают представители свыше 70 различных этносов бывшего Советского Союза, а марийцы составляют меньше половины всего населения (43 %), т.е. на родной земле марийцы превратились фактически в национальное меньшинство, что еще более усугубляет положение этноса. Такое "распыление" марийского народа естественно ведет к интенсивным ассимиляционным процессам (28, с.3).

В итоге обострились проблемы и с национальными кадрами, удельный вес хозяйственных руководителей из числа марийцев в республике ничтожно мал, поскольку сделать карьеру на земле, где коренной народ в меньшинстве, стало проблематично (29, с.3; 25, с.14).

Много проблем и с функционированием марийского языка, родное слово практически вытеснено из интеллектуальной сферы в бытовую, "на кухню". У большинства марийцев, особенно горожан, выбито из сознания понимание общественной потребности в знании родного языка. По переписи 1989 года 20 % марийцев не считают язык своего народа родным, а в 1959 году таких было 5% (25, с.11). И в настоящее время наблюдается тенденция увеличения этой доли.

Однако, в связи с новыми демократическими явлениями в общественно-политической жизни России — гласностью, перестройкой, произошли некоторые положительные сдвиги и в сознании марийцев. Но все же комплекс национальной неполноценности, чувство зажатости, равнодушия, безысходности довольно прочно сохраняются (29, с.3; 30, с.3).

Как считает К.Н. Сануков, низкий уровень национального самосознания у марийцев нельзя объяснять только внешними факторами, внешним давлением. Он определяется в первую очередь внутренними психологическими трудностями (25, с.15). Создание общественного демократического объединения "Марий Ушем" стало определенным показателем начала перемен в национальном сознании. В целом советский период истории ма-

рийского народа был очень насыщенным, где были "взлеты, падения, подъемы". Это время было очень важным для этнической истории, а также и в плане формирования новых этнических стереотипов поведения. На наш взгляд, несомненно, что особенности сознания этого периода у марийцев требуют специального и обширного исследования.

Подводя своеобразный итог, можно констатировать, что особенности психологического склада марийцев были взаимосвязаны с историческими, политическими, социально-экономическими событиями, зависели от локального самосознания, особенностей традиционных занятий, конфессиональной принадлежности, религии в целом (сложная форма синкретизма).

ИСТОЧНИКИИЛИТЕРАТУРА

1. Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.
2. История Марийской АССР. Том. 1. Йошкар-Ола, 1986.
3. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.
4. *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989.
6. *Бахтин А.Г.* XV-XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
7. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995.
8. *Егоров Ф.Е.* Материалы по истории народа мари. Козьмодемьянск, 1929.
9. *Козлова К.И.* Марийско-русские этнические границы и связи в XVII-XVIII вв. // Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1971.
10. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв). Йошкар-Ола, 1975.
11. *Телешов Н.* Рассказы, сказки, легенды. М., 1967.
12. Марийские народные сказки. Йошкар-Ола, 1984.
13. *Попов Н.С.* Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987.
14. *Дурова Н.* Записки кавалерист-девицы. Казань, 1960.
15. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887.
16. *Васин К.К., Коробов С.А., Рейнфельдт Б.К.* Из истории развития философской и общественно-политической мысли в Марийском крае (дооктябрьский период). Йошкар-Ола, 1968.
17. *Васильев В.М.* Критический обзор литературы о секте "Кугу сорта" // Марийская религиозная секта "Кугу сорта". Йошкар-Ола, 1928.
18. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.
19. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
20. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
21. МЭЭ — 1985, 1990, 1995, Сернурский, Мари-Турекский, Параньгинский районы.
22. МЭЭ — 1997, Моркинский район.
23. *Малотова Т.Л.* Этническое самосознание и народный костюм марийцев // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.
24. *Шкетан Я.П.* "Сардай" // Собр.соч. Т.1. Йошкар-Ола, 1961.
25. *Сануков К.Н.* Марийцы. Прошлое, настоящее, будущее. Йошкар-Ола, 1992.
26. *Сануков К.Н.* С.Г. Чавайн: трудные повороты судьбы // Финно-угроведение. 1997. № 4.
27. *Сарв Х.* Отражение мировоззрения финно-угорских народов в истории их расселения в выставках Эстонского национального музея // Финно-угроведение, 1998. № 1-2.

28. *Чашкин Е.* Шкедычым шке утаре // Кугарня. 1994, 29 апреля.
29. *Вершинин В.И.* Ассимиляция нерусских. Кому это во благо? // Кугарня. 1993, 28 май.
30. *Иванов И.Г.* Калыкын унышо психологийжым вашталтыман // Кугарня. 1993, 21 мая.

Tamara Molotova

ABOUT MAJOR FACTORS OF FORMATION OF ETHNIC CHARACTER OF THE MARIS

The major factors, forming ethnic character of the Maris in the pre-revolutionary period are considered in the article. The features of the psychological character of the Maris were interconnected with historical, political, socio-economic events and depended on the local self-consciousness, peculiarities of economic occupations, belonging to some confession, religion on the whole.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Владимир Кудрявцев
Йошкар-Ола

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО МАРИЙЦЕВ

Возрождение язычества в современной жизни марийцев выдвигает перед наукой проблему комплексного изучения многих аспектов материальной и духовной культуры. Одним из них является исследование культовых мест как наиболее консервативных и устойчивых сторон проявления этнической жизни: деревянных сооружений *кудо*, ансамбля священных рощ *кӱсото* и языческих кладбищ. Они пространственно организованы и связаны с природным ландшафтом в единый ансамбль. Необходимость изучения этой темы связана с тем, что современная строительная практика не культивирует отвечающие этнографической специфике прогрессивные традиции народной архитектуры. Особое внимание нам хотелось бы акцентировать на том, что характерные национальные черты присущи не столько отдельным архитектурным формам и сооружениям, сколько системам их пространственной и композиционной организации.

Религиозное языческое сознание марийцев является одним из факторов идентичности. Данные социологических исследований последних лет показывают, что среди жителей Республики Марий Эл положительное отношение к возрождению языческих верований мари составляет 30,5 %, среди коренной национальности этот показатель соответствует 17,3 % у луговых и 53,8 % у горных мари (1, с. 32). Сто лет тому назад по результатам переписи населения 1897 года " верность своей старой (анимистической) религии сохранила лишь меньшая часть этноса, например, 27,6 % марийцев, 7,5 % удмуртов, 5,3 % ханты. Независимо от формально принятого христианского вероисповедания, языческие, анимистические традиции у многих народов сохранились и после их крещения и во многом определяли и этническое самосознание (2, с. 235).

Архитектурно-композиционные особенности ансамбля в деревянном зодчестве марийцев предусматривали комплексный подход в использова-

нии природного ландшафта (река - овраг- деревня - *кӱсото* /священная роща/ - кладбище) и организации непосредственно сельской усадьбы *(пӧрт* /дом/ - *кудывече* /двор/ - *кудо* /огород/ - *леваш* /навес/ - *клат, клад* /клеть, амбар/ - *монча* /баня/ - *пакча - агун -идым* /гумно/). В такой естественной пространственной организации расселения непременным атрибутом являлась граница – *тиште*, чаще всего эту функцию несли овраг с родником, река, ограда, ров, деревенские ворота *марла капка* у околицы и в рощах. Например, о последних в XVII в. Георги писал, что ворота в рощу вели с запада, востока и юга, через первые входили люди, через вторые вводили жертвенных животных, третьи были предназначены для подносчиков воды (3). Ворота, по мнению удмуртского этнолога В.Е. Владыкина, "...воспринимались как символ деревенского пространственного мира: гостей встречали и провожали у этих ворот, свадебный ритуал начинался здесь же, покойника несли на руках до деревенских ворот" (4, с. 219). Пространство деревни, например, у марийцев и удмуртов воспринималось как особая территория, поэтому оно огораживалось и имело специальные ворота.

Другое конструктивное сооружение деревянного зодчества выявлено марийским этнологом Г.А. Сепеевым. "Необходимой частью дореволюционной марийской деревни являлась окружающая ее со всех сторон изгородь */ял йыр пече/* с несколькими воротами у въезда в селение */пасу капка/* - пишет он. - Она была связана с системой полевых изгородей, применявшихся для ограничения полевых и сенокосных угодий от выгонов и пастбищ. Это было характерно для народов лесной полосы, применявших вольную пастьбу скота в загороженных поскотинах. Изгороди вокруг деревень и ворота у въезда отмечаются исследователями" (5, с. 118-119). Нам также важна и другая мысль удмуртского этнолога В.Е. Владыкина, подтверждающая, что "...религиозно-мифологически разрабатывались переходные состояния из одного статуса в другой, связующе-разграничительные", которые связаны особым отношением к таким архитектурным конструкциям и сооружениям, как к двери, окнам, воротам, ограде и т.п., когда "всякий раз за ними открывалось новое пространство, которое было необходимо реально или ритуально символически освоить" (4, с. 220). Это положение еще раз подчеркивает целостный подход к окружающему пространственно-предметному миру в мировоззрении финно-угорских народов.

При исследовании проблем деревянного зодчества финно-угорских народов Г.А. Сепеев отмечает общность некоторых сооружений, а именно: "Весьма показательно глубокое сходство архитектурно-планировочных традиций и функционально-обрядового назначения ряда традиционных построек. Одной из подобных построек является летнее жилище-кухня *кудо* — у марийцев, *куа* или *куала* — у удмуртов. У обоих народов эта дворовая постройка имела важное хозяйственно-бытовое и обрядовое значение. Она являлась, с одной стороны, летним жилищем и кухней, с другой - религи-

озно-обрядовым центром семьи, хранилищем ритуальных предметов. Эта постройка считалась обиталищем семейного божества-покровителя. Для хранения ритуальных предметов в этой постройке имелось отдельное помещение или специальный короб" (6, с. 9).

Древние, наиболее устойчивые формы в деревянном зодчестве отмечает исследователь этнической истории народов Поволжья К.И. Козлова. Она пишет: "Жилища типа удмуртской куалы или марийского кудо имели широкое распространение в лесном Поволжье в начале II тыс. н.э. и их можно связывать с финноязычными народами. На протяжении тысячелетия они не претерпели почти никаких изменений в своей конструкции, только несколько изменили назначение" (7, с. 52). В X- XIV вв. преобладающими постройками оставались кудо-куала.

Термин "кудо" в марийском языке имеет несколько значений и является одним из древних, сохранившихся до нашего времени. Современный словарь марийского языка трактует его в нескольких значениях: 1. дом, изба, крестьянский дом; 2. усадьба, хозяйство, крестьянский двор; 3. летняя кухня в виде легкой бревенчатой постройки без пола, потолка и окна; 4. устаревшее значение - принадлежности для жертвоприношения на языческих молениях у мари; место жертвоприношения в священной роще (*Под, тул лукмо ӱзгар, улен, сорта, шовыч — чыла тидыш ожно кудо маныт.* — Котел, приспособления для добывания огня, палка для размешивания еды, свеча, полотенца - все это в старину называли кудо. *Кудо - юмылан пуымо вер.* Кудо - это место жертвоприношения (8, с. 92). Все эти значения понятия "кудо" характеризуют хозяйственную, обрядовую, праздничную, общественную жизнь марийцев, но в контексте ансамбля культового зодчества мы будем пользоваться последними двумя значениями, отражающими языческую символику "деревянного фольклора".

В результате полевых экспедиций нам удалось установить традиционные постройки *кудо* в нескольких районах Республики Марий Эл. В некоторых сельских усадьбах они используются до сих пор в качестве летней кухни, в других стоят как реликт традиционной культуры, старожилы свидетельствуют об их существовании в недавнем прошлом во многих усадьбах.

В 1960-х годах это сооружение еще было широко распространено в материальной культуре сельских марийцев. Сегодня этот феномен остался в историческом прошлом, хотя конструктивные формы, эстетические качества, функциональное назначение могли быть использованы в современной архитектурной практике.

Марийское *кудо* представляет собой небольшое четырехстенное бревенчатое строение из тонких бревен. Не имеет ни пола, ни потолка, ни окон. Свет проникает через прямоугольное отверстие в крыше, оставленное для выхода дыма. Вход в помещение осуществляется через небольшую

дверь. В центре интерьера находится открытый очаг, над которым помещается цепь, прикрепленная к брусу, расположенному на двух параллельных бревнах, врубленных в венцы стен. Как отмечал Уно Холмберг, "...в свое время эта хижина была и у марийцев местом поклонения духам семьи /кудо-водыж - *В.К.* /; об этом свидетельствует круглая или четырехугольная закоптелая коробка из лубка или бересты, снабженная крышкой и стоящая в заднем углу кудо; к этой коробке мариец, как и вотяк, приближается только с благоговейным страхом; без сомнения, прежде в ней находились изображения божеств... Чтобы предохранить священную заднюю часть кудо от всякого вредного прикосновения, в некоторых местностях обычно ее отделяют второй стеной... такую обособленную часть... называли "малая хижина" *(изи кудо)*. Иногда определяют досчатой стеной только один из задних углов. В малую хижину, сообщающуюся с большой при помощи маленькой двери, ходят только взрослые мужчины, но и они не входят туда без особой надобности" (9, л. 1-3). Также известно нам, что в самом начале строительства, когда кладут первое бревно в основание постройки, марийцы просят *кудо-водыж* о даровании успеха, а при жертвоприношении духу дома молятся о защите его жителей и всей постройки (11, л. 10).

Об устройстве *кудо* в конце XIX - начале XX века К.И. Козлова пишет: "Покрытием служила двускатная тесовая крыша на стропилах, и в более раннее время - на самцах. В старых постройках скаты крыши наверху не доходили друг до друга, между ними образовывалась щель во всю длину крыши. Чтобы вовнутрь на попадал дождь, один из скатов крыши делался намного выше и нависал над другим, закрывая щель. В более новых кудо вместо щели делалось четырехугольное отверстие в одном из скатов, в которое выходил дым" (7, с. 52). Исследователь материальной культуры марийцев Т.А. Крюкова отмечала, что *изи кудо* использовалась для семейных жертвоприношений, подобно удмуртской *куала* и для хранения ритуальных вещей.

Оригинальный по форме деревянный замок с деревянным ключом и засовом обычно прикрепляли на дверь кудо. Они были традиционны и характеризуют умение марийцев изобретать сложные конструкции в деревообработке. Во внутренней части прямоугольной коробки находилась целая система двигающихся крючков и колышков. Каждый замок имел свой индивидуальный секрет. Подобные замки употреблялись и для дверей марийских амбаров и клетей. Замки делались из мягких пород деревьев, чаще всего использовалась липа, оформлялись резными узорами в виде розетки (См.: 10, 11, 12). Семантика декоративных резных узоров с изображениями розеток сводилась к оберегающей функции.

Кудо, как тип жилого помещения, считается наиболее древним. Это предположение выдвинула Т.А. Крюкова (11, с. 114), основываясь на мнении Н. Троицкой, что "...первоначально, как передавали старожилам их

предки, черемисы жили в шалашах, т.е. в маленьких избах без окон и печки, где для приготовления пищи на земляном полу разводили костер" (13, с. 66).

Обрядовая жизнь марийцев, так же как и удмуртов, происходила и в особых местах-святилищах. Они были четко определены и освящены в каждой деревне. Имелись культовые места и для объединения нескольких деревень, чаще родственных. Из всего многообразия молитвенных мест, например, удмуртов В.Е. Владыкин выделяет два наиболее значимые собственно святилища. Это *куала* и *Луд*. Он пишет: "Куала (точнее "куа", -ла - суффикс местного падежа - это особая ритуальная постройка, которая была известна, очевидно, многим финно-угорским народам ("кудо" - у марийцев, "кудо", "куд" - у мордвы, "kota" - у финнов, "koda" - у эстонцев, карел, вепсов, води, "кат", "хот" - хантов, "haz" -у венгров)... У удмуртов было два основных типа куа/лы: покчи (малая) и быдзым (великая или "родовая") куа/ла. Малая куа/ла служила для отдельной семьи и была непременной принадлежностью почти каждой удмуртской усадьбы, а родовая куа/ла объединяла представителей одного воршуда (рода), - сколько было воршудов в деревне, столько строили и быдзым куа. Обычно они стояли во дворе жреца или в лесу за околицей. По внешнему виду покчи и быдзым куа почти не отличались (только размерами): это бревенчатое срубное сооружение с двускатной крышей на самцах. Скаты неплотно прилегают друг к другу, щель между ними служит для выхода дыма. Низкая дверь ведет вовнутрь. Пол земляной. Посередине очаг. Вдоль стен тянутся лавки. В переднем углу стол и стул. Главными святынями куа считаются очаг с надочажным устройством, воршудная коробка с ритуальной посудой, которая хранится на особой полке – мудор" (4, с. 108-109). Мнение авторитетного удмуртского ученого еще раз подтверждает сходство марийских *кудо* и удмуртских *куа/ла*.

В 1929 году в Марийской автономной области работала экспедиция Московского государственного университета. Ее участники изучали народное зодчество марийцев, жилье, хозяйственные постройки и планировку помещений. Приводим описание *кудо* в записи Н. Чебоксарова, сделанной в д. Мари Китяк Мари-Турекского района: "Чум (кудо) представляет из себя прямоугольный вытянутый сруб рубленый в угол в 10 венцов и поставленный непосредственно на землю. Сруб имеет земляной пол и не имеет потолка. Крыша тесовая самцовая на 10 самцах и трех толстых бревенчатых слегах с каждой стороны, не считая подконьковой слеги. В наружной стене, обращенной во двор, досчатая одностворчатая дверь, отваряющая внутрь постройки. Между двумя венцами приходящимися прямо над дверью на расстоянии 60-70 см друг от друга врублены толстые продольные бревна, на которые в середине кудо положены четыре доски, так что между ними остается четырехгранное отверстие. На эти доски параллельно про-

дольным бревнам положены два небольших бруска, на которых укрепляется приспособление для подвешивания котла, состоящее из горизонтальной поперечной палки с надетым на нее вертикальным длинным деревянным крючком, в конце которого имеется отверстие для продевания второго деревянного крючка для котла, удерживаемого в своем положении железной палкой, вставляемой в одно из отверстий. У противоположной двери стены чума на некотором от нее расстоянии в продольные стены врублены одно над другим два бревна. В эти бревна по их середине врублено короткое поперечное бревно своим другим концом, покоящее в выдолблине задней стены постройки. На этот перевод настланы параллельно коротким стенам чума четыре бревна, врубленные своими концами в продольные стены постройки и образующие особый бревенчатый настил у задней стены кудо. Вдоль продольных стен проложены широкие, но чрезвычайно низкие лавки из еловых досок, положенных на круглые полаты. В настоящее время чум уже не служит в качестве летней кухни и является складочным местом, в котором хранится домашняя утварь" (14, л. 5-6).

В своих историко-этнографических очерках о черемисах И.Н. Смирнов дает следующее описание кудо. "На черемисском дворе есть постройка, которая представляет продукт собственной работы черемисина - это срубленный из тонких бревен и покрытый дранцами шалаш - кудо – писал он. - В настоящее время кудо служит летним шалашом. Во внутренность ее ведет обращенная на юг маленькая дверь с деревянным замком. При входе в кудо прежде всего бросаются в глаза земляной пол, закопченные дымом стены и толстые почернелые лавки вдоль стен. Эти лавки в старых дедовских кудах переносят наблюдателя в ту пору истории черемисского строительного искусства, когда была еще неизвестна пила и доска нужной толщины вырубалась топором из цельного дерева. В углу против входа стоит обыкновенно стол, на котором всегда можно найти большую деревянную чашку с положенными на нее караваем хлеба и ножом... Рядом помещается самодельная деревянная солоница. По лавкам стоят ведра с водой и разная домашняя утварь; в углу у входа можно встретить бочонок с пивом или квасом, поставленный для устойчивости на поленья. Летом, когда хозяева дома, на земляном полу кудо всегда горит огонь. На нем готовят пищу, он своим дымом отгоняет назойливых комаров. Над кострищем висит на длинном зубчатом деревянном крюке котел. Крюк задет за палку, которая лежит поперек двух тонких бревен, идущих от входа в кудо до противоположной стены на высоте сажени. Кудо обыкновенно разделена бревенчатой стеной на два отделения - одно большое, другое маленькое, которое находится позади стола... Это был уголок, который назначался для домашнего духа кудо-водыж" (15, с. 71).

Конструктивные и планировочные традиции держались устойчиво и не изменялись в строительных приемах и архитектурных формах. Очевид-

но, можно предположить, что архитектура *кудо* не имела локальных различий и была в своей основе единой для всех этнографических групп марийцев. Это еще раз подтверждает устоявшийся веками древний тип сооружения, который не испытывал иноэтнических влияний.

При строительстве *кудо* сложились своеобразные оригинальные приемы архитектурно-конструктивного решения. Крыша, например, чаще всего была двускатной. В одних случаях верхний конец одного ската был длиннее второго, таким образом, образовывалась щель и небольшой навес над ней. В результате этого помещение освещалось, защищалось от дождя и в то же время дым от очага свободно выходил в щель. Крыша конструктивно располагалась на слегах, покоившихся на продолжавшихся до самого верха бревнах, так называемых "самцах". Такой тип называется марийцами *шекмак* - йошкар-олинский говор. Особые жерди с корневищем - крюком ("курицы", марийский термин *йэргах* - мари-турекский говор, *прчак* - йошкар-олинский говор) несли выдолбленный из целого бревна желоб-водосток и удерживали от сползания само покрытие. Поскольку вверху между скатами оставалась щель, то употребление бревна "охлупня" (марийский термин *"вуйкумыктыш"),* придавливавшего скаты сверху, здесь было невозможно. Его успешно заменяла особая торцовая доска или брусок *"огниво".* Эта деталь скрепляла два бревна ("гнеты"), расположенные поверх лубяной или досчатой кровли и прижимающие ее к находящимся ниже слегам. Высыхая, огниво сжималось, что делало всю крышу монолитной жесткой конструкцией. Подобный рациональный строительный прием был распространен также в народном зодчестве карел и финнов (16, с. 16; 51-52). Причина широкого применения самцов, куриц и огнива заключается в том, что они позволяли обходиться при строительстве *кудо* без гвоздей и давали возможность легко заменять подгнившие детали крыши.

Как оригинальный тип постройки *кудо* свидетельствует о древности строительных традиций марийцев, об умелом разрешении конструктивных и функциональных задач. Он был жилищем и местом молений, использовался в качестве помещения для жертвоприношений, служил и служит в качестве летней кухни и хранилищем ритуальных предметов.

Другим культовым местом у марийцев является *кӹсото* /священная роща/. Марийский историк Ф.Е. Егоров описывает ее так: "Почти все моленные рощи древних марий, как известно археологии, были расположены около какой-либо речки или озера. Для предупреждения входа в эти рощи скота или диких зверей, на ровном месте рощи обводились канавами, причем с одной стороны рощу охранял крутой берег речки или озера. Для входа в рощу устраивали ворота, в некоторых местах с западной стороны, а в некоторых - с восточной. Древние городища религиозного характера имели трое ворот - с западной, восточной и северной стороны, то же можно встретить и у современных марий и вотяков. Через восточные ворота вводят

жертвенный скот, через западные ходят сами молящиеся и через северные приносят воду и дрова" (17, с. 41). Подобные священные рощи имелись и у других финно-угорских народов. Например, у удмуртов *Лудь, Кереметь* (южные удмурты) или *"вӧсяськон чачча* (северные удмурты). "Вообще, в отношении к *Луду* особенно строго соблюдались запреты, пожалуй, как нигде демонстрировалось почтительное отношение. Рощи огораживались, в них соблюдалась величайшая чистота, за это были ответственны специально выделенные люди, - пишет В.Е. Владыкин - Луд, как святилище, нам представляется по древности старше даже куалы; кажется, это была одна из первых форм сакрализации пространства с постепенным его сужением и локализацией, концентрированием на почитаемом объекте (лес - роща - дерево)" (4, с. 109-110).

Как описывал И.Н. Смирнов, черемисские *кӱсото* не есть храм, посвященный одному какому-нибудь божеству, в нем приносятся жертвы всем добрым богам, перед деревом в *кӱсото* у марийцев устраивается стол в виде рассадника (*шаге*), вышиною около аршина; на стол ставится сосуд с медом и сытой (*лянгыс, кӧряга*), чашка с жертвенным мясом, хлеб, ковш, в которые кладутся кусочки, отделяемые для богов. В XIII веке над столом устраивается навес: на некотором расстоянии от стола в землю врывались столбы и покрывались деревянной кровлей (15, с. 16). По нашим наблюдениям, в сентябре 1995 года в священной роще возле д. Купран-Сола Сернурского района Республики Марий Эл происходило языческое моление марийцев. Перед почитаемым деревом липой был установлен *шаге* (жертвенный стол), сложенный из жердей. Забитые в землю колья, высота которых была примерно около 1 метра, служили в качестве ножек стола. На *шаге* сверху были разложены еловые ветки. В направлении на север от жертвенного стола находилось *тулолмо* (костер). На толстых бревнах с развилкой, вкопанных в землю, покоилась перекладина с подвешенными на нее котлами. А толстые длинные бревна с двух сторон от костра лежали на земле. Здесь же недалеко стоял вертикально поставленный столб для привязывания жертвенного животного. С северной стороны от очага находились скамейки из половых досок. Исследователь языческой религии марийцев Н.С. Попов дает описание и характеристику ансамбля культовых построек и схему расположения их в *кӱсото* (18, с. 130-145).

Уно Голмберг указывает на наличие и других сооружений: "В больших, общих для нескольких деревень, рощах можно видеть род постройки, каких обычно не бывает в деревенских рощах; именно здесь часто находится сделанный из тесаных досок сарай, который бывает необходим особенно в дождливое время, так как приносящие жертву во время долгого праздника и даже ночью, не могут покидать рощу. Под кровлей есть скамьи и посреди их стол. В "Кереметь-рощах" марийцев теперь нет таких строений,

нет также и хижин, соответствующих хижинам Керемети (Луд. куала) у вотяков" (19, л. 12).

Конструктивные особенности традиционных типов ворот, используемых в ансамбле деревянного культового и жилого зодчества, представляют *марла капка* (марийские ворота). Для его сооружения не нужно было другого строительного материала кроме дерева. Вырыв поглубже в земле яму, укреплялись два пропитанные смолой сосновых столба, а посередине закрепляли большое полотно с основанием. Казалось, будто основная доска полотна лежит поперек. Для удобства скольжения при открывании ворот конец полотна обмазывался дегтем, тем не менее *марла капка* издавал сильный скрипучий далеко слышимый звук. Поэтому большую створку ворот открывали только для проезда лошадей, а люди ходили через малые ворота.

С языческим культом связаны также намогильные памятники марийских языческих кладбищ. В ходе полевых экспедиций 1996 года нам удалось зафиксировать языческое кладбище в д. Керде Оршанского района Марий Эл. В этом смешанном кладбище около половины памятников являются языческими. Территория кладбища огорожена со всех четырех сторон, имеет ворота и ограждения. Соблюдение языческих норм погребений выражается здесь в следующих типах намогильных сооружений. Первый тип представляет обычные деревянные шесты из стволов молодых берез, обвязанных белым полотенцем. Подобные мемориальные шесты известны, например, у карел. Об этом Ю.Ю. Сурхаско пишет: "Традиционным, завершающим погребение действием, исполнение которого карелы практически повсеместно считали в прошлом обязательным, было обвязывание креста (либо заменявшего его [шеста] полотенцем или хотя бы лоскутом белой ткани - "ветряным платком" (tuulipaikka)... Иногда полотенце привязывали не к кресту, а к стволу близлежащего дерева. О том, насколько большое значение карелы придавали и продолжают придавать поныне обычаю вешать на кресты "ветряные платки", свидетельствует факт широкого бытования этого обычая еще в наши дни. Первоначальная мотивировка обычая уже, по-видимому, основательно забыта. Население рассматривает такие платки как "утиральники покойников" и как один из видов приношений умершему родичу: не случайно, посещая могилы родственников, женщины всякий раз привязывают к крестам новые "ветряные платки". Словом, так или иначе, но в данном случае нельзя не видеть одно из разнообразных проявлений культа мертвых" (20, с. 109-110).

Другой тип мемориальных сооружений представляют установленные вертикально деревянные брусы высотой до 1-1,2 метра, завершенные сверху двускатной крышкой.

Третий тип - представляет небольшую по высоте широкую деревянную установку из бруса высотой до 0,5 метра. В нее дополнительно при-

крепляют деревянную дощечку с фамилией и именем покойного или биографические данные, которые размещаются непосредственно на поверхности бруса.

В современных могилах у некрещеных марийцев наблюдается металлический или деревянный памятник с тремя наконечниками, символизирующими три начала, - "киямат тора", "киямат савус" и самого покойника. Такие надгробия зафиксированы этнографом Т.Л. Молотовой (21, с. 68).

В целом, традиция организации культовых мест, как органическое целое, вписывается в природный ансамбль деревянного зодчества со всеми компонентами комплекса ограждений и сооружений, типичных и эволюционировавших в своем развитии построек и связанных с мировоззрением других финно-угорских народов, имея как общие, так и отличительные особенности.

Другие культовые постройки, как разновидность *кудо*, представляли сооружения религиозной секты "Кугу сорта". Описывая это религиозное движение, В.М. Васильев акцентирует внимание на том, что главное отличие каждого сектанта религиозной секты "Кугу сорта" заключается в наличии двух домов, в одном из которых он живет, а в другом проводит культовые обряды, используя его в религиозных целях для молений и бесед, и замечает, что "следует указать, что у некоторых сектантов имеется во дворе огороженный кругом сад для молений (*кумалме пиче*)" (22, с. 133). "Другой момент, тоже очень характерный, служащий для еще большего подтверждения и оправдания указанного быта и оседлой жизни вообще, это наличие плана двора сектантов из восковой пластинки, - продолжает В.М. Васильев. - Обрядовое же подтверждение указанного факта надо видеть в устройстве моления со всесожжением, в котором принесены в жертву кроме обычных молитвенных продуктов еще все орудия земледельческого быта в видах моделей, а в том числе и планы дворов и восковой пластинки всех сектантов" (23, с. 34). Он же замечал, что в 1907 году в сентябре месяце в каждой дворовой роще после краткого общественного моления схоронены в земле по семи столиков, сделанных из семи различных материалов, соответствующих все тем же семи низшим началам, т.е. из березы, конопли, ржаной соломы, липы, вербы, овсяной соломы и травы. На каждом столике положено по семи семянок из тех же вышеупомянутых материалов (23, с. 35). Такой столик, служивший для семейного моления, зафиксирован нами в д. Турша в хозяйстве Охотникова Евдокима Ивановича (1818-1910). Хозяин дома сам владел ремеслом резьбы по дереву, искусством плетения, другими традиционными ремеслами.

Еще одним древнейшим памятником культовой практики марийцев являлось просуществовавшее до 1830 года мольбище Чумбулатов камень - высокий утес на реке Немда. "Самый камень есть простой известковый утес на краю мыса, - писал С.К. Кузнецов, посетивший в 1904 году древ-

нюю святыню луговых мари. - В этом именно отлогом месте... вырублены в скале ступеньки в 5 четвертей длины, ведущие к подножию скалы... Ступеньки устроены совершенно правильно и весьма удобны для ходьбы, потому что не превышают 5 вершков. Подножие утеса в изобилии покрыто щебнем и крупными осколками, происшедшими при разрушении камня порохом... Несмотря на страшное разрушение, произведенное взрывом, камень все еще громадных размеров... Самый алтарь, где возжигался главный костер Чумбулату, помещался налево от лестницы, ... представлял собою огромный кубической формы камень. Алтарь этот ... был гладко обтесан и висел над оврагом... Православие ничего не выиграло от уничтожения Чумблатова камня... черемисы поклонялись не камню, а обитающему тут божеству" (24, с. 24-28; 30). В возведении культовых сооружений марийцы умело использовали местные условия ландшафта, природных материалов, в частности, местного известкового камня и искусно применяли его в организации ансамбля культовых мест, примером чему является зафиксированный памятник Чумбулатов камень.

Изучение культового зодчества, включающее многие стороны решения композиционно-планировочных, конструктивных, этнических сторон в окружении естественного природного ландшафта и в дополнении с малыми архитектурными формами и традиционной утварью связывает многогранный мир сельского жителя с мировоззренческими понятиями языческого бытия. Устойчивость отдельных элементов свидетельствует о стабильности структуры культовых мест в целом и совершавшихся в нем обрядов. Естественно, что не все элементы культового зодчества дошли до нас. Однако те элементы, которые присущи и древности, и современной этнографии, и истории искусства и архитектуры, несли наибольшую функциональную нагрузку. Именно они являлись структурообразующими элементами культовой практики и сооружений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (по материалам социологического исследования 1994г.). Йошкар-Ола, 1995.

2. *Андреас Каппелер*. Россия. Многонациональная империя Возникновение. История Распад. Перевод с нем.: Светлана Червонная. М., 1996.

3. См.: *Георги И.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов I. СПб., 1799.

4 *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994

5. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975.

6. *Сепеев Г.А.* О некоторых общих традициях в духовной культуре поволжских финнов // Этнокультурные традиции марийского народа. АЭМК. Вып. 10. Йошкар-Ола, 1986.

7. *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964.

8. Словарь марийского языка. Т. III Йошкар-Ола, 1994.

9. НРФ МарНИИ, оп. 1, д.94.

10 *Червонная С.М., Кудрявцев В.Г.* Комплексная экспедиция Академии художеств СССР по декоративно-прикладному искусству в Марийской АССР. 1986 год. Отчет // НРФ МарНИИ, МЭЭ-86, № 109.

11 *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956.

12 *Соловьева Г.И.* Марийская народная резьба по дереву. Йошкар-Ола, 1986.

13 *Троицкая Н.* Черемисы Арбанской волости // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1894. Т. XI

14 НРФ МарНИИ. оп 1. д 289. тетр 3.

15 *Смирнов И.Н.* Черемисы. Казань. 1889.

16 См : *Орфинский В.П.* Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.

17 *Егоров Ф.* Материалы по истории народа мари. Козьмодемьянск. 1929.

18 *Попов Н.С.* На марийском языческом молении // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.

19. *Холмберг У.* Религия черемис. Порвоо. 1926 // НРФ МарНИИ, оп. 1, д.92.

20 *Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел. Конец XIX - начало XX вв. Л., 1985.

21 См.: МЭЭ, 1995.

22. *Васильев В.М.* Марийская религиозная секта "Куту сорта" // Марий Эл. 1927. № 7-9.

23. *Васильев В.М.* Марийская религиозная секта "Кугу сорта". Краснококшайск, 1927.

24 *Кузнецов С.К.* Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария (Отдельный оттиск из "Этнографического обозрения". Кн. LXIV). М., 1905.

Vladimir Kudryavtsev

PAGANISM ARCHITECTURE OF THE MARI PEOPLE

A house of the Maris called kudo and of the Udmurts called kua or kuala has a very important economical and ritual meaning. It is considered to be the kitchen, religious and ritual center of a family, the warehouse of different ritual things and the residence of the family god — kudo-vodyz. When the Maris begin to build a house they ask kudo-vodyz to help them and they make a sacrifice to this god. Kudo is made of wood and without any nails, that is why it is very easy to change the roof. The Mari people have their own way of building.

A sacred grove - küsoto is a place with the help of which we can learn the ancient traditions of the Mari people. There was a gate - marla kapka - to enter into the grove. There was a sacrifice table - shage - before a sacred tree (onapu). To the north of the tree there was a fire - tulolmo.

The grave monuments tied round with a white towel in the cemeteries are closely connected with the pagan cult. The phenomenon is noticed in the tradition of the Karel people. In Karelia towels are called tuulipaika or a wind kerchief.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Фанис Исламов
Казань

МОРДОВСКО-ТАТАРСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

В истории народов Поволжья, Приуралья, Средней Азии и Казахстана большую прогрессивную роль сыграла Казань, город крупнейшего в стране университета, город славных революционных традиций. Еще великий русский революционер А.И. Герцен, предвидевший эту своеобразную миссию Казани, в своих "Письмах из провинции" (1836) писал: "Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке: здесь они от беспрерывного действия друг на друга сжились, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру. Далее на восток слабеет начало европейское, далее на запад мертвеет восточное начало. Ежели России назначено, как провидел великий Петр, перенести Запад в Азию и ознакомить Европу с Востоком, то нет сомнения, что Казань — главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу..." (1, с.132).

Казань была известным учебным центром дореволюционной России. В школах Братства святителя Гурия, в Казанской "инородческой" учительской семинарии, в казанских гимназиях, в Казанском университете, в Казанском учительском и Восточно-педагогическом институтах и в других учебных заведениях города обучались представители многих народностей. Открытое в 1867 году в Казани Братство св. Гурия ставило своей целью "первоначальное образование и духовное просвещение "инородцев" — народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Переводческую комиссию при братстве возглавил известный педагог-миссионер Н.И. Ильминский, разработавший систему воспитания и образования инородцев. "Казань для инородцев такой же центр, каким является для русских Москва", — говорил видный лингвист профессор Н.Ф. Катанов (2).

С этим городом связано создание в 1847-1902 годах первых азбук, букварей для луговых черемисов (марийцев), горных черемисов, чуваш, самодийцев (ненцев, селькупов), мордвы-эрзи, мордвы-мокши, калмыков, башкир, северо-восточных и иньвенских пермяков, для вотских (удмуртских), алтайских детей. Немного остановимся на освещении истории создания первых мордовских букварей

В создании первых мордовских азбук приняли активное участие А.Ф. Юртов, М.Е. Евсевьев и др. В 1884 году в типографии Казанского университета А.Ф. Юртов выпустил "Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки". Он был первым мордовским букварем. Затем в Казани появились нижеследующие буквари и учебники, составленные учеником А.Ф. Юртова М.Е. Евсевьевым: Букварь для мордвы-эрзи: Казань, 1892, то же, 2-ое изд. Казань, 1894; Букварь для мордвы-мокши, Казань, 1892, то же, 2-ое изд. Казань, 1897; Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши. Казань, 1892, то же, 2-ое изд. Казань, 1898; Первоначальный учебник русского языка для мордвы-эрзи: Казань, 1892, то же, 2-ое изд. Казань, 1897 и др.

В Казани издавались первые произведения, научные труды писателей, ученых марийского, мордовского, удмуртского, чувашского, башкирского, киргизского и других народов. В начале XVIII века в Казани была открыта Казанская архиерейская (епархиальная) школа. В ней обучались 14 мальчиков разных народностей Поволжья, в том числе и представители мордовского народа. Епархиальная школа готовила преимущественно духовенство. В 1732 году архиерейская школа была преобразована в духовную семинарию.

Н.И. Ильминский (1822-1891) — выходец из мордвы, профессор Казанского университета, в 1863 году с помощью учителя В. Тимофеева, крещенного татарина, создал татарский букварь и открыл крещенно-татарскую школу. Здесь мордовцы обучались опыту перевода на родной язык. В 1873 году в Казани вышла его книга "Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках".

В деле развития просвещения нерусских народов Поволжского края, в подготовке учителей для начальных классов сельских школ Поволжья и Приуралья огромную роль сыграла открытая в 1872 году Казанская "инородческая" учительская семинария. Она внесла большую лепту не только в подготовку учительских кадров из национальных меньшинств, но и в разработку методики образования и воспитания в широком смысле. В свое время это учебное заведение являлось видным центром педагогической мысли и межнационального содружества. Здесь обучались представители более 20 национальностей.

В течение 47 лет (с 1872 по 1919 год) ее окончило более 1500 выпускников: русских – 686, татар — 243, чувашей — 179, марийцев — 128.

мордвы — 110, удмуртов — 70, определенное количество казахов, пермяков. калмыков, корейцев. коми. якутов, арабов. башкир. алтайцев, абхазов. эстонцев и т.д.

Только с 1876 по 1891 г. переводческой комиссией при Казанской учительской семинарии было напечатано 142 названия книг, пособий и руководств к ним на 12 языках.

В стенах Казанской "инородческой" учительской семинарии и в других учебных заведениях г. Казани получили образование такие видные сыны мордовского народа. как А.Ф. Юртов. М.Е. Евсевьев, известный мордовский поэт, один из основоположников мордовской письменной литературы, педагог и общественный деятель И.П. Кривошеев. видный мордовский учитель-педагог, методист Е.В. Скобелев. известный мордовский композитор, заслуженный деятель искусств Л.П. Кирюков. З.Ф. Дорофеев. И.Я. Бондяков, П.С. Глухов. И.Ф. Прокаев. Т.И. Данилов, М.И. Наумкин. В.П. Ямушкин. И.П. Московкин. Е.Б. Буртаев. М.М. Кузьмин. М.Н. Кручинкин, А.Ф. Лазарев и др. Большинство из них со временем активно включились в работу по созданию советской национальной школы для мордвы.

Учителем мордовской начальной школы при семинарии работал единственный тогда мордвин — А.Ф. Юртов. Он проработал в семинарии всего семь лет. Здесь начал изучать этнографию мордвы. ее религиозные верования и обряды. В 1877 году под псевдонимом "Юр-в Ав-ий" в "Известиях по Казанской эпархии" он опубликовал статью о погребальных обрядах и поверьях крещеной мордвы Уфимской губернии.

В 1878 году успешно выдержал экзамены в Казанскую "инородческую" учительскую семинарию первый мордовский ученый. просветитель. фольклорист, этнограф и педагог М.Е. Евсевьев. С этого времени более полувека жизнь М.Е. Евсевьева была связана с Казанью. Он в 1883 году блестяще окончил Казанскую "инородческую" учительскую семинарию и был оставлен в ней учителем начального училища. Согласно положению при семинарии были открыты четыре училища: удмуртское. мордовское. марийское и чувашское. М.Е. Евсевьев учительствовал в семинарии с 1883 по 1919 год. Сначала преподавателем начальной школы при семинарии (в марийской и мордовской группах), потом преподавателем семинарии. Был назначен заведующим мастерскими в 1906 году и работал в этой должности в течение шести лет. В приготовительном классе он преподавал русский и мордовский языки. арифметику, географию и одновременно был классным наставником. За годы работы в семинарии он снискал любовь воспитанников и уважение коллег. Не случайно в 1916 году М.Е. Евсевьев был избран председателем предметной комиссии по русскому языку. Он активно работал в переводческой комиссии, созданной в Казани при Братстве святителя

Гурия в 1876 г., где готовились к изданию учебники, учебно-методическая и справочная литература для нерусских народов.

В целях улучшения обучения и воспитания были изданы учебники русского языка. Всего было осуществлено три выпуска. Первый из них, направленный на изучение русских слов и образование из них фраз, был составлен в 1892 году М.Е. Евсевьевым и переложен на все нерусские языки казанского края. В 1893 году Министерство народного просвещения выделило средства на издание соответствующего учебника для татар.

С просветительской деятельностью М.Е. Евсевьева органически связана его преподавательская работа в Казанской учительской семинарии. Сотни ребят различных национальностей — чуваши и татары, удмурты и мордва, башкиры и казахи — прошли через руки наставника. М.Е. Евсевьева по праву можно считать учителем учителей народов Поволжья. Казанская учительская семинария была крупным методическим центром края по вопросам национального просвещения. Здесь работала группа таких известных педагогов и методистов, как Н.А. Бобровников, И.С. Михеев, Н.В. Никольский, Н.И. Ашмарин и др. М.Е. Евсевьев в этом кругу пользовался заслуженным авторитетом.

Строительство национальной мордовской школы требовало подготовки педагогических кадров. Это стало главным делом жизни М.Е. Евсевьева.

По поручению Наркомпроса РСФСР в 1920 году М.Е. Евсевьев организовал в Казани трехгодичные мордовские учительские курсы и стал их первым директором.

С открытием в 1921 году Казанской восточной академии, преобразованной позднее в Восточный педагогический институт, М.Е. Евсевьев избирался ее преподавателем, профессором, читал для будущих педагогов лекции по мордовскому языку и этнографии мордвы. С 1925 по 1930 год он преподавал мордовский язык и литературу, историю мордвы в Татарском коммунистическом университете и одновременно в Казанском педагогическом техникуме.

М.Е. Евсевьев уделял большое внимание курсовой подготовке и переподготовке мордовских учителей. Под его руководством были открыты курсы в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Симбирске, Самаре, Саранске, Саратове.

В 20-е годы вышли в свет крупный исторический труд "Мордва Татарской республики", фундаментальное исследование "Основы мордовской грамматики", "Эрзянско-русский словарь", этнографический труд "Мордовская свадьба", фольклорные сборники "Эрзянь евкет" ("Эрзянские сказки") "Эрзянь морот" ("Эрзянские песни") и др. Однако, многое осталось в рукописях, и только в 1961-1966 годах были изданы "Избранные труды" М.Е. Евсевьева в пяти томах. Они впервые показали богатство, широту и целостность просветительского наследия ученого и мыслителя.

С 1919 по 1929 год, после закрытия семинарии, М.Е. Евсевьев работал заведующим и научным сотрудником этнографического отдела Государственного музея ТАССР. Он широко развернул деятельность этого отдела, особенно его угро-финской части. В эти годи ученым опубликованы такие работы, как "Описание этнографического отдела Центрального музея Татарской АССР" и др. Неутомимый исследователь свою деятельность в музее сочетал с преподавательской работой в различных учебных заведениях. В 1925 году при Татарском коммунистическом университете открылось отделение для марийцев, мордвы, чуваш и удмуртов. Для чтения курса лекций по мордовскому языку и литературе и истории мордовского народа был приглашен М.Е. Евсевьев. Здесь он работал до 1930 года.

Из 68 лет жизни 46 М.Е. Евсевьев отдал научно-педагогической деятельности. За это время он воспитал большое число педагогов из мордвы, других народов Поволжья и Приуралья.

11 мая 1931 года М.Е. Евсевьев скоропостижно скончался. Его похоронили на Арском кладбище в Казани.

Перу М.Е. Евсевьева принадлежит ряд книг, вышедших в Казани: Евангелие от Луки. На эрз. наречии морд. яз. 1889; то же, 2-ое изд. 1897; Евангелие от Луки. На мокш. наречии морд. яз. 1891; Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. На (эрз.) мордовском языке, 1910; Священная история Ветхого Завета. На эрз. наречии морд. яз. 1894. Священная история Ветхого Завета. На мокш. наречии морд. яз. 1897; Крещение Руси при святом князе Владимире: В память 900-летия крещения Руси. На эрз. яз. 1888; Русь при Владимире. На мокш. наречии морд. яз. 1991; Молитвы и церковные песнопения. На эрз. наречии морд. яз. 1890; То же, 2-ое изд. 1898; Молитвы и пасхальные ирмосы. На мокш. наречии морд. яз. 1891; Рассказ о болезни и смерти...Александра III. На эрз. наречии морд. яз. 1894; Рассказ о болезни и смерти ... Александра III. На мокш. наречии морд. яз. 1894; Образцы мордовской народной словесности. Мокшанские песни. 1896; Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. 1914.

Истинный ученый всегда знает язык тех народов, среди которых он живет. Ярким примером для нас является М.Е. Евсевьев. Будучи весьма одаренным человеком, он в совершенстве владел, кроме родного языка, не только русским языком, также хорошо знал чувашский, татарский и марийский. Вдумчивый исследователь был большим знатоком духовной и материальной культуры не только мордвы, но и многих народностей Поволжья: марийцев, татар, чувашей, удмуртов.

Казанский университет был центром культурной и общественной жизни края. Русские, татары, мордва, марийцы, башкиры, чуваши и другие народы видели в нем источник света, считали его своим.

Большой заслугой Казанского университета в развитии просвещения и образования народов России являются организации (часто по инициативе

казанских ученых) национальных школ, издание школьных учебников на национальных языках в университетской типографии. Здесь появились в свет почти все буквари и азбуки для национальных школ вплоть до Октября. В 1892 году в типографии Казанского университета вышла книга проф. И.Н. Смирнова "Мордва. Историко-этнографический очерк".

Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете внесло большой вклад в изучение истории, духовной и материальной жизни, культуры и мордовского народа. Здесь М.Е. Евсевьев формировался как ученый-исследователь, исповедующий гуманистические и демократические принципы русской этнографии и фольклористики. В 1889 году он был избран членом-сотрудником общества, а в 1914 году — его действительным членом. М.Е. Евсевьев выступал на заседаниях общества, организовал выставки своей уникальной коллекции мордовского костюма и других предметов быта. В "Известиях" общества (за 1879-1930 годы они вышли в 34-х томах) был опубликован ряд ценных материалов и о мордвинах. В 1896-1897 годах в них были опубликованы "Образцы мордовской народной словесности" – 24 мокшанские песни, записанные им в Саранском и Краснослободском уездах Пензенской губернии.

С первых дней Советской власти Казань еще больше стала оказывать конкретную помощь в культурном подъеме, в подготовке специалистов высшей квалификации, в развитии научных исследований народов Поволжья и Приуралья.

В поиске путей приближения рабочей молодежи к высшей школе с начала 1919 года решением коллегии Наркомпроса РСФСР организуются подготовительные курсы в вуз. 8 июля 1919 года такие курсы открываются и в Казани. Открытый в центре многонационального края, казанский рабфак с первых лет стал кузницей подготовки кадров для национальных республик Среднего Поволжья и Приуралья. В 1924 году на рабфаке открылись удмуртское и марийское отделения, а в 1925-1926 учебном году - мордовская и чувашская группы.

В 1925 году в Казани на мордовском языке выходила газета "Валда эрямусь" ("Светлая жизнь") — орган Татарского обкома ВКПб.

С татарским народом и его краем тесными узами была связана жизнь и научно-исследовательская деятельность заслуженного деятеля науки Мордовской АССР доктора педагогических наук профессора Ф.Ф. Советкина. В годы революции он находился в Казани, откуда вскоре переехал в г. Чистополь, где провел восемь лет жизни. Это были годы становления советской школы. В марте 1918 года состоялся съезд учителей Чистополя и уезда. Председателем съезда был избран Ф.Ф. Советкин.

Именно в этом городе Татарстана раскрылись большие организаторские и педагогические способности Ф.Ф. Советкина. По его инициативе в 1919 году в Чистополе организован Высший институт народного об-

разования, председателем (ректором) которого он был назначен. Одновременно Ф.Ф. Советкин в этом институте заведовал кафедрой общественных наук, читал лекции по политэкономии, историческому материализму, экономической географии. В своей преподавательской работе широко пропагандировал передовые идеи Габдуллы Тукая. А еще раньше, когда учился в Казанском учительском институте, он нередко видел и слушал Тукая на литературных вечерах, диспутах.

Продолжая добрые традиции, в тесном содружестве живут и работают татарские и мордовские ученые в наше время. Так, большую практическую помощь ученым Мордовии оказывала и оказывает Академия наук Республики Татарстан. С давних пор тесное содружество установилось между вузами Казани и Мордовским государственным университетом им. Н.П. Огарева, пединститутом им. М.Е. Евсевьева, а также НИИЯЛИЭ при Правительстве Мордовии. В свое время, например, татарский ученый профессор А.Х. Халиков принимал самое активное участие в издании книги молодого ученого П.Д. Степанова "Андреевский курган". Научными руководителями некоторых аспирантов Мордовского НИИЯЛИЭ были видные ученые Татарии Н.И. Воробьев и Н.Ф. Калинин.

В издании книги М.Г. Сафаргалиева "Распад Золотой Орды" в 1960 году в Саранске оказали определенную помощь и ученые Татарстана.

Долгое время исследователь-искусствовед НИИЯЛИЭ В. Ромашкин изучал традиционную музыкальную культуру мордвы-каратаев (эта мордва интересна тем, что в быту пользуется татарским-мишарским языком) под руководством известного татарского фольклориста проф. М.Н. Нигметзянова. Татарские и мордовские ученые в настоящее время ведут совместные исследования в области изучения жизни, быта, языка, традиционной музыкальной культуры мордвы-каратаев. Доктор филологических наук, проф. Л.Ш. Арсланов, мариец по национальности, специалист по татарскому языку, опубликовал ценную статью "Некоторые лексические особенности говора мордвы-каратаев", и она вместе со статьей проф. А.Х. Халикова "Мордовско-болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии" включена в сборник "Этногенез мордовского народа"(Саранск, 1965). А в Казани в 1991 году вышел сборник на русском языке "Мордва-каратаи: язык и фольклор", в нем нашли место нижеследующие статьи мордовских и татарских ученых: "К вопросу изучения говора и истории формирования мордвы-каратаев" (Л. Арсланов); "Лексика говора мордвы-каратаев в сравнительном освещении" (Р. Ахметьянов); "Обычаи и музыкальный фольклор мордвы-каратаев" (В. Ромашкин); "Система терминов родства говора мордвы-каратаев" (Д. Рамазанова); "Названия пищи, предметов домашнего обихода в говоре мордвы-каратаев" (Т. Хайрутдинова); "Этнолингвистические материалы к реконструкции древних традиционных обрядов мордвы-каратаев" (Ф. Баязитова). На базе КИЯЛИ проходят научные конференции

по проблемам истории народов Поволжья, в которых активное участие принимают и ученые Мордовии. Такие же конференции проводятся и на мордовской земле.

Огромную помощь Татарии в подготовке научных кадров в области педагогики, методики гуманитарных предметов оказывали видные ученые мордовского народа доктор филологических наук, проф. В.В. Горбунов, доктор педагогических наук, проф. Ф.Ф. Советкин, кандидат педагогических наук, доцент Н.В. Талдин. Я лично считаю себя верным учеником этих прекрасных ученых — больших личностей. В формировании меня как специалиста с высшим образованием и ученого в Казани внесли большую лепту дорогие мои наставники, учителя доктор биологических наук, проф. Осман Джамалетдинович Курмаев, кандидат исторических наук, доцент Сулейман Шакирович Еналиев. У меня в душе хранится теплая память об этих прекрасных ученых — уроженцах братской Мордовской Республики.

В изображении жизни, быта, заветных стремлений своего народа много общего, родственного в творчестве первых писателей Поволжья — мордвина З. Дорофеева, татарина Г. Тукая, чуваша К. Иванова, марийца С. Чавайна. Все они выступали в период революционного движения в России конца XIX-начала XX вв., когда в условиях полуколониального существования народы Поволжья бурно приобщились к освободительной борьбе против насилия и эксплуатации самодержавного строя. Сходны и близки пути приобщения этих национальных литераторов к культуре других народов. Например, З. Дорофеев и С. Чавайн в одно и то же время учились в Казанской учительской семинарии, активно участвовали в студенческих волнениях первой русской революции 1905-1907 годов. Они знали друг друга не только как "однокашники", но и как единомышленники. В семинарии З. Дорофеев начал писать стихи, некоторые из них печатались в казанских газетах "Волжский вестник", "Волжско-Камская речь", где сотрудничали уже тогда очень известные литераторы Г. Тукай, Г. Ибрагимов, Ш. Камал.

Замечательные традиции Г. Тукая стали большой школой для литераторов Мордовии. Вот такой пример. На одном из литературных вечеров спросили известного эрзянского поэта Е.И. Пятаева о том, что послужило ему поводом для написания стихотворения "Родной язык". Мордовский поэт сказал, что его вдохновило стихотворение Г. Тукая под таким же названием, где сказано:

"О язык родной певучий! О родительская речь!
Что еще на свете знал я, что сумел я уберечь?"
(3, с. 235).

По примеру своего татарского собрата по перу Е. Пятаев пишет:

"С чем сравню тебя, мордовский
Мой родной язык певучий?
Может, с юною березкой
Или яблоней цветущей...
На наречии эрзянском
Произнес впервые в жизни
Я слова с сердечной лаской:
Мать, отец, моя Отчизна!..."

(Перевод *Н. Илюхина*) (4).

С давних времен на территории современной Мордовии по-братски, бок о бок вместе с мордвой и другими национальностями России живет и трудится татарский народ. На наш взгляд, весьма примечательно то, что в процессе развития татарско-мордовских литературных взаимосвязей значительный вклад внесли те татарские писатели, которые являются уроженцами мордовского края. Это М. Бигиев, Ш. Камал, Х. Такташ, Ф. Агеев, А. Абсалямов, М. Мамон, А. Симаев. В этом отношении большую роль сыграл классик татарской литературы Ш. Камал (Шариф Камалович Байгельдеев), который родился в 1884 году в селе Татарская Пишля бывшего Инсарского, ныне Рузаевского района, Мордовии. В ряде произведений Ш. Камала нашла отражение жизнь мордовского народа и края. В рассказе "Свирели", например, отразились воспоминания о детстве, проведенном в селе Татарская Пишля. Сюжетный материал его многопланового романа "На заре" также имеет отношение к истории мордовского края. Так, создав в начале романа грандиозную картину народного движения, писатель переносит действие произведения в губернский город, который является "узловой станцией на Московско-Ташкентской железной дороге" (судя по национальному и социальному составу, автор, без сомнения, имеет в виду Оренбург), где борьба общественных сил получает более конкретное и детальное освещение.

Следует отметить, что "узловой станции на Московско-Ташкентской железной дороге" соответствует и Рузаевка, рядом с которой находится родное село Ш. Камала, где в эти годы нередко бывал писатель.

Вся жизнь выдающегося татарского поэта М. Джалиля была героическим служением Родине. Как и у каждого большого поэта и человека, у него было много друзей, собратьев по перу. Среди его друзей-товарищей имелись и уроженцы Мордовии. В 30-е годы в Москве издавались газеты и журналы на многих языках народов нашей страны. Там в то время выходила и первая мордовская газета "Якстере теште" ("Красная звезда"), где работал и он часто. Никул Эркай встречался, общался и дружил с М. Джалилем, который в то время редактировал татарские журналы "Октябренок" и "Юные друзья".

В судьбе и творчестве двух этих литераторов немало общего. Они ро-

дились в один год (1906) в бедных крестьянских семьях, рано приобщились к труду, к книгам, учились в Москве, в 30-ые годы работали ответственными секретарями Союза писателей своих автономных республик.

Как уже отмечено, с первых дней Советской власти в многонациональной литературе нашей страны наблюдается постоянная тяга к народным традициям, усиливавшим взаимосвязь и взаимообогащение национальных литератур. Это явление имеет непосредственное отношение и к литературам народов Поволжья.

Наряду с другими проблемами осмысление народной поэзии исследовано в трудах М. Сироткина, Г. Хлебникова (Чувашия), Г. Бикмухаметова (Москва), Г. Рамазанова (Башкортостан), Н. Черапкина, В. Горбунова (Мордовия), К. Васина (Марий Эл), Н. Юзеева, Т. Галиуллина (Татарстан) и других авторов.

При этом следует заметить, что пока практически нет широкого анализа, который дал бы нам ясную картину творческого осмысления народной словесности в современном литературном процессе. В этом плане литература последних двух десятилетий изучена еще меньше, а о татарско-мордовских литературных взаимосвязях, кроме статей об отдельных авторах или обзорных, мало что имеется. Однако взаимообогащение и взаимовлияние этих литератур имеет достаточно прочные корни, и они заслуживают должного внимания, дальнейшего исследования.

В наше время одной из форм пропаганды национальных литератур стало дальнейшее расширение контактов между писательскими организациями. Об этом красноречиво говорят такие факты. В 1990 году, например, большим событием в культурной жизни Мордовии явились Дни российской литературы, посвященные 60-летию образования Мордовской Республики. Тогда в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях республики выступили литераторы Москвы, Казани, Ижевска, Йошкар-Олы. В свою очередь писатели Мордовии выезжали в другие области страны. Примечательно то, что все прочнее устанавливаются связи мордовских литераторов с писателями Татарстана. Писатели Поволжья и Приуралья и других регионов принимали активное участие в праздновании 70-летия братской Мордовии.

Произведения многих татарских писателей нередко публикуются в периодической печати Мордовии.

Говоря о некоторых характерных путях татарско-мордовских литературных взаимосвязей, на наш взгляд, уместно также отметить тесное творческое содружество татарских и мордовских ученых. Этот процесс имеет прочную основу и богатые традиции. Ярким примером является разносторонняя творческая деятельность выдающихся ученых и просветителей мордовского народа — профессоров М.Е. Евсевьева, Ф.Ф. Советкина, В.В. Горбунова, Н.В. Талдина.

Радует то, что в литературах народов Поволжья все интенсивнее идет процесс взаимообогащения и взаимовлияния художественными произведениями, и особенно отрадно то, что плодотворно развиваются и расширяются татарско-мордовские литературные связи. Пусть эти добрые традиции помогают пустить более глубокие корни на ниве многонациональной литературы нашей страны, будут и впредь оказывать огромное влияние на интернациональное воспитание трудящихся, подрастающего поколения.

В заключение мне хочется высказать и следующее: в дружной семье народов Республики Татарстан проживает более 29 тысяч человек мордовской национальности. Но в развитии культуры, просвещения представителей мордовского народа, проживающего в нашем регионе, предстоит еще сделать очень много. Мы надеемся, что в дальнейшем будут достигнуты успехи и в этой области. Этому будут способствовать дружба, экономическая, культурная взаимопомощь, существующая между мордовским и татарским народами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Герцен А.И.* Собр. соч. в тридцати томах. Т. 1. М.,1954.

2. ЦГА республики Татарстан, ф. 420, оп. 1, 1906, д. 50.

3. Научное наследие М.Е. Евсевьева и современность. Саранск: Изд-во МГУ им. Н.П. Огарева, 1992.

4. Литературная Россия. 1986, 25 апреля.

"Финно-угроведение". 2000. № 1.

Валерий Никитин
Йошкар-Ола

СИМВОЛЫ ДРЕВНИХ ПРЕДМЕТОВ
(размышления по поводу одного сюжета)

Каждый народ на протяжении своей многовековой истории прошел путь становления и развития как отдельная частица более крупного человеческого объединения, имеющего общую языковую основу, сходные природно-климатические условия и диктуемые ими социально-экономические уклады — образ жизни. Все это влекло за собой формирование мировоззренческих понятий, направленных на благополучие, воссоздание рода и т.д. Человек, наблюдая явления природы, цикличность и закономерность смены временных периодов, зависимость природы от движения и положения небесных светил и осознавая свою зависимость от окружающей среды, связал себя с тем, что было вокруг и находилось в сфере его познаний о Небе, Земле, Подземном мире еще со времен древнекаменного века, десятки тысяч лет тому назад (9).

На заре человеческой истории появилось множество обожествленных небесных, земных и подземных явлений. Люди стали поклоняться небу и его светилам, дождю и молнии, деревьям и зверям, воде и камням, верили в загробную жизнь и воскресение из мертвых. Это было общечеловеческое мировоззрение, получившее название — язычество (14), которое формировалось тысячелетиями и было направлено на сохранение разумного баланса человека с растительным и животным миром. Это было время гармонии человека с окружающей природой. Человек еще не отделился от остального живого мира, а являлся его частицей, он еще не помышлял о преобразовании природы.

Чтобы избежать в будущем нежелательных для себя последствий от непредсказуемых явлений природы, люди всегда обращались с просьбами к своим многочисленным богам с надеждой на их благосклонное отношение к человеческому роду. Обращались с просьбой об увеличении стада живот-

ных, о своевременном и обильном дожде, просили содействия и помощи во всех хозяйственных делах, искали защиты от болезней и врагов. По истечении многих веков эти обращения-просьбы оформляются в определенные, более или менее стандартные тексты-молитвы, которые передавались из поколения в поколение в дописьменный период в устной форме (остатки этого мы видим в мифологии). Небольшая часть таких молитв нашла отражение в культовых предметах (украшениях, бытовой утвари, надмогильных сооружениях). Наглядным примером может послужить так называемая подвеска-гребень (шерге), бытовавшая в качестве культового предмета вплоть до начала XX века (рис. 1). Размер этих металлических (бронзовых) изделий составляет в длину около 7 см, высоту 4,5 см. Техника их изготовления довольно примитивная. На литой пластине, толщиной около 2 мм, наносился рисунок, а затем зубилом прорубался контур. Края по периметру изделия не всегда зачищены, внутренние части и зубцы не обработаны (имеются заусеницы и плохо прорубленные зубья), что затрудняло его применение для ухода за волосами. На поверхности гребня нанесены определенные символы: кружки с точкой в центре, зигзаги, роженица между разностоящими протомами коней.

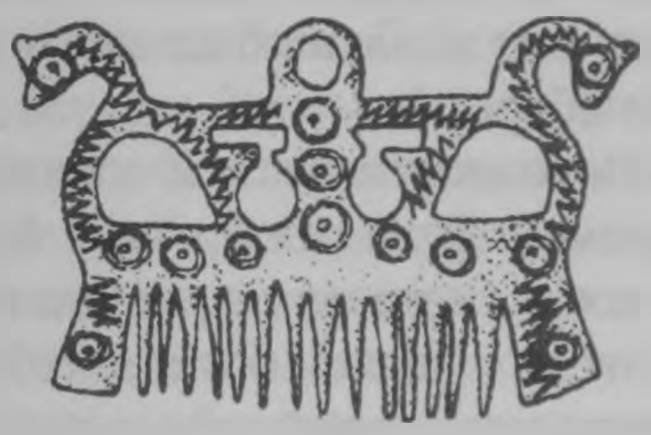

Рис. 1. Подвеска-гребень.

Среди рассмотренных нами десятков гребней большинство совпадает по размерам и деталям орнамента, что свидетельствует о существовании шаблона. Как правило, зубцов в гребенке насчитывается 14, кружков с точкой в центре — 13. Такое числовое сочетание соответствует полугодовому циклу в 182 дня, т.е. теплому периоду в средней полосе Европы. Совокупность отдельных элементов на гребне выглядит не произвольным набором, а представляет систему символов.

Мы должны попытаться увидеть и установить существовавшую связь между образом, символом, понятием и обрядом.

Территория распространения подобных гребней пролегает от северо-западных границ России до Урала, включая современную Кировскую, Новгородскую, Ярославскую, Нижегородскую, Ульяновскую, Пензенскую, Челябинскую, Свердловскую области; Мордовскую, Марийскую, Удмуртскую, Чувашскую, Татарскую, Башкирскую республики. Вероятно, они имеются и в других районах лесной территории Волго-Камского бассейна (Костромской, Ивановской, Вологодской, Псковской областей), занятой в древности финно-угорскими этносами.

Эти изделия найдены вне культурного слоя, т.е. подняты с поверхности земли. В двух случаях такие гребни найдены в археологическом слое:

первый — в слое XV века г. Чебоксар, второй — в удмуртском погребении первой половины XIX века (датирован по имеющейся там монете 1820 года). Хотя между этими находками лежит период более трех столетий, они совпадают в размерах и деталях, что подтверждает длительную и устойчивую традицию оформления такого рода изделий. Важно отметить тот факт, что в многочисленных марийских, мордовских, удмуртских, чувашских могильниках XVII-XVIII веков, кроме указанных образцов, такие гребни не фигурируют. Значит, в повседневной жизни они не использовались. Бытовые костяные гребни (гребенки) встречаются в погребениях редко, имеют определенную форму и орнамент, семантика которого близка, но не тождественна рассматриваемым экземплярам.

В марийских могильниках единственный костяной гребень, близкий по форме к металлическим , был найден на Выжумском кладбище XVII века. В недалеком прошлом (конец XIX — начало XX веков) он использовался в народном костюме в качестве украшения-оберега и вплетался в косу или же подвешивался к поясу. Возможно, гребень-подвеска в какое-то время применялся в свадебном костюме невесты в качестве куфты, вплетенной в косу. В этом просматривается семантическая связь с известным среди марийских женщин изделием "упине". Данное явление отражает момент, когда первоначальный смысл зашифрованного в гребне понятия был забыт и их стали применять как необходимое украшение-оберег.

Культовые гребни на территории лесного Поволжья известны с эпохи раннего железного века в среде ананьинских племен. Женская фигурка божества, восседающая между двумя протомами коней, известна в раннеземледельческих культурах юга и отражала культ неолитической богини неба, покровительницы земледелия и плодородия, контролирующей связанные с небом явления животного и растительного мира.

Не вдаваясь в детальный анализ эволюции рассматриваемого сюжета, отметим лишь основные черты композиции. Центральное место в идеограмме занимает женское божество в позе роженицы, ее сопровождают две противоположно расположенные фигурки лошадей. Данный сюжет является древним. В материалах финно-угров известен с середины I тыс. до XIV века в виде коньковых подвесок на обширной территории от Прибалтики до Северного Урала. Основная территория распространения подвесок с изображением повернутых в разные стороны головок коней очерчивается территорией низовьев р. Оки и Волго-Вятского междуречья, то есть заселенной в древности племенами мери, муромы, мещеры, мордвы и марийцев.

Гребень (шерге) сам по себе является одним из атрибутов богини неба. Небо на гребне обозначено полусферой. Круги с точкой символизируют солнце, зубцы гребенки — небесную влагу, зигзаги — молнию, т.е. все здесь представляет явления небесной сферы. Часто изображение богини в

виде женщины заменялось ее символом — кольцом (шергаш), что ясно просматривается на средневековых коньковых подвесках. Шергаш со временем заменяется серьгой и получает иную трактовку. Богиня неба ввиду своей многофункциональности имела множество изображений атрибутов и символов. Известна ее функция в качестве покровительницы прядения (сама она в народном поэтическом творчестве представлена искусной девой-пряхой). В связи с этим сфера ее обитания представлена небом "кава". Ее атрибуты, связанные с прядением: пряслице "кава", прялка "кӱнчалавондо", веретено "шӱдыр". Здесь четко просматривается сакральный смысл божественных атрибутов, указывавших на их связь с верхним миром, отражающий древнее космогоническое представление. Народная память впитала в себя и сохранила для потомков зависимость человеческих судеб от положения и состояния небесных светил (звезд, планет). Вращая звезды, луну и солнце, богиня, подобно вращению веретена, плетет нить судьбы каждого живого существа (пӱрымаш), остаточное явление чего можно усмотреть в современных астрологических прогнозах.

Конечным результатом прядения является ткань "куэм" — атрибут богини неба, как и символический белый цвет. Отсюда магическое значение белой ткани в одежде жрецов, в тканях жертвенной, свадебной и похоронной обрядности. С белым цветом связано и священное дерево береза "куэ", и береста "кумыж" (достаточно указать на древние захоронения в бересте или на берестяной подстилке), определенное значение в древних обрядах имел и березовый сок "куэ вӱд" или березовая вода; широко применялись целительные свойства дегтя "тегыт" в лечении внутренних органов и наружных заболеваний; популярными остаются в народном быту березовые веники и березовые отвары как очищающие средства.

Многие обычаи и поверья связаны с березовой метлой "ӱштервоштыр". Отдельные атрибуты богини, связанные с прядением "меж" — шерсть, пряжа — "кӱнчыла", нить — "шӱртӧ" указывают на особое место в культовых обрядах финно-угров, особенно погребальных и поминальных, где шерсть, пряжа и нить несут определенную смысловую нагрузку. Этим же объясняется и особое место в культовой обрядности овцы "шорык", а не барана "тага", о чем свидетельствует известный среди мари праздник "шорыкйол" — овечья нога (рождество).

Известно, что богиня (мать, владычица и т.п.) неба обладала способностью дарить жизнь всему земному. В зависимости от хозяйственной деятельности человека находились функции того или иного божества. Марийцы в средние века вели комплексное хозяйство, основанное на пашенном земледелии и скотоводстве. Они могли просить у высшего божества хорошего урожая трав и т.п. Существовало поверье, что великая богиня поила землю из своих грудей молоком "шӧр" (этот сюжет зафиксирован в культурах юга эпохи неолита). Мел, известь, иногда зола как и белая ткань, белая

шерстяная нить, кроме функции ограничителя между миром живых и миром мертвых, являлись своеобразным посредником душ "чон" из загробного мира в верхний — на небо. Белый цвет одежды в культовой обрядности выполнял роль своеобразной защитной пленки "чар" от всего нежелательного, символизировал чистоту и доброжелательность (с ним связаны не только одежда священнослужителей, но и погребальная и свадебная — головной убор невесты — ошпу, свадебное покрывало или фата "вуй леведыш", "кукӱ"). Белая ткань, как атрибут Богини Неба, в представлении многих народов выполняла обереговую функцию, защищала от многих бед и напастей. Окрашенная ткань теряла способность защищать, так как была нарушена связь между богиней и ее отражением в конкретном предмете. Отдельные элементы этого сохранились в пословицах, песнях, заговорах: *Кудырчан годым чиялтыме тувыр дене коштат гын, рашкалта* ("Во время грома нельзя ходить в крашеной рубахе — ударит молния"); *Кудырчан годым самварым, чурийончымым ош шовыч дене леведыт — волгенчым шупшеш* ("Во время грозы покрывают белым полотенцем самовар, зеркало: они притягивают молнию" (7). В связи с этим уместно посмотреть на традиционный костюм, в частности женские украшения финно-угорских народов. Блестящие предметы, по представлениям древних, должны были притягивать злых духов, и данное обстоятельство указывает на противоречивое отношение к украшениям из блестящего металла.

Общеизвестна очистительная роль воды "вӱд" в культовых действиях, связанных с жизнедеятельностью человека от рождения и до смерти. Рудименты обрядности (с символикой очищения водой) сохранились до настоящего времени (рождение, наречение имени, лечение от болезней, похоронная обрядность), просматриваются в отдельных бытовых изделиях: питьевые ковши — корка или специальные сосуды — бурак (из бересты) и т.п. Видимо, с сакральной значимостью воды образованы и основные связанные с ней понятия. Корнеоснова *вӱ, ӱд* объединяет такие понятия, как "вӱдия" — русалка, "сынза" — колодец (водяной глаз), "вӱдшинча" — исток, "шинчавӱд" — слеза (глазная вода), "вӱдылка" — сверток, "вӱдвара" — коромысло и т.п.

Земные действия в устремлениях древнего человека переносились в небесную сферу и подземный мир. Эти явления выразились в сохранившихся древнейших названиях небесных светил и созвездий, их одушевляли, наделяли свойствами людей, зверей, домашних животных, птиц, пресмыкающихся и т.п., свидетельствующих о космогоническом представлении предков. Название лось, олень (в смысле полярный) сохранилось в финно-угорских языках, но можно указать и на древнее название полярной звезды (звезда лосева) у поляков. Вероятно, это название полярной звезды возникло в глубокой древности (в древнекаменном периоде) и было общим для племен северного полушария. Созвездие Большая медведица — Кугу

коркашӱдыр (Большая ковшовая звезда) или Изи коркашӱдыр — Малая медведица, созвездие Орион — Вӱдварашӱдыр (Коромысловая звезда, Млечный путь) обозначен как путь диких гусей "каик комбо корно" или "юмын каик комбо корно" (дорога божьих гусей), фиксируя тем самым направление пути перелетных птиц, хотя в марийском языке есть понятие молочный — шӧран, которым можно выразить название пути — шӧран корно. Таких примеров в финно-угорских языках сохранилось достаточно много, особенно среди народов Сибири и Севера.

Рассматривая украшения девушек и женщин, вникая в их символику, убеждаешься, что в каждом обрядовом (свадебном, погребальном, культовом) действии они имели свой смысл и были направлены на выполнение конкретной функции (чаще всего оберега) и предназначались тому или иному божеству или же указывали на социальный статус и положение в обществе. Взять, к примеру, такой распространенный среди женщин предмет как браслет "кидшол". Само слово *кидшол* составное от *кид* — рука и *шола* — левый, левша. Здесь левый, исходя из бинарной оппозиции (левый — правый, женский — мужской), указывает на принадлежность данного предмета женщине (скорее всего незамужней девушке). Со сменой своего социального положения женщина могла носить несколько браслетов и на обеих руках, что могло отражать ее экономическое состояние. Это явление в некоторой степени сохранилось до сих пор.

Наиболее жизненноважные органы, особенно женского тела (голова, грудь, живот, таз, кисти и запястья рук, щиколотки ног), имели свои обереги. Множество духов-охранителей вызвало и обилие их символических воплощений в различных предметах (4), со временем утративших свое функциональное значение и воспринимаемых только с эстетической, художественной стороны. Большинство из нас уже не знает, для чего на кисть руки одевается шерстяная нить и какого цвета она должна быть, не сможет объяснить, почему пояс "ӱшто" завязывается на левую или правую сторону. Пояс в древности говорил о многом. Он являлся не только сакральным предметом, но свидетельствовал и о социальном статусе его носителя (достаточно вспомнить древних русских князей, где пояс как символ власти передавался по наследству вместе с остальными принадлежностями; он до сих пор является отличительным признаком вожака табора у кочевых цыган).

Видимо, близкие обереговые функции выполняли воротник "шӱша" и ожерелье "шӱшер", гривна "шӱйшӱдыш" и головной венчик "вуйшӱдыш". Все они закольцовывали (брали под охрану — покровительство) те части тела, на которых находились: "ӱшто" на талии, "шергаш" на пальце и т.д., т.е. те места, где находятся наиболее важные точки, выявленные народными врачевателями. Со временем рефлексотерапевтические методы врачева-

ния переросли в сложные медицинские системы. Расположение украшения совпадает с акупунктирными точками.

В древности "шергаш" употреблялся в качестве украшения пальца, для обозначения обручального кольца более подходит "шӱдыш" — обруч. По археологическим материалам, "шӱдыш" изготовлялся обязательно из белого металла и в отличие от перстня "шергаш" не имел щитка, ни вставок, ни насечек. Он был гладким. В понятии "шӱдыш" были отражены символы богини: белый цвет и круг. Неудивительно, что в обиходе сохранилось название обручального кольца как символа супружества.

С обручем связаны многие культовые обряды. Создание семьи, т.е. союза мужчины и женщины (обручение) буквально значило рука об руку, вместе. Старославянские, вышедшие из употребления слова: обрус, обрусник, убрус (в значении платок, полотенце, фата, скатерть) представляли культовые предметы. Одно из значений слова убрус определяет начельник под венцом на образах угодниц, нанизанный из жемчуга или шитый обязательно женщиной (6). Проявление культовой обрядности с применением семантики кольца, круга, обруча ярко выражено в древнерусской пословице, отражающей отношение христиан к язычникам: "живут в лесу — поклоняются колесу". Что такое колесо? Это круг с вписанным в него крестом, т.е. эмблема союза главных божеств Неба и Земли. Этот символ фигурирует в народном творчестве в различных сочетаниях у многих народов мира. Единство мужского и женского начал, которое могло воплощаться в соединении разных мужских (крест, палка, стрела, кинжал и т.п.) и женских (круг, ромб и пр.) символов.

Сочетание женского и мужского единства можно увидеть в свадебном обряде марийцев в плетке "лупш", рукоять — палка, как и фал, отражает мужское начало, а лента или тесьма — женское. Понятие тесьма заимствовано, видимо, от тюркских народов. У марийцев есть свое выражение ленты, узкой полоски ткани "ангысыркуэм", которая более емко и выразительно передает сакральный смысл слова, обозначающего и полотнище, и вход, и отверстие, семантически связанные с культом женского божества.

В вышивке символика мужского и женского начала могла выразиться в кресте, вписанном в ромб, часто применяемом на головных уборах, на груди женского платья или талии, реже на подоле.

Шест в сочетании с лентой фигурирует в погребальном языческом обряде и выражает надежду на воскрешение, перевоплощение в живое существо и возвращение на землю.

Во все времена человек был озабочен сохранностью и неприкосновенностью своей души "чон". Он не сомневался в бессмертии души, которая после смерти улетает "чонгешташ" из мертвого бездушного тела "чондымо" и переселяется на небо. В связи с этим небезынтересно отметить связь

представлений марийцев о душе и ее переселении с земного в небесный мир: "чонештен кӱзаш" — взлететь, "чонештен каяш" — улететь.

Видимо, какие-то отголоски древних космогонических представлений отразились в вышедшем из употребления слове "кавараш" — околеть. Здесь представляется возможность предположить, что это слово состоит из существительного "кава" — небо и глагола "араш" — брать в долг. Первоначально было "кава араш" — небо одолжило, со временем перешедшее в "кавараш" (при словообразовании, в случае совпадения двух главных, одна из них выпадает) — околеть. Кава араш и кавараш отражают одно и то же состояние человека — смерть. Исходя из представлений марийцев о душе как субстанции, вечно уходящей на небо и возвращающейся в новом качестве на землю, то вполне объяснимо и применение слова "кавараш" (кава араш) для определения смерти — небо взяло, но не навечно, а временно и обязательно возвратит.

У человека с глубокой древности было нечто такое, что требовало особого к нему отношения. Боязнь потерять душу создала множество оберегов и одним из них мог представляться кошелек "чондай" в виде мешочка, кошелька, шкатулки, сделанной из белой ткани, кожи или бересты, куда помещалась душа. "Чондай" хранился под рубахой на животе. У славян существовало понятие "живот", но не в смысле определенной части тела, а в смысле жизнь, т.е. того, без чего продолжения жизни быть не может. Вероятно, в таких понятиях, как марийское "чондай" или славянское "живот" отразились давно забытые представления. Вспомните сюжеты из сказок, где герой, лишившись чего-то спрятанного за пазухой на животе, тут же лишается жизни.

В подтверждение изложенного выше можно вспомнить марийскую легенду о Тюкан Шуре (Рогатый Рог), который души убитых им детей носил в кошельке "чондай" на животе под рубахой, а от данного кошелька зависела его жизнь. С утратой кошелька обрывается жизнь Тюкан Шура (8).

У многих народов прослеживается связь между миром живых и миром мертвых через домашний очаг. Уголь или зола домашнего очага зачастую выполняют обереговую или очистительную функцию. В недавнем прошлом у сибирских народов (в частности, у нганасан) бытовал амулет "сими" — уголь, который представлял собой мешочек с нашитой на нем блестящей бляхой или пуговицей (5). Раньше он содержал уголь или золу домашнего очага и прикреплялся к шее. Возможно, отголоски этого явления отразились в созвучии понятий шея "ший" и уголь "шӱй" у марийцев. Вероятно, оба понятия объединились одним содержанием в контексте чего-то жизненно важного для человека. Не исключено, что славянское "живот", марийское "чондай", нганасанское "сими" и прочие такого рода амулеты сопровождали их носителей в потустороннем мире. В археологических материалах они фиксируются в виде круглых металлических бляшек на груди

погребенных. Амулеты, изготовленные из органических материалов (ткань, кожа), не сохраняются, но остатки их иногда наблюдаются под металлическими предметами.

Отдельные элементы сюжета на гребне, в частности, повторяющиеся зигзаги, вызывают ассоциацию с молнией, "волгенче" — молния, громом "кӱдырчӧ", "киндеволгенче" или "шурносавыш" — зарница, сполохи — "гул менге". По первым громовым раскатам, первым дождям и т.п. в определенное время года предсказывались виды на будущий урожай. Не случайно в их названиях присутствуют слова *киндe* "хлеб" и *шурно* "хлеба (на поле)", которые указывают на определенную семантическую связь или зависимость "шурно" от грома, молнии и дождя, сохранившиеся в народных приметах: *первый кӱдырчо марте мланде огеш ыре* — до первой грозы земля не прогревается; *эр кече воктен сонарпыл шога* — йурлан — возле утреннего солнца радуга к дождю; *эр кече воктене тун менге лиеш — йӱран кечым вучо* — утром возле солнца огненные столбы — жди дождя; *умыр волгенче чот каеш — киндe лектышан лиеш* — частые зарницы к обилию хлеба; *шошым кӱдырчӧ толын гын, киндe шочеш* — весной сильный гром — хлеб уродится (7).

Богиня неба часто представлялась в виде женщины с распущенными волосами, которые ассоциировались с дождевыми струями (семантически передавались цепочками, шнурами, волнистыми линиями). В связи с этим у многих народов мира сохранился до сих пор обычай особого отношения к волосам как сосредоточению жизненной силы (сюжет распространенный в фольклоре практически всех народов мира). Распространенным элементом в костюме мариек вплоть до недавнего времени были "ӱпинэ", сделанные из набора шерстяных шнуров, нанизанных бусами и обоймочками из металла. Разбор семантики этого украшения — отдельная тема, но все собранное в данном изделии (обереге) связано с образом Великой богини: бусы — "шер", шерстяная нить — "шурто", бубенчики — "колдырма" — ее атрибуты. Если же посмотреть местоположение "ӱпинэ" в погребениях средневековых мариек, то не трудно отметить их постоянное нахождение в области таза, т.е. сам оберег, независимо от длины волос,находился именно в том месте, которое требовало особого внимания, особого к нему отношения и в то же время непосредственно связано с волосами. Таз, низ живота и сам живот еще с эпохи неолита на женских статуэтках всегда подчеркнуто охраняется ромбом в различных вариациях.

Любой предмет в погребальном обряде имеет определенную смысловую нагрузку. По этому поводу интерес представляют так называемые лапчатые привески и бубенчики. Отдельные детали лапок отражают признаки водоплавающих птиц и встречаются в составе нагрудных украшений, другие детали характерны для лягушки "ужава" и присущи для украшения обуви. Ужава, как и пресмыкающиеся уж или змея, представители водной

стихии, а, следовательно, и богини неба. Способность лягушки, как и других пресмыкающихся, засыпать на зиму, а с наступлением тепла оживать, наделила их в представлении древнего человека сверхъестественной способностью омоложения и бессмертия с помощью замены старой, одряхлевшей кожи на молодую, новую. С заменой кожи происходит чудесное перевоплощение. До настоящего времени считается хорошей приметой находка старой кожи ужа (змеи), как говорят в народе — к счастью. Что же касается образа лягушки, то она является существом земноводным. Ее стихия в основном вода, т.к. размножение ее невозможно без водоема. Связь с водой (вӱд) и холодом (ӱшты, йӱштӧ), льдом (ий) и смертью (колымаш) или ее состоянием как ледяной, холодный, мертвый (иян, йӱшто, колышо, каварыше), в народном представлении считали ее существом со сверхъестественными способностями и возвели в ранг особо почитаемых с неограниченными возможностями умирать и воскресать до бесконечности. Естественно, что эти способности не остались в стороне от внимания людей. Связь ее с водой, жизнью, смертью и воскрешением к новой жизни (а она родилась, умирала и воскресала в воде) породила представление о том, что все попавшее после смерти в воду — оживает. Этим объясняется и древний способ захоронения мертвых в воде. Может быть, и само понятие околел (колен) было связано с представлением о прохождении нескольких жизней (после смерти) и последняя из них в виде рыбы (кол). Семантическая связь *кол* и *колен* (рыба и смерть) очевидна, если исходить из ностратического значения *kala* "рыба". Возможно, что с этими понятиями связано поверье о том, что бубенчик "колдырна" своим звоном отпугивает всякую нечисть и зло.

Известные обереговые функции ужа и змеи во многом схожи с лягушкой по способности умирать на зиму и воскресать в нужное время. Образ ужа "кумыжвуян кишке" (змея с берестяной головой) в мифологии многих народов является защитником домашнего очага. В отличие от змеи он не способен причинить человеку зло, он является носителем добра, а потому в его названии присутствует слово "вуян" — с головой. Основное место обитания ужа сырые заболоченные участки берегового леса. И этот признак отразился в его названии "кумыж" — береста, возможно "кумыж", точнее ее верхняя тонкая прозрачная пленка, напоминает его линялую кожицу. Уж представлялся хранителем и человеческого рода в целом. Символы ужа, кроме его натурального изображения, выражены в свернутых спиралях, ограниченных (с головой) зигзагов и волнистых линий.

Особое место в свадебном обряде марийской невесты занимает перевязь "аршаш" из тканой тесьмы, унизанной раковинами моллюска — каури (кышкывуй — змеиная голова), который водится в водах Индийского океана. Раковина каури еще с эпохи неолита воплощала культ плодовитости, являлась денежной единицей Китая, Индии, Африки, островов Океании

(15). Каури использовались многими народами в качестве амулетов, предохраняющих от дурного глаза, болезней и разных несчастий, почитались как символ жизни и смерти. Наличие каури в женских украшениях некоторых народов означало ее беременность. Сходство каури с черепом змеи предопределило их сакральное значение. Еще в раннеземледельческих неолитических культурах (примерно VI-VII тыс. лет назад) на глиняных женских статуэтках изображалась змея, рисунок наносился на грудь, живот (3, 10). Нередко ее образ сочетался с ромбом (женский символ) с вписанным в него крестом (мужской символ), олицетворяя воспроизводство живого существа, единение мужского и женского начал и пожелание на успешное развитие заложенного семени, которое в монограмме — изображении помечалось точкой в ячейке перекрестий. Подобная символика заложена и в рассматриваемой перевязи — "аршаш", характерная для ранних периодов истории многих народов Средиземноморья, Малой Азии, Кавказа, свидетельствующая о традиционном, устоявшемся и широко распространенном представлении о графеме косой крест как символ Великой Богини. Данный элемент (косая перевязь на груди) устойчив и через века он прослеживается на глиняных статуэтках (в культуре балканских народов в X-XII веках)(13), подобные обрядовые статуэтки известны среди русского населения в XIX веке, в настоящее время применяются в свадебном обряде марийской невесты.

Наиболее древнее изображение ужа на территории Марийского края относится к эпохе каменного века (III тыс. до н.э.) на сосуде поселения у бывшей д. Отары на левом берегу р. Волги. Само сочетание ужа и сосуда уже символично, а здесь у горла горшка обозначен женский символ в виде перевернутого вершиной вниз треугольника, разделенного надвое вертикальной линией. В каждой половине треугольника обозначены точки — семя. Здесь, несомненно, культовый сосуд с определенным снадобьем, применяемым женщиной для каких-то целебных нужд во время беременности или связанных с ней явлений. Нужно отметить и тот факт, что это один из древнейших символов современной медицины — сочетание сосуда с пресмыкающимся (уж, змея).

Из археологических источников известно, что большинство металлических женских украшений изготовлено, в основном, из белого, а часть из желтого металлов. Единичные предметы сделаны из красной меди. Белый цвет (видимо, желтый тоже) указывал на связь с верховным божеством неба и символически должен был нести свою охранительную функцию. К примеру, свадебный убор невесты "вӱргенчик" (белое покрывало). В корневой основе оно имеет вӱр — т.е. кровь, как жизнеобеспечивающее начало. Это начало, попадая под белый платок (белая ткань — символ богини), оказывается под покровительством богини. Исходя из особого отношения к волосам, марийские (как и многие другие) женщины видели пря-

мую зависимость между ними, своей жизнедеятельностью и благополучием потомства. Отсюда и обычаи не стричь или прятать волосы и т.п. Платок или другой женский головной убор, как и мужской, нес определенную социальную нагрузку. По нему можно было определить не только семейное положение, но и этническую принадлежность. Интересно то, что у большинства изделий в марийском языке нет понятия бронза (как металлического сплава), а они обозначались понятием "вӱргене" — медь. Здесь кроется какой-то сакральный смысл, понять который можно, если вникнуть в этимологию слова. Возможно, это связано с одеждой "вурген", как оболочкой "чар", "шӱм", "леведыш", защитой живой сути, находящейся внутри нее. Хорошо известна защитная функция головных повязок, поясов (т.е. опоясок, что семантически выражается кругом, кольцом). Все что внутри круга надежно защищено: *тиде корымем гоч нимогай осалат вончен огеш керт* "через эту мою черту никакой злой дух не перейдет". Пока герой сказки в круге, он вне опасности. Стоит этот круг разомкнуть, как следует немедленная смерть.

Далеко не полные размышления по поводу рассмотренного сюжета убеждают в том, что многовековые обряды, множество различных божеств в целях сохранения накопленной информации и передачи ее потомкам выработали устойчивую и всем доступную систему символов, отражающих космогонические понятия. Совокупность этих символов фиксируют и передают какие-то общие моменты обрядности, частично сохранившиеся в фольклоре, молитвах, сказках и обрядовых песнях. Законы древней символики помогли человечеству создать азбуку, построить числовой ряд, что мы воспринимаем как должное, само собой разумеющееся.

Из анализа "шерге" нам известно: 1) данный тип гребня не втречается среди бытовых предметов в погребальных комплексах финно-угров; 2) его семантика свидетельствует о связи с богиней Неба; 3) находки таких предметов не связаны с археологическим слоем, основная масса собрана с поверхности; 4) календарный цикл, выраженный на гребне, составляет 182 дня, что соответствует полугодовому периоду.

Можно предположить, что гребень определенно являлся культовым предметом и использовался в коллективных языческих обрядах при весенне-осенних полевых работах. Весной моления проводились с просьбой о содействии обильному урожаю, осенью они связывались с окончанием полевых работ, на которых выражалась благодарность богам за помощь и содействие в полученном благе.

Полевые работы в нашей полосе начинались с конца мая — в начале июня (шошо пайрем, ага пайрем и др.), осенние были приурочены к завершению полевых работ (У угинде пайрем, шиже пайрем — праздник нового урожая и праздник осени), другие общественные моления, которые устраивались с июля до начала ноября. Таким образом, между весенними и осен-

ними праздниками проходит половина года. Этот период и отражен на гребне. Гребень после общественного моления мог оставаться в молельной роще воткнутым в дерево (березу), о чем косвенно свидетельствует приплюснутый, приостренный его край. Со временем, в условиях повсеместного гонения на языческую религию со стороны государства и христианской церкви, традиционная обрядность забывалась, рощи уничтожались и распахивались, а находившиеся в них предметы культа оказывались на полях. Часть из них (в фрагментах) в результате неоднократного попадания под плуг была поднята крестьянами во время полевых работ и сохранилась в музейных коллекциях, часть в составе сложных накосных украшений народов Поволжья и Урала.

Вполне естественно, что рассмотренные здесь вопросы древнего мировоззрения не всегда достаточно убедительны (такая цель и не ставилась, да и невозможно в небольшой статье решить затронутые проблемы), возможно, выводы автора, не всегда логичны и доказуемы. Ясно одно — семантикой древних вещей необходимо заниматься.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А.К.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА, 1966, № 1.

2. *Амброз А.К.* Раннеземледельческий культовый символ "ромб с крючками" // СА, 1965, № 3.

3. *Бибиков С.Н.* Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Восточной Европы // СА, 1951, № XV.

4. *Голан Ариэль.* Миф и символ. Иерусалим, 1994.

5. *Грачева Г.Н.* Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Ленинград, 1976.

6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1996. Т. 4.

7. *Китиков А.Е.* Марийские народные приметы. Йошкар-Ола, 1989.

8. Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991 (составитель Акцорин В.А.).

9. Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. М., 1981-1982.

10. *Пассек Т.С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья // МИА, 1961. № 84.

11. *Петров В.Н.* Методы акупунктуры марийцев и их параллели в народной медицине других народов // Межэтнические связи населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. АЭМК, в. 20.

12. *Рыбаков В.А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА, 1965, № 1-2.

13. *Рыбаков В.А.* Язычество древних славян. М., 1981.

14. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1974.

15. *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. М., 1980.

Valery Nikitin

SYMBOLS OF ANCIENT SUBJECTS (THOUGHTS CONCERNING ONE PLOT)

In the European part of Russia from Ladoga up to the Urals people come across pendants - combs. In the literature they are interpreted as woman's decoration. Articles under consideration on the whole territory of their distribution are similar and standard in production technique, shape and decor. An identical set of teeth of a comb and certain symbols specify to the settled cult tradition connected with the certain action.

Decoding of semantics and sign system of a comb in combination with its form, application of ethnographic, folklore and linguistic materials specify to cult belonging of these subjects and their possible usage in agricultural rites. The time of their existence is defined within the limits of the 17 century – the beginning of the 20 century.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Татьяна Волдина
Ханты-Мансийск

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В НАУЧНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ АРХИВАХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Идея создания сети научно-фольклорных архивов на территории Ханты-Мансийского автономного округа появилась еще в 1970-х гг., когда в полной мере обнаружились разрушительные тенденции в традиционной культуре коренных народов округа: ханты, манси, лесных ненцев под воздействием техногенных процессов на данной территории, связанных с освоением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Стремительное исчезновение языка, обычаев, духовной культуры ханты и манси позволяли говорить о скором исчезновении этих народов. Именно в этот период времени у венгерской ученой-фольклористки Е. Шмидт появляется идея о том, что главное сейчас не просто архивизация и научная обработка словесной культуры обских угров силами ученых, а необходимость создания специальных архивов в местах компактного проживания ханты и манси, состоящих из местных сотрудников. Таким сотрудникам, считала Е. Шмидт, можно будет дать доступное филологическое образование и знание фольклористики. У каждого архива должна быть своя любительская сеть, поскольку в каждой деревне всегда найдется один, кто может записать народный фольклор у своих односельчан. Таким образом, все, что будет записано, возможно в будущем воспроизвести.

Е. Шмидт разработала письменный проект создания научного фольклорного архива в Березове — центре района, в котором еще хорошо сохранилась культура обских угров. Она ознакомила с ним Н.В. Лукину в Будапеште во время ее командировки в Венгрию. По возвращению из Венгрии (июнь 1987) Н.В. Лукина обратилась со служебной запиской, поддерживающей идею Е. Шмидт, в Министерство высшего и среднего образования СССР (МинВУЗ СССР). Эта попытка результата не дала. В 1990 г., на

волне движения за возрождение национальной культуры в Ханты-Мансийском округе Н.В. Лукина стала пропагандировать эту идею в Ханты-Мансийске. В результате национальная интеллигенция резко размежевалась: одни поддерживали, другие были категорически против. Поддержал эту идею хантыйский писатель Е.Д. Айпин, который был тогда депутатом Верховного Совета СССР. Это сыграло решающую роль. Благодаря его деятельности в Москве он положительно решил этот вопрос.

В 1991 г. Окружным комитетом по делам народов Севера создается первый научный фольклорный архив, переименованный позднее в научно-фольклорный архив северных ханты, в районном центре – городе Белоярском. Возглавила этот архив Е. Шмидт — старший научный сотрудник института этнографии Венгерской Академии наук, которая стала работать в России на контрактной основе.

В 1990-х годах в Ханты-Мансийском автономном округе кроме Белоярского научно-фольклорного архива северных ханты было создано еще три фольклорных архива: Березовский научно-фольклорный фонд народа манси (создан в феврале 1993), Окружной научно-фольклорный фонд (создан 18 апреля 1994 г.) в г. Ханты-Мансийске и Сургутско-Варьеганский научно-фольклорный архив (создан 19 октября 1994 г.).

Основные направления в их работе — выработка системы сбора и обработки устной традиции и ее научного перевода на русский язык силами своих сотрудников — носителей языка, систематизация, архивизация и хранение материалов, его публикация. В архивах ведется аудио- и видеозапись фольклора и этнографической информации, расшифровка фольклорных текстов на фонематическую транскрипцию и на русский шрифт, перерасшифровка фольклорных текстов XIX века на русский шрифт. Одной из задач этих учреждений является пропаганда и сохранение преемственности в развитии фольклорных традиций. Задачей является обеспечение научно обоснованной информации для аутентичной реконструкции фольклорного творчества и обрядности, участие в проведении обрядовых праздников с обеспечением их записи, проведение семинаров по научному сбору и хранению этнической информации, пропаганда фольклора через средства массовой информации, выпуск научной и научно-популярной литературы по фольклору. Кроме этих основных задач, в каждом архиве есть свои специфические особенности в работе.[1]

---

[1] Информация о деятельности научно-фольклорных архивов Ханты-Мансийского автономного округа взята мной из отчетов о работе архивов, хранящихся в НИИ возрождения обско-угорских народов, и опубликованных материалов [Молданова Т.А. 1998. С. 12; Шмидт Е. 1997], а также в результате бесед с Е. Шмидт, Т.А. Молдановой, А.С. Сопочиной, Л.Р. Хомляк, С.С. Успенской и др.

Белоярский научно-фольклорный архив северных ханты занимается сбором и обработкой фольклорных материалов как на территории Белоярского района, так и за его пределами. Но особенное внимание уделяется фольклору приобских ханты. Кроме этого налажен сбор письменных, аудио- и видеоматериалов или их копий по обско-угорским народам, среди которых самыми ранними образцами являются реконструкции нотных записей А. Регули с 1844 г., копии хантыйских и мансийских песен, записанных К.Ф. Карьялайненом и А. Каннисто в начале XX века. Имеется также богатый фонд редких публикаций, готовятся переводы важнейших венгерских работ. Здесь идет и перерасшифровка текстовых источников с заграничных изданий на усовершенствованном хантыйском алфавите с комментариями.

Работа архива началась с 1992 г. В составе архива несколько человек, которые в совершенстве владеют хантыйским языком. Раньше они не занимались записью фольклора и его изучением. Согласно отчетам Е. Шмидт, каждый из сотрудников прошел у нее индивидуальную подготовку, связанную с изучением северных диалектов хантыйского и мансийского языков, историей финно-угроведения, источниковедением, лингвистикой-диалектологией, расшифровкой на русском алфавите и финно-угорской транскрипции, работой на компьютере, аудио- и видеоаппаратуре. Сотрудники работают на определенной территории. Внутри учреждения специализация соответствует индивидуальным способностям, т.к. одни склонны к расшифровке, другие — к переводу, или к работе с техническими средствами.

Территории, на которых ведется работа, например, в 1999 г. распределены следующим образом: С.С. Успенская (среднеказымский говор) занимается сбором и обработкой казымского фольклора, Л.Р. Хомляк (полноватский говор) — сбор и обработка приобского фольклора, Р.К. Слепенкова (полноватский говор) — сбор и обработка материалов духовной культуры приобских хантов, Е. Шмидт — сбор и обработка материалов в Шурышкарском и Приуральском районах Ямало-Ненецкого автономного округа и на других территориях.

Основная масса фольклорных материалов, собранных в 1992-1998 годах, представлена аудиозаписями с частичной расшифровкой на русском шрифте. Л.Р. Хомляк собрала сказки, легенды, песни в Полновате, Пашторах, Тугиянах, Казыме, Белоярском (ее основные информанты — П.А. Гришкина — 1932 г.р., У.П. Лелькова – 1922 г.р., Е.Г. Инырева -1926 г.р., Е.Е. Лелькова — 1936 г.р., М.Г. Юпина — 1934 г.р., Н.С. Молданова — 1924 г.р., М.Н. Собянина — 1935 г.р., Е.Г. Пятникова -1924 г.р., М.А. Ользина — 1924 г.р., Е.Н. Юхлымова — 1928 г.р., М.Г. Спиридонова — 1921 г.р. и др.). Р.К. Слепенковой записаны сказки, легенды, песни в Белоярском, Тугиянах, Юильске, Ванзевате, Пашторах, Полновате, Казыме. С.С. Успенской собраны песни, сказки, легенды, были, этнографические мате-

риалы в Белоярском, Казыме, (среди ее основных информантов С.М. Лозямов — 1928 г.р., П.М. Лозямов -1932 г.р., К.М. Лозямов — 1936 г.р., В.Н. Тарлин — 1942 г.р., К.И Вандымов — 1942 г.р., Т.К Молданова — 1929 г.р. и др.). С.Л Волдиным зафиксированы песни, сказки, этнографические материалы с. Казым. Среди аудиозаписей Е. Шмидт имеется восстановленный текст одной героической песни, записанной в 1844 г. на березовском диалекте, Л.А. Тарагуптой из Салехарда записана этнографическая информация на шурышкарском диалекте из д. Лопхари — 1995 г., комментарии к фольклору (П.И. Сенгепов — Юильск, Т.Т. Тебетева — Казым, С.Т. Тояров — Лопхари, Н.Ф. Русмиленко — Лопхари, В.Д. Гришкина — Н. Нарыкары); этнографическая информация — 1997 г. С сентября 1997 г. Л.Ф. Котовой осуществляется запись фольклорных текстов, рассказанных по-русски.

Т.Р. Пятникова, носительница полноватского говора, осуществляет перевод текстов с хантыйского языка, редактирование. Также одним из лучших переводчиков фольклорных текстов, по мнению Т.А. Молдановой, является С.С. Успенская. Переводы с хантыйского на венгерский, с венгерского на русский, транслитерацию текстов с венгерских изданий ведет Е. Шмидт.

Видеозаписи 1995 года представлены песнями, сказками, документацией березовского говора; грамматикой куноватского говора (Лопхари); документацией "Вороньего праздника" в д. Тугияны и материалами экспедиции венгерской съемочной группы в Нижние Нарыкары, Мулигорт, Калтасьяны, Вежакоры. В 1996-1997 гг. Е. Шмидт на видео записаны песни, сказки, этнографические сообщения на усть-казымском или полноватском говоре (Тугияны, Полноват, Белоярский), казымском говоре (Б. Атлым), куноватском говоре (Лопхари), шеркальском диалекте (Мулыгорт, Октябрьское), низямском диалекте (Нижние Нарыкары), приуральском диалекте (Чапаевск, Ямало-Ненецкий округ) и на ненецком языке (Тавпугол, Ямало-Ненецкий округ); Р.К. Слепенковой в течение 1996-1998 гг. записаны на видео медвежий праздник, прошедший в феврале 1996 г. в этнографическом музее п. Казым и Вороний праздник в п. Тугияны (1996), в г. Белоярском (1997), "Наследие ЦКНТ г. Белоярского" (1997), День оленевода в Казыме (1998) и многое другое.

По договору с Ямальской научной лабораторией в 1995 г. перерасшифрована неизданная часть текстов Г. Торыкоптына, записанная И. Папаи в 1899 г. (30 страниц, хранящихся в ее архиве). По договору с Березовским центром народной культуры, а также Ямальской научной лабораторией перерасшифрованы героические песни М.П. Нигылева, записанные А. Регули в 1844-1845 гг. В 1997 г. во время летней экспедиции в рамках договора с Ямальским научным центром Е. Шмидт нашла родственников информато-

ра Й. Папаи. Записаны первые пробные тексты, на основе которых начата перерасшифровка приуральского героического эпоса на кириллицу.

За 1992-1998 гг. при архиве созданы фонды сотрудников архива.

Аудиозаписи: Молданов Т.А., р-н р.Казым (по 1995 г.) — 60 час.; Волдин С.Л., р-н р. Казым (по 1996 г.) — 50 час.; Успенская С.С., р-н р. Казым (с 1994 г.) — 45 час.; Хомляк Л.Р., р-н р. Обь (с 1994 г.) — 40 час.; Слепенкова Р.К., р-н р. Обь (с 1996 г.) — 50 час. *Видеозаписи*: Шмидт Е., разные группы ханты и манси — 180 час.; Слепенкова Р.К. — 20 час.; Хомляк Л.Р. — 3 час. *Расшифрованные хантыйские тексты*: Шмидт Е. (в фонематической транскрипции) — 500 стр.; Успенская С.С. – 220 стр.; Хомляк Л. Р. — 280 стр.; Слепенкова Р.К. — 200 стр. *Переводы на русский язык*: Пятникова Т.Р., р-н р. Оби (этнографич. тексты) — 300 стр.; Успенская С.С. — 150 стр.; Хомляк Л.Р. — 50 стр.; Слепенкова Р.К. — 70 стр. *Перерасшифровка хантыйских источников XIX в. на кириллицу*: Шмидт Е. — 100 стр.

Научных публикаций архива пока еще немного. В этот период издана значительная работа — "Основы метрики в северохантыйском песенном творчестве (внутристрочный уровень)", написанная Е. Шмидт и опубликованная в сборнике "История и культура хантов" [Шмидт Е. 1995. С. 121-152]. В 1997 г. вышел первый небольшой сборник фольклорных текстов "Арэм-моньщем ел ки манл...", составитель Л.Р. Хомляк. В 1999 г. подготовлены к изданию такие материалы: Успенская С.С. — образцы казымского фольклора (150 с.); Слепенкова Р.К. — песни и сказки исполнительницы Молдановой Е.Е. — (90 с.); Хомляк Л.Р. — о творчестве исполнительницы Гришкиной П.А. (90 с.); Шмидт Е.—Пятникова Т.Р. — песни-сказки (100 с.).

Березовский научно-фольклорный фонд народа манси основан по инициативе ассоциации "Спасение Югры". Он создан Комитетом по делам народов Севера 9 февраля 1993 г. Возглавила этот архив С.А. Попова — носительница северного мансийского диалекта.

В данном архиве ведется сбор и обработка не только мансийского фольклора, но и фольклора ханты. Территория, где фиксируются материалы по хантыйскому фольклору, охватывает поселки Мулигорт, Игрим, Теги, Пугоры, Тутлейм. Эту работу ведет Л.В. Кашлатова — носитель одного из исчезающих говоров обских ханты. Ее предки Лысковы жили в п. Калтащкурт и являлись хранителями наиболее влиятельного общего обско-угорского духа Калтащ. Поэтому все материалы, собранные исследовательницей, представляют огромную ценность.

Перевод собранных и обработанных материалов на русский язык здесь ведется пока лишь частично.

Сургутско-варьеганский научно-фольклорный архив по сути дела представляет два независимых друг от друга архива: архив сургутских хан-

ты А.С. Сопочиной и варьеганский архив Ю.К. Айваседы (Вэлла), записывающий фольклор восточных ханты и лесных ненцев. Объединение двух разных архивов связано с административной целесообразностью. Оба архива ведут работу в восточной части Ханты-Мансийского округа (Сургутский и Нижневартовский р-оны). Кроме того, у них много общего, оба архива работают в полевых условиях внутри этнического сообщества восточных ханты и лесных ненцев, у них одни и те же задачи и направления в работе. Официально Сургутско-Варьеганский архив был создан 19 октября 1994 года. Руководитель архива А.С. Сопочина.

А.С. Сопочина — представитель хантыйской национальной интеллигенции, целенаправленно занимавшейся сбором фольклора по личной инициативе. В 1990-е гг., с созданием специального учреждения, отвечающего стремлениям собирателя, ее материалы составили основу архивного фонда. По сведениям, полученным от А.С. Сопочиной, в ее архив вошли записи более ранних лет, записанные во время путешествий по родному краю, в результате сотрудничества на окружном радио и в газетах. На протяжении большого периода времени собран достаточно большой материал по всем группам сургутских ханты: юганских, пимских, аганских, тромаганских. Основные информанты, от которых записывались произведения устного народного творчества: Сопочин Иван Степанович, Курломкин Петр Васильевич, Купландеев Петр Кириллович, Рынкова Капитолина Ивановна, Песиков Семен Павлович, Купландеев Яков, Кечимов Сергей Васильевич и др.

В архиве собран материал по медвежьему игрищу. Например, имеются видеозаписи медвежьих игрищ на Агане, снятые эстонским исследователем Л. Мери.

Группу по изучению лесных ненцев, а также и восточных ханты возглавляет ненецкий поэт Ю.К. Айваседа (Ю. Вэлла), владеющий не только родным языком, но и языком сургутских ханты. Особенность данного архива, как и архива А.С. Сопочиной, состоит в том, что все четыре его сотрудника проживают непосредственно в этнической среде, в небольших поселках и стойбищах.

Подход к сбору фольклора в архиве лесных ненцев большей частью любительский. Хотя в настоящее время идет процесс овладения научными приемами фиксации фольклорного материала. Видео- и аудиозаписи ведутся на ненецком, хантыйском и русском языках. На 1997 год насчитывалось 80 кассет. Чисто ненецких записей насчитывалось 30 %, 60 % — хантыйский материал.

Окружной научно-фольклорный фонд народов Севера организован окружным комитетом по делам малочисленных народов Севера 18 апреля 1994 года как самостоятельное научное учреждение. Он создан по инициативе Т.А. Молданова как методический и координирующий центр район-

ных фольклорных архивов, как центр визуальной этнографии в Ханты-Мансийском автономном округе, а также как учреждение, самостоятельно занимающееся систематическим сбором, обработкой и хранением фольклорных материалов, выполняющее задачи пропаганды и сохранения преемственности в развитии фольклорных традиций, поддерживающее связи с другими аналогичными учреждениями России и других стран. Директором этого фонда был назначен Т.А. Молданов. В июне 1994 г. окружной научно-фольклорный фонд вошел в структуру НИИ ВОУН и его возглавила к.и.н. Т.А. Молданова. С 1997 г. окружным научно-фольклорным фондом вновь руководит Т.А. Молданов.

Спецификой в работе с фольклором Т.А. Молдановой и Т.А. Молданова является то, что записанный ими фольклорный материал используется как исторический и этнографический источник. В архиве разрабатываются темы "Мировоззрение казымских ханты" (Т.А. Молданов), "Мир хантыйской женщины" (Т.А. Молданова), "Медвежьи игрища казымских ханты". Подготовлены к изданию монография и очерк.

Владение методом визуальной антропологии в этнографическом исследовании позволило Т.А. Молдановой и Т.А. Молданову сделать полную видеозапись организованных ими шести медвежьих игрищ в 1991-1998 гг. в разных районах. За период с 1994 года полностью записаны 4 медвежьих игрища, три из них (северные ханты) расшифрованы. Для расшифровки Юганских медвежьих игрищ необходимо знание восточного диалекта хантыйского языка. По медвежьим игрищам ими создано восемь учебных и телевизионных фильмов.

Научные публикации фольклорных текстов и статей сотрудников фонда ведутся в сборнике "Народы Северо-Западной Сибири", выходящем под редакцией Н.В. Лукиной. Готовятся к изданию песни из цикла медвежьих игрищ, записанные на финно-угорской транскрипции с переводом на русский язык с предисловием и комментариями для Энциклопедии Уральской мифологии (Хельсинки, Финляндия). В 1997 г. увидел свет I Выпуск Материалов Ханты-Мансийского окружного научно-фольклорного фонда — сборник "Кань куныш олан" (Автор — сост. Т.А. Молданов). Это первое крупное научное издание хантыйского фольклора в оригинале с переводом на русский язык, подготовленное представителем хантыйского народа. В этот сборник вошли неопубликованные фольклорные произведения, записанные на верхне-казымском говоре северного диалекта Т.А. Молдановым и Т.А. Молдановой в феврале 1997 г. Публикуемые произведения относятся к двум жанрам "вэрт монщат" (с мифологической концовкой о превращении персонажей в главнейших духов-покровителей) и "йис путар" (дословно "старинный рассказ"). В сборнике представлены анализ публикуемых текстов, сведения об информаторе, комментарии. Подготовлен к публикации второй выпуск сборника.

Т.А. Молдановой и Т.А. Молдановым подготовлен к изданию хантыйский поэтический фольклорный том для серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока", издающийся Сибирским отделением Российской Академии наук. Ответственный редактор тома Н.В. Лукина. Он был одобрен и утвержден на расширенном заседании Главной редколлегией серии 6 апреля 1999 г. Хантыйский поэтический том будет представлять собой репертуар одного медвежьего игрища. Позднее планируется издание лучших образцов хантыйской поэзии.

Результатом многолетней фольклористической деятельности Т.А. Молданова стал выход книги "Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов", являющейся первой работой, специально посвященной мифологической картине мира, отраженной в медвежьем празднике ханты конца XX в. (1999). В этой книге в качестве основного источника представлены неопубликованные записи медвежьих игрищ, проведенные в Юильске (1991) и Полноватe (1992) Белоярского района Ханты-Мансийского округа. Выбор автором этих населенных пунктов обусловлен тем, что в них проживают носители традиций одной территориальной группы — казымские ханты. Т.А. Молданов выявляет мифологических персонажей, являющихся на медвежьи игрища в верховьях и низовьях р. Казым, а также раскрывает мифологическую картину мира, воспроизводимую исполнителями данных ритуалов. Книга сопровождается приложением с примечаниями к текстам, картами, схемами, словарем, подготовленными Т.А. Молдановой.

С 1998 г. в окружном фольклорном фонде работает специалист по ваховскому диалекту хантыйского языка Л.Е. Тарлина. Тема ее исследования "Фольклор ваховских ханты". Территория, которую охватывает Л.Е. Тарлина, — поселки и стойбища Нижневартовского района (Корлики, Колик-Еган, Ларьяк...). Первые публикации записанных ею фольклорных текстов содержатся в газете "Ханты ясанг".

В качестве редактора хантыйских текстов с 1999 г. работает выпускница Ханты-Мансийского филиала Нижневартовского пединститута Л.А. Молданова, сотрудничавшая с окружным научно-фольклорным фондом народов Севера и ранее.

Tatyana Voldina

ORAL NATIONAL CREATIVITY OF KHANTY IN SCIENTIFIC FOLKLORE ARCHIVES OF KHANTY - MANSY AUTONOMOUS REGION

The author deals with the history of forming of scientific - folklore archives of Khanty–Mansy Autonomous Region and covers the basic directions of their activity. In 90tis 4 such archives were formed in the region. They are Beloyarsk scientific folklore archives of the Mansy, Regional scientific folklore fund, Surgut – Varyegan scientific folklore archive. Brief characteristic of materials collected in these archives is given in the work.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

СООБЩЕНИЯ

Софья Чеснокова
Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ЖАНРА ПОЭМЫ В МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На протяжении всей истории марийской литературы одним из ведущих ее жанров был жанр поэмы, жанр, позволяющий проникать в глубинные процессы действительности и отражать важнейшие явления жизни общества и человека.

Поэма, как литературный жанр, возникла на почве эпоса. Эпос в виде развернутого героического повествования, "содержащего целостную картину народной жизни и представляющего в гармоничном единстве некий эпический мир и героев-богатырей" (1, с. 513), типа финского эпоса "Калевала", эстонского эпоса "Калевипоэг" или киргизского эпоса "Манас", служивших примером эпического мировидения для первых мастеров слов в литературах этих народов, у марийцев не сложился. Основным источником, питавшим корни марийской поэмы, были героические легенды и предания, исторические, балладные и лирические песни, древние марийские сказки, языческие молитвы, которые несли в себе нравственно-этические представления и эстетические идеалы народа, через которые марийские художники осваивали природу эпического мировидения и изображения героев в крупных стихотворных произведениях. Имеющийся фольклорный материал еще в XIX в. позволял первым исследователям-этнографам судить о богатейшем духовном наследии марийского народа. Исследователь П. Рычков, участвовавший в ряде экспедиций Академии наук, отмечал, что песни и предания марийцев могут сравниться с образцами стихотворений древних греков и представляют богатый материал для художественного творчества писателей.

Эпические прозаические жанры народного творчества такие, как предание, легенда, сказка явились одними из основных жанров, способствовавших деформированию лиро-эпических традиций в марийской литерату-

ре. Они изначально содержали в себе характерные черты: историчность, героичность, масштабность изображения, сюжетно-повествовательную основу. Именно в них марийский народ создал идеальные образы народных героев Чоткара-патыра, Чумбылата, Акпатыра, Алым патыра, воплотивших его представления о чести, мужестве и героизме. Эти образы во многом определили характер изображения героев в марийских поэмах.

Образ другого исторического героя — предводителя черемис князя Полдыша (или Болтуша) из исторической песни "Князь Полдыш" — и сегодня дает богатый материал для художественного осмысления истории мари. Это произведение устного народного творчества, отличающееся эпическим размахом повествования, торжественностью интонации и богатством художественно-изобразительных средств, близко к эпической поэме.

Песню о князе Полдыше в начале века записал в Малмыжском уезде удмуртский поэт Кузебай Герд (К.П. Чайников, 1898-1941), который позднее на ее основе создал поэму "Над Шошмой"(1916). Под названием "Былое могущество Малмыжа" песня была опубликована в газете "Малмыжская жизнь" в 1917 году и в финской печати в 1995 году (Parnasso 1/95). Песня прославляет подвиг отважного предводителя черемис — князя Полдыша. Она содержит богатый исторический материал, изложенный автором поэтичным языком и с глубоким героическим пафосом:

Гусляры, настройте ваши гусли,
Громче играйте про былую славу черемис!
Ветры буйные, неситесь на полдень, на полночь,
Поведайте миру о славном князе Полдыше! (2, с. 45).

Воссоздавая картину своей эпохи, повествователь основное внимание сконцентрировал на истории героической защиты черемисского города Малмыж и Малмыжского края правителем Полдышем и его ратью. Язык произведения отличается образностью, емкостью выражения мысли. В нем гармонично сочетаются распространенные эпитеты эпического произведения *("могучий", "славный", "сильный")* с эпитетами, метафорами и сравнениями марийской мифологии: *"Застонала черемисская земля... Родственницы князя, точно белые дочери Юмо, плясали священные танцы у жертвенного огня на разостланных медвежьих шкурах"*, образы и поэтические приемы обращения к ветрам: *"Ветры буйные, быстрые, несите же скорее крики о помощи всем родственным народам: здесь за родные леса и за веру в Керемета умирают отважные люди!"*. В эпическое повествование легко и свободно вливается лирическая струя: *"Жена князя Полдыша бросилась с крутого берега в волны в том самом месте, где сливаясь, обнимаются Шошма с Вяткой", "Светлый Керемет! Души погибших в битве прими жить в голубые комнаты с серебряными окошечками и всели души их в прекрасные райские цветы!"*

Песня, записанная удмуртским поэтом, бытовала на русском языке, однако, в ней проявляется ярко выраженное марийское сознание, что дает основание говорить о марийскоязычной основе произведения. Поэтический синтаксис, сюжетные мотивы и интерпретация исторического материала несут в себе выражение мировоззрения, нравственных и эстетических устоев народа мари, "унесшего свою свободу в лес, но не сдавшегося врагу" (2). Марийское сознание в самой идее произведения, призванной воспеть героизм и свободолюбие народа, с честью защищавшего свою независимость и свободу родной земли. На основе исторической песни "Князь Полдыш" марийским драматургом Г. Гордеевым написана историческая трилогия в стихах: "Ӧртӧмӧ он" (Князь Ӧртӧмӧ, 1993), "Болтуш" (1994), "Мый ом суко садак!" (Не преклонюсь! 1996).

Большое влияние на формирование лиро-эпических традиций марийской литературы оказал художественный мир народной сказки, ее эпические характеры и образные средства. Авторы первых произведений заимствовали материалы из мира сказок. Образ сражающегося со злыми силами сказочного героя Алым-патыра, воплотивший народное представление о доблести, чести и преданности, послужил первоосновой одного из первых крупных стихотворных произведений марийской литературы, претендующих на лиро-эпичность, поэтической сказки С. Чавайна "Вувер" (1908).

Особое значение марийской сказки в формировании художественных традиций лиро-эпики заключается в том, что в ней прозаическое повествование чередуется с поэтическими и песенными диалогами. "Каждая песенная сказка может считаться поэзией в прозе", — отмечал К. Четкарев, — поскольку ее отточенный язык имеет свой внутренний ритм, и слова в прозаической описательной части так четко подобраны, что к ним трудно прибавить лишнее слово" (3, с. 68). В лирических песнях герои выражают свои переживания, нередко они выполняют магическую, заклинательную функцию. Таких песенных сказок сохранилось немного: "Сереброзубая Пампалче", "Алым патыр", "Среброголовый Пази", "Гусли". Выделяя в них художественное описание, поэтически насыщенные диалоги, лирические песни, ритмичность, внутреннюю рифму и напевность, К. Васин подчеркивал, что "марийские произведения со сказочным сюжетом не успели еще отойти от древнего эпоса, не смогли полностью превратиться в сказку". По мнению автора, то, что мы сейчас рассматриваем и изучаем как сказку, в значительной мере оказывается остаточным явлением старинного эпического сказания, а сюжет и содержание целого ряда марийских сказок, содержащих богатые песенные тексты и лирические описания природы и быта, как вышеупомянутые сказки, у карел, финнов и мордвы известны как эпические песенные тексты — руны и морот (4, с. 8).

Для создания и передачи таких сказок слушателям нужно было обладать особой музыкально-поэтической одаренностью, которая, очевидно,

была свойственна древним марийцам и особенно женщинам, — "первым марийским светским музыкантам, поэтам и прозаикам" (3, с. 72). Именно женщины являются основными героическими персонажами древних марийских сказок, они выражают своими поступками народный идеал разумности, мудрости и красоты. Пампалче, Яндалче, Пике и другие стали прототипами первой марийской поэмы "Сарбика" (1917) Кугубая Маныкаева.

Музыкально-поэтический язык, сюжетно-повествовательный характер, лиро-эпичность марийской сказки позволяют судить о ней как об одном из живых источников, из которого марийские авторы черпали художественные принципы литературного письма, учились опыту построения сюжета.

Таким образом, эпические прозаические жанры (легенда, предание, сказка), несущие в себе традиционные черты жанра поэмы — героичность, историчность, масштабность изображения, сюжетно-повествовательную основу и эпический характер, стали первоосновой освоения лиро-эпических традиций. Образы героев-богатырей, как заметила З. Османова, "на протяжении многих столетий олицетворяли народные представления о доблести и геройстве, о красоте и силе, мужестве и патриотизме, и заключали в своем самостоятельном, крепком и цельном героическом характере нравственно-психологические и художественно-эстетические ценности, активно повлияли на формирование героя нашего времени" (6, с. 12). Легенды, предания и сказки, в отсутствии разработанной истории народа, стали особым источником исторического материала. Авторы марийских поэм заимствовали их них сюжетные мотивы, образы и средства художественной выразительности.

Важным источником лиро-эпических традиций марийской поэзии стал лирический жанр народного творчества — песня. "Не имея высокоразвитой эпической поэзии, народ мари многие свои мысли о жизни выразил в лирическом жанре, потому его песни приняли на себя как бы удвоенную нагрузку, — отсюда в них удивительная глубина чувств", — отмечал К. Васин (7, с. 230).

В песне наиболее ярко выразилось миропонимание народа, его история, его мечты о свободе и счастье, раздумья о жизни и смерти, его нравственные и эстетические идеалы, извечное обожествление природы и красоты мира, возвеличивание труда, любви, дружбы и верности. Именно в песне лирически проникновенно и с глубоким драматизмом отразились те душевные переживания и страдания народа, которые он испытал в своей истории, потеряв свободу и независимость. Возможно, это обстоятельство в значительной мере определило и особое свойство марийской песни — раздумчивость:

А над нивой весь век
Дуб могучий горит...
Так и я полагал,
Что горит это дуб,
А раскинул умом,
То народа душа. (5, с. 197).

По мнению К. Васина, обращение к анализирующей и синтезирующей мысли внесло в произведения народной лирики элементы стихийной философии, стихийного историзма, наложило отпечаток на саму художественную форму произведений: по форме и глубине мысли марийские песни-раздумья напоминают такие общеизвестные стихотворные жанры философского содержания, как танки и хокку в поэзии японцев, рубаи в поэзии народов Средней Азии (7, с. 231). Это отличительное свойство марийской песни позволило использовать ее в качестве особого свойства раскрытия характера героя, его поступков и душевного состояния как в прозаических произведениях, так и в поэмах. Из народных песен первые марийские поэты заимствовали идеал красоты девушки и юноши: *ош мотор* "белолицая красавица", *шем мотор* "смуглый красавец". *Ош* "белый" и *ший* "серебряный" являются постоянными эпитетами марийских песен и марийского фольклора в целом.

Жизнь марийца-язычника была неотделима от природы, и естественно, что в своих лирических созерцаниях он уходит в ее мир, сравнивает явления реальной жизни с природными, черпает в ней глубокие и яркие образы, символы. Так, девушка в народных песнях сравнивается с лебедью, юноша — с березою, кукушка является олицетворением тоскующей матери, снег и дождь символизируют слезы и горе. Широко распространен образ-символ пчелиной семьи, отражающий идею сплоченности, дружбы, единства народа, его трудолюбия.

Образы и символы народной песни преемственно перешли в художественный мир лиро-эпических произведений и стали одним из основных средств их выразительности.

Особое влияние на формирование традиций марийской литературы оказали рекрутские прощальные песни. В давние времена у марийцев существовал обычай, по которому человек, уезжая из родного дома в чужие края, на царскую службу или на заработки, слагал на память о себе песню. Эти рекрутские или прощальные песни, в сущности, явились зачатками оригинального художественного творчества. В песнях авторы образно и лирически проникновенно выражали свое миропонимание, душевные переживания, раздумья о судьбе:

Вереницей над полем летят и летят
Дикие серые гуси.
И садятся на самом краю родника
Дикие серые гуси.
Вереница гусей улетает на юг —
В поле родник остается.
В край чужой мы идем, но родная сторона
В наших сердцах остается. (5, с. 197).

Рекрутские прощальные песни имели своеобразный сюжет и реалистически отображали жизнь. К ним близки зародившиеся в эпоху крестьянских войн XVII-XVIII веков лиро-эпические песни о бунтарях, дезертирах и крестьянах, которых жизнь вынудила встать на путь разбоя. Они бегут из тюрем, прячутся в лесах. Как справедливо отмечает А. Алешкин, подобные народные лиро-эпические песни сыграли большую роль в формировании традиций поэтического эпоса поволжских литератур, на основе этих песен поэты первоначально осваивали такую разновидность поэзии, как баллада (8, с. 15).

В целом, значение народной песни в формировании традиций поэтического эпоса заключается в том, что песня со своей анализирующей и синтезирующей мыслью, сложной формой, яркой образностью, реалистичностью и драматизмом переживаний имела особое влияние на формирование идейно-эстетической основы марийской лиро-эпики, способствовала развитию в ней лирического, реалистического начала и придала художественному творчеству марийских поэтов национальную окрашенность. Народно-песенный стих стал основой создания национального стихосложения.

В марийском фольклоре есть особый жанр — языческие молитвы, по своим художественным качествам они являются самыми насыщенными произведениями марийского фольклора и тем самым представляют известный интерес с точки зрения становления литературного языка (9, с. 65). В то же время исследователи отмечают, что языческие молитвы, представляющие собой сложное и многогранное явление, могут быть источником мифологического, религиозного, философского представления, источником сведений об этических и эстетических понятиях марийского народа (10, с. 38). Богатый художественный язык, особое восприятие мира, ритмическая организация и наличие определенной рифмовки позволяют рассматривать языческие молитвы как поэтические произведения.

Изложенные акцентным стихом отдельные части молитв соединены единым сюжетом, рассказом-описанием жизни семьи, народа, основных событий годичного цикла: женитьбы или замужества, рождения детей, благополучия в хозяйстве, прибыли скота, весенне-полевых работ, плодородия осенней страды, хорошего медосбора, удачной охоты, продажи товаров и т.д., которая заканчивается молением о здоровье и благополучии с подроб-

ным описанием испрашиваемой у бога желаемой будущей жизни: *"Радостно возвышаясь, подобно горе, с веселостью и задором молодой рощи, с полнотой полной луны, со светом светлого солнца, с богатством недр земли, подобно ласточкам щебеча, подобно шелку дни продлевая, в дружбе и согласии с добрыми соседями и с добрыми друзьями жить помогай, Добрый Великий Бог!"*

Насыщенность художественного языка молитв проявляется в обилии образных выражений, сравнений, эпитетов, развернутых метафор, периодов, повторов, иносказаний, обращений, восклицаний, которые придают молитвам особую торжественность, а также в широком использовании аллитерации, противопоставлений, перечислений, параллелизма и других художественных приемов. Строение молитвенного стиха во многом определяется ритмикой мелодии, напеваемой картом при исполнении молитвы в сопровождении гусель. Количество стихов и строк в молитвах произвольно и колеблется в пределах пятнадцати-двадцати. Богатые выразительные возможности языка, высокая художественность и поэтичность марийских языческих молитв в значительной мере оказали влияние на принципы художественного письма и художественного мышления марийских авторов.

Языческие молитвы, как отражение миропонимания марийца, содержат в себе ярко выраженный культ природы, культ предков, земли и земледельца. Унаследованное от языческих молитв обожествление природы, уважительное отношение к ней, к земле и труду земледельца, к памяти об умерших предках как к исторической памяти народа, а также определенные ими нравственные основы просматриваются в творчестве каждого марийского писателя. Глубинное отражение они нашли в поэмах "Жизнь", "Актуган" Олыка Ипая, "Охотник" Ю. Чавайна, "Доброта", "Сила Земли", "Лес мой, лес!" В. Колумба, "Гостья" И. Осмина и многих других произведениях.

В отличие от других жанров фольклора языческие молитвы выделяются особым жизнеутверждающим пафосом. В этом своеобразном гимне-благодарении природе доминирующей мыслью является вера в лучшую жизнь, достигнуть которой можно благодаря своему труду и помощи Бога, стремлению жить в мире с другими народами; в нем выражается "идея не борьбы, а гуманизма, содружества, стремления жить в мире и согласии" (11, с. 15).

По своему стилю, хроникально-повествовательной организации, философскому осмыслению огромного пласта жизненного материала и наличию лирического героя языческие молитвы напоминают своеобразную поэму о жизни крестьянина-марийца со всеми его заботами, радостями и надеждами.

Яркая выразительность и поэтичность языка марийских языческих молитв, отражающих миропонимание марийца, содержащих представления об основах эстетики и нравственности народа, их особый художественный

и философский мир, утверждающий гармонию человека и природы, идеи гуманизма, мира и труда, в значительной степени определили художественно-эстетическую основу и жизнеутверждающее начало марийской поэмы.

Исходя из вышесказанного, есть все основания утверждать, что самым сильным и действенным истоком формирования марийской поэмы стал национальный фольклор. Устное народное творчество — "неписаная энциклопедия многовекового опыта народа" (12, с. 24) — дало неиссякаемый материал для художественного творчества.

Фольклор содержал в себе все основные жанрообразующие признаки поэмы, предоставлял большой исторический материал для выбора сюжетных мотивов, давал образец повествования и построения сюжета. Опираясь на народное представление об идеальном герое, авторы первых лиро-эпических произведений нарабатывали своеобразные принципы изображения национального характера.

Особое значение в формировании лиро-эпических традиций имела народная песня. С одной стороны, марийское литературное стихосложение возникло на основе песенного стиха. С другой — народная песня с ее проникновенным лиризмом и драматизмом переживаний подготовила почву для развития лирического начала в поэме.

Языческие молитвы, представляющие собой поэтическое произведение с особым художественным и философским миром и выражающие эстетические и нравственные идеалы народа, стали несущей частью фундамента, на основе которого формировались идейно-эстетические принципы марийской поэмы. Этот поэтический жанр марийского фольклора сыграл особую роль и в выборе изобразительных средств марийской лиро-эпики. На художественную систему лиро-эпического плана оказал влияние образный мир и лаконичный образный язык сказок и пословиц.

Сплав традиций национального фольклора, национального опыта и опыта инонациональной литературы создал свои лиро-эпические традиции в марийской литературе. Балладно-сказовые произведения, стихотворные сказки, которые условно можно назвать поэмами-сказками, сюжетно-повествовательные стихотворения дооктябрьской литературы подготовили почву для социального анализа реальной действительности и выработали определенные навыки изображения национального характера. Сочетание национальных фольклорных традиций с художественными традициями русской поэзии дало свою, пусть еще далеко не совершенную художественную систему изображения, опыт построения произведения в малых и больших жанрах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Литературный энциклопедический словарь. М, 1987.

2. *Худяков М.* Прошлое Малмыжского края. Князь Полдыш. 1927. РФ, МарНИИ, оп. 1, д. 263.

3. *Четкарев К.* Героические образы в марийских сказках //Труды МарНИИ. Вып. IX. Йошкар-Ола, 1956.

4. История марийской литературы. Йошкар-Ола, 1989.

5. Марийские народные песни. М., 1953.

6. *Османова З.* Художественная концепция личности в литературах Советского Востока. М., 1972.

7. *Васин К.* Просветительство и реализм. Йошкар-Ола, 1975.

8. *Алешкин А.* Эпос дружбы. Саранск, 1985.

9. *Иванов И.* О языке одного из жанров марийского фольклора // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1975.

10. *Глухова Н.* Экспрессивность марийских языческих молитв // Финно-угроведение, 1994. № 2.

11. *Липатов А.* Языческий олимп // Марий Эл, 1994. № 3.

12. *Куликов В.* Взаимодействие национальных фольклорных традиций и художественного опыта русской литературы в марийской поэзии дооктябрьского периода (1905-1917) // Проблемы реализма в марийской литературе. Йошкар-Ола, 1979.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Элина Лебедева
Йошкар-Ола

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Синтаксический анализ пословиц и поговорок предполагает исследование закономерностей построения пословичных и поговорочных конструкций. Анализ синтаксических особенностей марийских пословиц и поговорок как языковых единиц имеет теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет определить наиболее употребительные структурные схемы и синтаксические конструкции, рассмотреть общеупотребительные элементы в составе данных конструкций и закономерности организации элементов структуры, исследовать структуру на грамматическом уровне.

Исследование марийских пословиц и позволяет выявить, что они являются коммуникативными единицами, в структурном плане представляющими собой предложения. Пословицы и поговорки марийского языка, представляя собой законченные предложения, характеризуются определенной синтаксической структурой и относятся к определенному коммуникативному типу. По цели высказывания марийские пословичные и поговорочные предложения представлены следующими типами: повествовательными — 90 %, побудительными — 9 %, восклицательными — 0,5 % и вопросительными — 0,5 %. Абсолютное большинство пословиц и поговорок марийского языка представлено в форме повествовательного предложения, которые выражают обобщенный опыт людей, отражают закономерности объективной действительности, обобщенно фиксируют факты, явления, события объективной реальности: *Вий вийым темдалеш* "Сила силу сломит", *Эн сай йолташ — шке кид ден уш* "Самые лучшие друзья — свои руки и голова", *Уда ен порым ок шарне, сай ен осалымат монда* "Плохой человек добра не помнит, хороший человек и зло забывает".

Пословицы и поговорки, имеющие форму побудительного предложения, выражают побуждение к действию, поучение, совет, предостережение,

запрет: *Пашат уке годым пашалан ямдылалт* "Когда нет работы, готовься к работе", *Ен ойгылан ит куане* "Чужому горю не радуйся", *Кугурак деч лӱд, изирак деч вожыл* "Старших бойся, младших стесняйся".

Поговорки в форме вопросительного предложения содержат высказывание в форме вопроса, на который не ожидается ответа, т. е. они представляют собой риторический вопрос: *Шортмо дене мо ушна, ойгырымо дене мом муат?* "Что слезами сделаешь, чему поможешь горем?"

Поговорки в форме восклицательного предложения произносятся с особой интонацией и представляют собой эмоционально-насыщенное выражение: *Теве тыланет туря муно!* "Вот тебе журавлиное яйцо!"

Предложение как грамматическая единица обладает следующими основными характеристиками: синтаксической структурой, семантической структурой, порядком слов и интонацией. Под синтаксической структурой понимаются определенные формы слов, находящиеся друг с другом в определенных синтаксических отношениях, которые представляют собой предикативную основу. Предикативная основа предложения является отвлеченным образом, моделью, т. е. структурной схемой. Структурная схема предложения включает в себя только те компоненты предложения, которые образуют его предикативную основу. Она реализуется в синтаксических конструкциях, которые образуются всеми конститутивными компонентами предложения. Одна и та же структурная схема может быть представлена различными синтаксическими конструкциями.

При исследовании структуры марийских пословичных и поговорочных предложений мы выявляем не только структурные схемы, но и определяем синтаксические конструкции, так как они открывают различные стороны предложения как синтаксической единицы. Понимая предложение как синтаксическую единицу, грамматическим значением которой является предикативность, и соответственно, структурную схему предложения как его предикативную основу, мы определяем структурные схемы предложения. Понимая предложение как комплекс конститутивных компонентов предложения, необходимых для того, чтобы вне контекста предложение могло выразить смысл, мы выявляем синтаксические конструкции предложения или, как их называет В.А. Белошапкова, "расширенные структурные схемы предложения" (1, с. 648).

Структурный анализ марийских пословиц и поговорок и соотношение их со свободно организованными предложениями показывает, что все они построены по одним и тем же структурным схемам.

По количеству предикативных основ пословичные и поговорочные предложения марийского языка делятся на две группы: пословицы и поговорки, имеющие структуру простого предложения — 65 %, народные изречения, соотносимые со структурой сложного предложения — 35 %.

Предикативная основа предложения может формироваться двумя формами слов, связанных синтаксическими отношениями (двусоставное предложение) или только одной словоформой (односоставное предложение). Пословицы и поговорки марийского языка, имеющие структуру **простого предложения,** представлены двусоставными предложениями — 70 % и односоставными предложениями — 30 %, которые построены по многочисленным структурным схемам.

Двусоставное предложение характеризуется наличием двух грамматических центров, образованных двумя главными членами предложения: подлежащим и сказуемым. Марийские пословицы и поговорки со структурой простого двусоставного предложения по способу выражения подлежащего делятся на две группы.

К первой группе относятся пословичные и поговорочные предложения, в которых функцию подлежащего выполняет именное слово (имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение или причастие) в именительном падеже единственного или множественного числа или сочетание форм, заменяющее именительный падеж именного слова. Пословицы и поговорки данной подгруппы построены по следующим структурным схемам: Nl — Vf (neg) — 58, 4 %, Nl — Nl (neg) — 25,8 %, Nl — Pred (neg) — 4,6 %, Nl — Nl V cop (neg) — 3,2 %, Nl — Nl гай/дене иктак (neg) — 2,5 %, Nl – InfVf (neg) — 1,3 %, N1 — Adv Vf (neg) — 0,4 %, Nl — Inf(neg) — 0,3 %.

Ко второй группе относятся пословичные и поговорочные предложения, в которых в роли подлежащего выступает неопределенная форма глагола. Народные изречения данной подгруппы организованы по следующим структурным схемам: Inf — Adv (neg) — 2,5 %, Inf — Part гай (neg) — 0,6 %, Inf — N (neg) — 0,3 %, Inf — Inf (neg) — 0,1 %.

Как видим, марийские пословичные и поговорочные конструкции, организованные по структурным схемам Nl – Vf (neg) и Nl – Nl (neg), являются самыми многочисленными и представлены большим количеством разнообразных синтаксических конструкций. Первая модель наиболее часто представлена трехчленными и четырехчленными синтаксическими конструкциями, из них самыми употребительными являются ПДС и ОпПОбС, например: *Паша айдемым ок локтыл* "Труд человека не испортит", *Кугу кол келгыште ила* "Большая рыба обитает в глубине". Среди паремий второй модели абсолютное большинство составляют двучленные и трехчленные синтаксические конструкции, а именно ПС и ОпПС, например: *Илыш йыжыңан* "Жизнь переменчива", *Ик пеледыш — аршаш огыл* "Один цветок — не букет". Многочленные синтаксические конструкции являются нехарактерными.

Односоставное предложение характеризуется наличием одного грамматического центра, образованного только одним главным членом предложения.

Пословицы и поговорки марийского языка со структурой односоставного предложения представлены обобщенно-личными — 77,3 %, безличными — 16,0%, инфинитивными — 4,3%, номинативными предложениями — 2,4%.

Пословицы и поговорки марийского языка со структурой односоставного предложения широко используют структурные схемы обобщенно-личного предложения. Это обусловлено основным назначением обобщенно-личных предложений, которое связано с образным выражением общих суждений, широких обобщений и наставлений. Они построены по следующим структурным схемам: Vf 2s Imper (neg), Vf Is (neg), Vf 2s (neg), Vf 3s (neg), Vf Ipl (neg), Vf 3 pl (neg). Характерными являются конструкции, организованные по структурным схемам Vf 2s Imper (neg), Vf 2s (neg), Vf 3pl (neg). Распространены следующие трехчленные синтаксические конструкции: ОбДС *(Теретым ончен, йолетым чумалте* "По саням протягивай ноги", *Кӱрым кырен, чанам огыт лудыктӧ* "Колотя по лубку, галок не напугаешь", *Чодырашке пуым огыт шупшыкто* "В лес дрова не возят"). ДОбС *(Сӧснам пӧртыш ит пурто* "Свинью в дом не приводи", *Онгырым помышышет от шылте* "Колокольчик за пазухой не утаишь", *Мӧрым кумыж годым кочкыт* "Клубнику едят, пока она зрелая"). ОпДС *(Шырчык мурым ит муро* "Не подражай пению скворца", *Йогышо вӱдым от чаре* "Текущую воду не остановишь", *Малыше азам огыт рӱпшӧ* "Спящего ребенка не качают"). Пословицы и поговорки со структурой безличного предложения построены по следующим структурным схемам: Inf Pred (neg), Pred (neg), Adv Vf 3s (neg). Здесь характерными являются паремии со структурной схемой Inf Pred (neg), имеющие трехчленную синтаксическую конструкцию ДОбС: *Моторлыкым пазарыште налаш ок лий* "Красоту на базаре купить нельзя".

В основе инфинитивных предложений лежит структурная схема Inf (neg), представленная преимущественно трехчленной синтаксической конструкцией ДОбС: *Нерым пеш кушко нӧлтыман огыл* "Не следует слишком высоко задирать нос". Здесь преобладают предложения, в которых сказуемое выражено неопределенной формой глагола на *-ман*, обозначающего необходимость совершения какого-либо действия.

Структуру номинативного предложения используют только поговорки, построенные по структурной схеме NN1 (neg). В марийском языке номинативные предложения могут распространяться только определением, которое всегда предшествует определяемому слову. Поэтому поговорки со структурой номинативного предложения имеют только одну синтаксическую конструкцию ОпП: *Пире чонан шорык* "Овца с волчьей душой".

Таким образом, марийские пословицы и поговорки со структурой простого предложения характеризуются краткостью и четкостью, и поэтому они чаще всего представлены синтаксическими конструкциями из трех или четырех компонентов.

Одной из характерных черт марийских народных изречений является наличие особых, наиболее часто используемых, синтаксических конструкций. По этим синтаксическим конструкциям можно установить особенности порядка слов в пословицах и поговорках и даже в целом в марийском языке. В пословичных и поговорочных предложениях наблюдается тенденция подлежащего к препозиции по отношению к сказуемому, а сказуемого — к абсолютной постпозиции предложения. В редких случаях, когда сказуемое является логически и интонационно выделяемым членом предложения, оно занимает другую позицию. Пословичные и поговорочные предложения распространяются, главным образом, за счет дополнения и обстоятельства, реже — определения.

Основными способами выражения главных членов пословичных и поговорочных предложений являются: подлежащего — имена существительные в форме именительного падежа единственного числа, сказуемого — глагол в личной форме. Наиболее употребительной формой является форма настояще-будущего времени изъявительного наклонения. Преимущественное употребление данной глагольной формы объясняется ее способностью выражать постоянное действие, т. е. обобщенное действие. Для выражения назидания, поучения, совета, наставления, запрета, побуждения к действию главный член обобщенно-личных предложений чаще всего выражается глаголом в форме повелительного наклонения, так как данная форма соответствует выражению этих значений.

Пословицы и поговорки, соотносимые со структурой **сложного предложения,** в разной степени используют все структурно-семантические типы сложных предложений: сложносочиненные — 8 %, сложноподчиненные — 33 %, бессоюзные сложные — 53 %, сложные предложения усложненного типа — 6 %.

На основе структурно-семантических признаков, когда семантическая организация предложения определяется синтаксическими средствами связи, нами выявлены следующие разряды **сложносочиненного предложения:** с соединительными союзами *да, -ат* — 14 %, противительными *да, но* — 62 %, сопоставительными *а* — 22 %, разделительным *ала* — 2 %. Самую большую группу образуют сложносочиненные предложения, части которого связаны противительными союзами *да* и *но*: *Пырыс колым йӧрата, да йолжым нӧрташ лӱдеш* "Кошка рыбу любит, да боится лапки замочить", *Олмапум шынде, но олмажым эн ондак шке кочкаш ит вашке* "Яблоню посади, но сам раньше других не спеши отведать яблоки".

Пословицы и поговорки со структурой **сложноподчиненного предложения** делятся на следующие группы расчлененной структуры: с придаточными места — 4,3 %, времени -0,4 %, сравнения — 1.8 %, сопоставления — 2,2 %, причины — 2,0 %, цели — 0.4 %, уступки -11,7 % и условия — 62,6 % и нерасчлененной структуры местоименно-соотносительного типа — 14,6 %. Распространены пословичные и поговорочные предложения с придаточными реального условия. Значение реального условия выражается союзом *гын* "если", находящимся в придаточной части: *Кайыкше весе гын, мурыжат весе* "Если птица другая, то и песня другая". Как правило, в сложноподчиненных пословичных и поговорочных предложениях придаточная часть находится в препозиции к главной.

Бессоюзные сложные предложения по характеру отношений между частями делятся на группы однородного состава: противопоставления — 35 %, сопоставления — 24 %, соответствия — 7 %, перечисления — 5 % и неоднородного состава: причинно-следственные — 15 %, условно-следственные — 12 %, изъяснительные — 1 %, присоединительные – 1 %. Части бессоюзного сложного предложения, как правило, состоят из двух или трех компонентов и строятся по одной и той же структурной схеме, т. е. они организуются по принципу параллелизма: *Пиал корно кучык, ойго корно кужу* "Счастье коротко, несчастье долго". *Нур шинчан, кожла пылышан* "Лес с ушами, поле с глазами".

Пословицы и поговорки со структурой **сложного предложения усложненного типа** состоят из нескольких предикативных частей, представляющих собой эквиваленты двусоставных или односоставных предложений. Предикативные части соединяются между собой союзной или бессоюзной связью, чаще всего используются подчинение и бессоюзная связь. Самую большую группу образуют четырехкомпонентные конструкции, состоящие из двух частей, каждая из которых включает в себя по две предикативные части, соединенных однотипной связью: *Ушан дене илет гын, ушым налат, ушдымо дене илет гын, шкендынымат йомдарет* "Если с умным живешь, то ума наберешься, если с глупым живешь, то и свой ум потеряешь".

Таким образом, жанровые структурные особенности пословиц и поговорок обусловили распространенность таких структурно-семантических типов предложений, как бессоюзные сложные предложения со значением противопоставления и сопоставления и сложноподчиненные предложения с придаточными условными.

Пословицы и поговорки со структурой сложного предложения, как правило, состоят из двух, тесно связанных в смысловом плане частей. Эти части представляют собой эквиваленты простого двусоставного предложения, структурные схемы которых реализуются двух- или трехчленными синтаксическими конструкциями. В качестве составных частей сложного

предложения нередко выступают обобщенно-личные предложения, что объясняется как грамматическими особенностями данного типа предложений, так и обобщающим характером этих народных изречений, например: *Чарныде ончыко кает гын, мундыркӧ шуат* "Если не останавливаясь будешь идти вперед, то далеко пойдешь".

Пословицам и поговоркам свойственно использование в качестве частей сложного предложения неполных и эллиптических построений, что обусловлено стремлением народных изречений к лаконичности: *Моторлык — кас марте, порылык — умыр мучкылан* "Красота до вечера, доброта на всю жизнь".

Характерной чертой пословиц и поговорок со структурой сложного предложения является их структурная однотипность, т. е. лексико-грамматический параллелизм построения частей.

Для выражения различных значений между частями сложного предложения, а также для усиления эмоциональности и экспрессивности используются такие лексико-грамматические средства, как антонимы и контрастные слова, тематическая лексика и повторы слов, антонимичное употребление отрицательной и утвердительной формы глаголов: *Поро мут — эм, шакше мут — аяр* "Доброе слово — лекарство, злое слово — яд", *Пӱсӧ йылме — подек, кужу йылме — омыта* "Острый язык — подарок, длинный язык — хомут". *Ужшыжо ок шинче, уждымыжо шинча* "Видевший не знает, не видевший знает".

В целом марийские пословицы и поговорки представляют собой лаконичные изречения с совершенной синтаксической структурой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М.,

2. *Васикова Л. П.* Сложносочиненные предложения в современном марийском языке в сопоставлении с другими типами предложений. Автореф. дисс.... докт. филол. наук. Тарту. 1983.

3. *Васикова Л.П.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис. Йошкар-Ола.1990.

4. *Китиков А.Е.* Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола. 1991.

Условные обозначение и сокращения

П – подлежащее, С – сказуемое, Д – дополнение; Об – обстоятельство; Оп – определение, Nl – именное слово (имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение) в именительном падеже или сочетание форм, его заменяющее; Vf – личная форма глагола; Vcop — глагол-связка; Inf - инфинитив, Pred — безлично-предикативное слово; Adv – наречие, Part – причастие, Impet – повелительное наклонение; neg – отрицательная форма; 1s – форма 1 лица единственного числа, 2s - форма 2 лица единственного числа; 3s – форма 2 лица единственного числа, 1pl – форма 1 лица множественного числа; 3pl.– форма 3 лица множественного числа.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Вадим Понарядов
Сыктывкар

К ВОПРОСУ ОБ ИРАНСКОМ ВЛИЯНИИ НА ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ

Существование значительного пласта арийских заимствований в словарном фонде пермских языков с исторической точки зрения вполне закономерно: на протяжении тысячелетий предки пермских народов жили в непосредственной близости с носителями сначала индоиранских или даже общеиндоевропейских, а потом собственно иранских ("скифо-сарматских") диалектов; вероятно, подобные контакты продолжались вплоть до VII в. н.э., когда пермяне оказались отделенными от иранцев переселившимися в Волго-Камский регион тюркоязычными булгарами. В обобщающей работе В.И. Лыткина (1) рассматривается около 75 пермских слов арийского происхождения; примерно 50 из них — иранские заимствованы непосредственно в пермский праязык. С другой стороны, пермские лексические заимствования обнаруживаются в развившемся из каких-то скифо-сарматских диалектов осетинском языке.

Таким образом, на основании данных пермской лексики, дополняемых соображениями экстралингвистического порядка, складывается убедительная картина продолжавшихся длительное время интенсивных пермско-арийских языковых контактов. Следует ожидать, что они привели к интерференции в сфере не только лексики, но также фонетики, морфологии и синтаксиса. Можно ли обнаружить следы арийского влияния на этих уровнях пермской языковой системы?

Поиск таких следов осложнен тем, что нелексические элементы не несут столь ясного отпечатка своего происхождения, как лексика. Кроме того, позднейшие напластования, являющиеся результатом как внутреннего развития языка, так и новых посторонних влияний, могут сделать следы древних интерференционных процессов неразличимыми. Тем не менее, для некоторых явлений фонетики, морфологии и синтаксиса пермских языков иранское происхождение кажется весьма вероятным.

1. Пермские языки выделяются среди других финно-угорских необыкновенным разнообразием типов акцентуации. Удмуртский язык с ударением, фиксированным на последнем слоге, вообще представляет собой случай исключительный среди финно-угорских языков[2] (очевидно, этой своей чертой он обязан тюркскому влиянию). В разных частях коми диалектного континуума представлено целых три акцентуационных типа. В коми-зырянском языке ударение свободное — его можно ставить на любой слог слова, хотя имеется тенденция, особенно характерная для литературного языка, помещать таковое на первый слог. Напротив, в коми-пермяцком языке, где ударение, будучи основоразноместным, связано с определенными морфемами, оно наделено смыслоразличительной функцией, ср. *го́рӧм* 'вспаханный', *горӧ́м* 'пахота' (в коми-зырянском это омонимы). Наконец, в коми-язьвинском место ударения обусловливается качеством гласных: оно падает на первый корневой слог, если в нем стоят гласные *а, о, ӧ* или *э*, а также *и, ӥ, ӱ*, которым в других коми диалектах соответствуют более широкие звуки *э, о, ӧ* (реже *ӥ, ы*), и смещается на последующие слоги, если в первом стоит гласный *ѳ*, а также *и, ӥ, ӱ*, которым в других коми диалектах соответствуют узкие гласные *и, ӥ*. Предполагается, что гласные, не удерживающие на себе ударение, когда-то были редуцированными (4, с. 90-104; 5).

Как показал В.И. Лыткин, коми-пермяцкое основоразноместное ударение развилось из качественно-вокального ударения коми-язьвинского типа, причем последнее до сих пор в значительной мере сохраняется в нижнеиньвенском и особенно оньковском диалектах коми-пермяцкого языка (4). О подобном развитии свидетельствуют также акцентированные памятники древнепермской письменности XIV-XVII вв. (4, с. 102; 5, с. 118; 6, с. 209-211).

В других финно-угорских языках качественно-вокальное ударение не встречается. В то же время оно находит ближайшие параллели в чувашском, который близок к волжско-булгарскому, и осетинском, который продолжает скифо-сарматские диалекты. В древности пермяне контактировали и с булгарами, и с сарматами, так что можно предположить, что пермские языки заимствовали такой тип акцентуации из одного из этих источников. Однако если в чувашском вокально-качественное ударение само по себе нуждается в объяснении, поскольку не обнаруживается в других тюркских языках, то в осетинском оно, очевидно, продолжает древнеиранскую систему, в которой место ударения обусловливалось количественной характеристикой гласных.

---

[2] По мнению В. И. Лыткина, подобный тип акцентуации встречается также в восточномарийском (2, с. 234). На чем основано это утверждение, неизвестно. Согласно другим источникам, в восточном марийском ударение разноместное (3, с. 41).

Кроме того, чувашское ударение отличается от коми-язьвинского тем, что при наличии подходящих условий ("притягивающих" ударение гласных полного образования *и, э* (*е*), *ӳ, а, о, у, ы*) оно падает на *последний* слог (*самана́* 'время', *ҫухрӑмра́* 'на расстоянии версты'), и лишь наличие в нем "отталкивающих" ударение редуцированных *ӑ, ӗ* обусловливает сдвиг ударения к началу слова: *та́лӑк* 'год', *ҫуҫентерӳллӗ* 'приводящий в дрожь', *сӗмӗрт* 'черемуха' (7, с. 46). Осетинская же параллель пермским фактам более точная: здесь, как и в коми-язьвинском, при наличии подходящих условий ("притягивающих" ударение "сильных" (исторически долгих) гласных *а, і, и, е, о*) имеет место ударение на *первом* слоге (*афӕз* 'год', *фізмӕг* 'шашлык'), но оно смещается на второй слог, если в первом "отталкивающие" ударение "слабые" (исторически краткие) гласные *æ, ӳ*: *кӳгро́й* 'мельница', *дӕӕ́* 'два' (8, с. 531).

Таким образом, наиболее вероятным источником заимствования качественно-вокального ударения в пермские языки следует признать скифо-сарматские диалекты.

2. Также для финно-угорских языков, в которых обычно сосуществуют несколько инфинитивов (у каждого из них свой круг значений, обычно не пересекающихся), нетипична такая черта пермских языков, как наличие в них единственного инфинитива с окончанием *-ны, -ыны*, практически не отличающегося по употреблению от инфинитива в русском языке. Конечно, последнее обстоятельство сразу наводит на мысль о том, что это результат именно русского влияния. Однако почему же тогда подобный единственный инфинитив с широким кругом значений не развился в других финно-угорских языках, сильно им затронутых, например в карельском?

Возможно, причина этого в том, что в данном случае русское влияние явилось продолжением предшествовавшего влияния иранских языков, в которых тоже обычно существует один развитый инфинитив. Поддерживает эту версию то, что окончание инфинитива в иранских языках обычно материально близко к пермскому, ср. перс. *-ан*, тадж. *-ан*, курд. *-(ь)н/-(у)ін*, белудж. *-ін* и др., но особенно осет. *-ын* (факт наличия подобного окончания в осетинском весьма примечателен, потому что в прочих восточноиранских языках оно почти не представлено) (9, с. 71-72, 146-147, 187, 243); сходные показатели инфинитивов и глагольных имен имеются также во многих индоарийских и дардских языках, ср. хинди *-на̄*, бенгали, орья *-ан*, непали *-ну*, кашмири *-ун*, *-ун*ʻ и др. (10, с. 26, 41, 45, 66,73).

Таким образом, представляется вероятным, что в пермском праязыке семантическая экспансия отглагольного образования на *-ны*, приведшая к превращению его в настоящий инфинитив, первоначально происходила под иранским или даже праиндоиранским воздействием. Очевидно, к началу пермско-русских контактов пермский инфинитив уже полностью сформировался (характерно, что в памятниках древнекоми письменности нет ника-

ких следов его недоразвитости); воздействие русского языка свелось к семантическому сближению пермского инфинитива с русским.

3. Загадочным вопросом исторической морфологии пермских языков считается утрата в них общефинноугорского показателя множественного числа *-t* (его рефлексы в коми языках вообще отсутствуют, а в удмуртском сомнительны). Фонетических условий для исчезновения данного форманта не было. Почему же он заменился на вторичные показатели множественности типа коми-зырянского *-яс*?

Эту проблему всесторонне рассмотрел Б.А. Серебренников. Он отмечает, что аналогичное фонетически немотивированное исчезновение старых показателей множественного числа и замена их на вторичные наблюдается также в марийском и чувашском языках. То обстоятельство, что это явление имеется только в нескольких языках, расположенных на смежных территориях, привело Серебренникова к следующему мнению: "Утрата древнего окончания множественного числа может быть объяснена влиянием на пермские, марийский и чувашский языки какого-то неизвестного языка субстрата, в котором множественное число, как в современном китайском языке, не имело специального грамматического выражения". Таким образом, в какой-то период в названных языках множественное число формально не отличалось от единственного, следы чего Серебренников находит, с одной стороны, в марийском имени, а с другой — в пермском и чувашском глаголе (11, с. 93-99).

Гипотеза Б.А. Серебренникова о субстратном происхождении рассматриваемого явления очень привлекательна. Однако он не объясняет, что же это был за загадочный язык-субстрат, "в котором множественное число, как в современном китайском языке, не имело специального грамматического выражения". Попытаемся локализовать его во времени и пространстве.

С пространством все ясно: это Волго-Камский регион, где столкнулись носители марийского и чувашского языков; по-видимому, пермские языки первоначально также были распространены только здесь. Несложно определить и период контакта с гипотетическим субстратом. Он должен охватывать время, когда на указанной территории уже появились тюркоязычные предки чувашей, но еще не произошло разделение пермского языка-основы. Время прихода на Волгу булгар, которые считаются предками чувашей, известно: это середина VIII века н.э. В то же время можно предполагать, что какие-то тюркские племена, вошедшие в состав чувашей, жили здесь и ранее, еще со времен начала Великого переселения народов, когда первоначально обитавшие на территории современной Монголии гунны, потерпев поражение в войне с сяньбийцами, переселились в Южное Приуралье. Поэтому за исходную дату принимаем 158 г. н.э., когда гунны достигли Волги и нижнего Дона. Разделение пермского языка-основы обычно

относят к VIII-IX вв. Таким образом, интересующий нас период охватывает II-IX века н.э.

Хотя этнолингвистическая ситуация в Волго-Камском регионе для этого времени в точности не известна, мы можем уверенно утверждать, что изолирующих языков типа китайского здесь не было. Зато это как раз этап исчезновения на рассматриваемой территории иранских диалектов. Разумеется, иранские языки не относятся к числу изолирующих, однако, начиная с последних веков до н.э., в большинстве из них по чисто фонетическим причинам начинает исчезать различие единственного и множественного числа у существительных в именительном падеже. Подобная ситуация до сих пор сохраняется, например, во многих курдских и белуджских диалектах. Таким образом, именно иранские скифо-сарматские диалекты могут претендовать на роль предполагаемого Б.А. Серебренниковым субстрата, обусловившего исчезновение в пермских, марийском и чувашском языках старых числовых показателей.

4. Коми аффиксы *-тӧ* и *-сӧ*, синкретически выражающие аккузатив и соответственно 2-е и 3-е лицо единственного числа обладателя в рамках определенно-притяжательного склонения (*Мыськы **китӧ*** 'Вымой рукитвои'), в определенных случаях ведут себя аномально, присоединяясь к наречиям, существительным и местоимениям в функции подлежащего, послелогам, инфинитиву и даже личным глагольным формам: *Шуасны мӧдамӧдныслы: коді пӧ татшӧм **лӧсьыдасӧ** сьылӧ, вайӧ жӧ корсям* 'Говорят друг другу: кто, дескать, так хорошо поет, давай же поищем'; ***Месӧ** эськӧ бура пӧ ола да, Смерть пӧ тай воис да юасьӧ, кутшӧм удж пӧ индан силы таво кежлӧ* 'Я-то, мол, хорошо живу, а пришла-де Смерть и спрашивает, какую работу определишь ей на этот год'; *Ва паныдтӧ пыжыд ачыс оз кат* 'Против течения лодка сама не поплывет'; *Мый сылы **тэрмасьнысӧ**, сійӧс ва оз кылӧд* 'Что ему спешить, его водой не сносит'; ***Керасьӧнысӧ** война вылын, да чагйыс татчӧдз лэбӧ* 'Рубятся на войне, а щепки летят сюда'. Указывалось на наличие параллелей этому явлению в японском и корейском языках (12).

А.К. Аренде отмечает наличие сходных случаев также в персидском языке. Здесь показателем прямого дополнения служит послелог *rā*: *şaxs-ī marīz şuda **duktur-rā** ihzār namūd* 'некто, заболев, вызвал доктора'. Однако изредка послелог *rā* встречается и в таких явно неаккузативных контекстах, как ***tu-rā** bājad gufi* 'тебе надобно сказать'; *şāh su'ālāt-i gūnāgūn az vaj karda **tamām-rā** çavābhā-ji munāsib şahīd* 'шах задал ему разные вопросы и на все услышал подходящие ответы'; ***şāxs-ī-rā** dar Ingilistān hikājat mīkunand ki baqadr-ī zūdbāvar va xūşbin būd ki...* '***об одном человеке*** в Англии рассказывают, что он был настолько легковерен и оптимист, что...'; ***Hūlāgū xān-rā** cahārdah pisar būdand va hafi duxtar* '***У Хулагу-хана*** было четырнадцать сы-

новей и семь дочерей' (13, с. 55-61). Персидский материал обнаруживает явное сходство с вышеприведенными примерами из коми языка.

Конечно, о непосредственных взаимовлияниях персидского и коми языков говорить не приходится. Однако в связи с полной неизученностью вопроса нельзя исключать возможность наличия рассматриваемого явления также в других иранских языках, в том числе продолжающем скифо-сарматские диалекты осетинском или близких к нему восточноиранских языках. И хотя даже обнаружение в них сходных фактов не может являться решающим доказательством заимствования рассматриваемой конструкции из иранских в пермские языки (типологическая параллель из японского и корейского (12) позволяет допускать и независимое конвергентное развитие), такое заимствование представляется вполне возможным.

Хотя приведенные сопоставления обладают разной степенью вероятности, они позволяют считать иранское (возможно, также праиндо-иранское, арийское) воздействие на формирование грамматических систем пермских языков вполне реальным. Вероятно, следы такого влияния могут обнаруживаться и в некоторых других случаях. В предварительном порядке можно заметить, например, что синтаксис энклитик в пермских языках (особенно коми) обнаруживает сходство с таковым в древних индоевропейских языках, где он, как известно, определяется законом Ваккернагеля и сопутствующими ему закономерностями (см., напр., 14, с. 15).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Лыткин В.И.* Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ, 1975, № 3.

2. *Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

3. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.

4. *Лыткин В.И.* К вопросу о вокализме пермских языков // Труды института языкознания АН СССР, т. I. М., 1952.

5. *Лыткин В.И.* Об ударении в коми-пермяцком языке // Труды института языкознания АН СССР, т. I. М., 1952.

6. *Сидоров А.С.* Новые памятники древнекоми письменности (С комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В. И. Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962.

7. *Андреев И.А.* Чувашский язык // Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки. М.,1966.

8. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор, т. I. М.-Л., 1949.

9. Языки Азии и Африки, т. II. М., 1978.

10. *Зограф Г.А.* Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., 1960.

11. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

12. *Понарядов В.В.* Коми аффиксы *-тӧ, -сӧ* в неаккузативном употреблении // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 1999.

13. *Арендс А.К.* Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.-Л., 1941.

14. *Степанов Ю.С.* Непарадигматические передвижения ударения в индоевропейском (I. Вокруг законов Ваккернагеля и Лескина) // ВЯ, 1997, № 4.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Николай Бутылов
Саранск

К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИЗАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ИНДОИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследователи издавна прослеживают влияние скифов на культуру предков мордвы. Ещё Геродот в V в. до н.э. отмечал, что у некоторых лесных племен Восточной Европы были "скифские обычаи", что они вместе со скифами принимали участие в борьбе против войск персидского царя Дария.

Племена, оставившие городища городецкого типа (мордва), имели некоторые связи с племенами, входившими в состав Скифии, позднее с сарматскими и др. племенами.

В памятниках первой половины первого тысячелетия н.э. имеется значительное число предметов, сходных с сарматами. К ним относятся обнаруженные в древнемордовских могильниках гривны, нагрудные бляхи в виде дисков из листовой меди, стеклянные синие и зеленые бусы, арбалетообразные фибулы, янтарь и т.д. От скифо-сармат и алан древней мордвой были заимствованы и некоторые типы вооружения: наконечники копий с треугольным бородчатым пером, однолезвенные мечи и др. предметы.

Принимая во внимание фонетическое оформление, морфолого-семантические критерии, историческую последовательность многовековых языковых контактов, индоиранские заимствования разграничиваются нами на следующие группы: а) доиранские (доарийские); б) праиндоиранские (праарийские) и в) иранские.

Наличие лексем первых двух групп почти во всех современных финно-угорских языках свидетельствует об их заимствовании в прафинно-угорский период. Заимствования третьей группы функционируют обычно в отдельных финно-угорских языках или в языковых ветвях.

Доиранские (доарийские) заимствования. Следует отметить, что в данной группе отсутствуют специфические арийские фонетические черты

(например, слияние и.е. **e, o, a** в одном звуке **a**; **r** вместо и.е. **l**). Вследствие этого некоторые лингвисты склонны считать данные заимствования праиндоевропейскими. К ним относятся следующие слова: морд. *кал* 'рыба' < санскр. **kel*; морд. *рисьма* 'цепь' < санскр. **rasmi* 'хлыст'; морд. *медь* 'мед' < санскр. **madhu* (сладкий, приятный, нектар, мёд), морд. *мекш/меш* 'пчела' < санскр. **maxši* 'муха'; морд. *узерь* 'топор' < авест. *vazra*; морд. *юв* 'остъ, мякина' < авест. *Yava* 'зерно'; морд. *пурхи/пурсуз* 'свинья' < доар. **porsos*; морд. *уроз* 'сирота' < праар. **orbho* и др.

Праиндоевропейские (праарийские) заимствования. В данной группе заимствований имеются арийские фонетические черты (**a** вместо и.е. **e, o**; **š** вместо и.е. **k**; **r** вместо и.е. **l** и т.д.) К этой группе относятся следующие заимствования: морд. *азор/азоро* 'хозяин' < праар. **asura*, морд. *паваз/паз* 'счастье, бог' < авест. *baga* 'бог'; морд. *сяда/сядо* 'сто' < праар. **sata*; морд. *тарваз* 'серп' < ир. *darghas*; морд. *ажия* 'оглобля' < праар. *aiša*; морд. *вирьгаз* 'волк' < санскр. *vrka*; морд. *сюра/сюро* 'рог' < праар. **sraw/sarw* и др.

Иранские заимствования. В данной группе отражается чисто иранская фонетика (например, **S** вместо праар. **š** < и.е. **k**). К этому пласту относятся следующие заимствования: морд. *ваз* 'теленок' < санскр. *vatsa*, морд. *ожо* 'желтый' < авест. *visa* 'яд, отрава'; морд. *сяваlсея* 'коза'< санскр. *chāga* 'козел'; > морд. *тейтерь/стирь* 'дочь, девушка' < авест. *dugeda*; морд. *ломань* 'человек' < сарм. *aliman* 'чужой; человек', морд. *мирде* 'муж' < авест. *mareta* 'смертный человек' и др.

Индоиранские заимствования по своим лексико-семантическим признакам классифицируются нами следующим образом: 1) человек и общество; 2) природа и животный мир; 3) духовная и материальная культура; 4) трудовая деятельность человека.

Человек и общество. В эту тематическую группу входят слова, обозначающие взаимоотношения людей, анатомические и физиологические понятия, понятия родства и свойства, социальные понятия. Ср. например, *азаргадомс* 'разбушеваться, разъяриться, разболеться'; *азор* 'хозяин, начальник'; *аля* 'дядя, мужчина'; *лем* 'имя', *ломань* 'человек'; *мирде* 'муж'; *сазор* 'сестра', *тейтерь/стирь* 'дочь, девушка'; *уроз* 'сирота'; *сядо* 'сто'; *тёжа* 'тысяча', *паваз* 'счастье', *мукор/мукоро* 'таз, podex'; *сымень* 'корень, род'; *маштомс* 'убивать'; *крда/кирда* 'раз, крат'; *эрдекс* 'клятва, проклятие'; *сан* 'жила'; *паро* 'хорошо'.

Природа и животный мир. Здесь объединены индоиранские заимствования, обозначающие предметы и явления животного и растительного мира, географические понятия, ср. например, *берёк/беряк* 'берег'; *лапужа* 'плоский'; *ленге* 'лыко'; *лём* 'пойма'; *лопа* 'лист'; *мекш* 'пчела'; *нерьгаз* 'барсук'; *вирьгаз* 'волк'; *одар* 'вымя'; *пурхц/пурсуз* 'свинья'; *пурьгине* 'гром'; *репс/рябс* 'репа'; *розь* 'рожь'; *сюва* 'мякина'; *сюра/сюро* 'рог'; *юв*

'ость'; *тырдаз* 'дрозд'; *каньф/канстъ* 'конопля'; *курга* 'рот'; *сява/сея* 'коза'; *чей* 'осока'; *селей* 'вяз'; *верез/виряз* 'ягненок'; *ваз* 'теленок'; *урозу* 'боров'; *сура/суро* 'просо'; *шенж* 'утка'; *кал* 'рыба'; *шире* 'сторона, страна'.

Духовная и материальная культура. В данный раздел входят слова, связанные с обозначениями построек и предметов домашнего обихода, слова, обозначающие одежду и украшения, пищу и напитки; слова, относящиеся к культуре и религии; понятия, связанные с товарно-денежными отношениями, ср., например *батман* '(мера веса'); *медь* 'мед'; *сал* 'соль'; *питне* 'цена'; *пондо* 'пуд'; *понкст* 'штаны'; *рисьме* 'цепь'; *сырне* 'золото'; *сэдь/седь* 'мост'; *уське* 'цепочка, проволока'; *куд/кудо* 'дом'; *паз* 'бог'; *пяле/пель* 'половина'; *ожо* 'желтый'; *арсемс* 'мыслить, думать'; *зарнимарь* 'драгоценный камень'; *шна/кшна* 'ремень'.

Трудовая деятельность человека. Сюда входят слова и термины, связанные с сельским хозяйством, обозначением ремесла и других занятий человека, ср., например: *ажия* 'оглобля'; *виемс* 'отнести'; *кардаз* 'хлев, загородка'; *кши* 'хлеб'; *керяст/керьмаз* 'соты'; *кшни* 'железо'; *сюва* 'мякина'; *ума* 'загон'; *уро* 'шило'; *карамс* 'ковырять, рыть, долбить'; *онкст* 'удила'; *пеель* 'нож'; *петкель* 'пест'; *пуре* 'медовый квас'; *сере* 'медь, латунь'; *тарваз* 'серп'; *узерь/узере* 'топор'; *тинге* 'ток (место для молотьбы)'.

сокращения:

Авест. – **авестийский**; *ир.* – **иранский**; *санскр.* – **санскрит**; *и.е.* - **индоевропейский**; *праар.* – **праарийский**; *морд.* - **мордовский, мордовское**; *доар.* – **доарийский**; *сарм.* - **сарматский, сарматское.**

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Игорь Добродомов
Москва

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАРИЙСКОГО СЛОВА *САВУШ*

Марийское название свадебного чина *савуш* (варианты *с`ӓӱс*, *сагӱс*) 'дружка, шафер, распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом' И.С. Галкин выводит из древнеиранского *сакдуш* 'дружка на свадьбе', несмотря на ареальные и фонетические трудности: "В марийском языке произошло выпадение согласного *d* (*д*), а затем диалектально (*г*) дало (*в*), что привело к форме *савуш*. В некоторых диалектах перехода не произошло, ср. *сагус*, но зато конечный *ш* перешел в *с* (1, с. 93). Но без приведения аналогий эти соображения не могут быть приняты за доказательные.

Между тем есть более реальная возможность объяснить этот марийский свадебный термин из тюркских языков в связи с древнетюркским *čavuš* 'младший офицер, командир, непосредственно руководящий воинами в боевых порядках', как его определил еще в XI веке Махмуд Кашгарский (2, с. 142; 3, s. 101 в; 4, с. 465-466; 5, с. 173) и которое имеет хорошие соответствия во многих старых тюркских памятниках, но особое разветвление семантики оно обнаруживает в турецком *çavuş* '1) *ист.* глашатай, чтец (*приказов, постановлений*); 2) ординарец; 3) сержант, унтер-офицер; *мор.* старшина; 4) старший (*над рабочими*), инспектирующий'.

Тюркское слово *чавуш* проникло во многие языки (6, s. 35-38; 7, p. 7-11, 13):

перс. چاووش чāвуш 'сержант, унтер-офицер (сторож, недель, жезлоносец, булавоносец)' (16, с. 498);

курдск. *çavîş* [*čawiš*] 'слуга, руководитель группы, отряда; сержант, унтер-офицер, фельдфебель';

урду *чāуш* 'трубадур, телохранитель-негр';

арабск. جاووش *джāвīш* (также جاويش *шāвīш*) 'унтер-офицер, сержант';

суахили *shaushi* 'унтер-офицер';

лезг. *чавуш* '1) аульный глашатай, исполнитель поручений начальства аула, 2) сельский сторож полей, садов';

лакск. *чавш* (уст.) 'городовой, полицейский';

груз. *чауши* 'солдат, сержант', арм. *ч'авуш* 'сержант';

венгерск. *csausz* 'гонец, курьер' (устар.);

новогреч. *τσαούσης* (устар.) '1) сержант; 2) грубиян';

молд.-рум. *ceaúş** '1) *чаўш* (название народного танца); 2) *чáус* (сорт винограда); 3) *уст.* курьер; 4) *уст. воен.* капрал; 5) *уст.* старший ямщик';

болг. *чаўш(ин)* устар. 'полицейский; сержант (в турецкой армии)';

макед. *чауш* уст. '1) начальник охраны; 2) телохранитель';

сербск. *чáуш* '1) *тур. уст.* гвардеец, телохранитель'; 2) начальник охраны; 3) старший дружка, первый дружка; 4) *обл.* сельский глашатай';

словацк. *čauš* 'воинское звание в турецкой армии';

польск. *czausz, czaus* 'курьер, слуга султана, сборщик султанских налогов' (8, s. 73);

белорус. *чаушъ* 'турэцкі пасол' (9, с. 27).

украинск. *чáуш* '(человек) турецкий царедворец' и *чáуш* 'правовий служитель, розпорядник у Туреччині' (11, с. 283).

В русском языке слово *чауш* 'судейский служитель в Турции' (с ошибочным ударением) зафиксировал "Словарь современного русского литературного языка" (Т. 17, М.-Л., 1965, с. 791) на основе более ранних фиксаций словарей иностранных слов (12, с. 253, 256; 13, с. 176-177), хотя цитаты из А.Н. Толстого и М.В. Фрунзе не подтверждают толкования.

Но широко распространенные в разных языках не только Европы и Азии, но и Африки продолжатели тюркского *ча(в)уш* не совпадают с марийским *савуш*. Дело в том, что марийское слово фонетически является очень точным башкирским соответствием турецкому *çavuş*, поскольку на башкирской почве тюркский согласный ч регулярно отражается как *с* (14, с. 21, 28-29; 15, с. 56-57). В башкирской лексикографии слово *савуш* не зафиксировано, однако оно сохранилось в марийском языке и как башкиризм не осознается.

Особенно впечатляющим в этих материалах является параллелизм в переходе административного термина *чавуш ~ савуш* в сферу свадебной терминологии в сербскохорватском и марийском языках.

Также есть основания думать, что состав конечного и начального согласных варианта *сагус* в марийском языке тоже может быть связан с другой формой общетюркского слова *чавуш — чавчі* 'возглашатель, ein offentlicher Ausrufer' как ее зафиксировал В.В. Радлов в своем "Опыте словаря тюркских наречий" (Т. III. СПб., 1905, стб. 1936).

---

* Отсюда румынская фамилия *Чаушеску*.

Что касается марийского варианта *сагӱс*, то в нем можно предположить ассимилятивное совпадение конечного согласного *с* с начальным, в чем-то напоминающее диссимилятивное преобразование *чавуш* → *чавус* в некоторых языках, которое отмечено в русском колебании *чауш* - *чаус* в названии сорта винограда (от турецк. çavuş üzümü или çavuşüzümü).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин И.О.* Происхождение и развитие значений некоторых марийских слов // Финно-угроведение, 1996, № 2.
2. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
3. *Räsanen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
4. *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869.
5. Турецко-русский словарь. М., 1977.
6. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Meupersischen. Wiesbaden, 1967, Bd. III, s. 35-38; 1975, Bd. IV, s. 453-454 (№ 1055).
7. *Bazin L.* L'antiguite méconnue du titre turc *čauš* // I-er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications linguistigues. Sofia, 1966.
8. *Brückner A.* Słownik etimologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
9. *Булыка А.М.* Лексічныя запазычанні ў беларускай мове. XIV-XVIII стст. Мінск, 1980.
10. Украинско-русский словарь, т. IV. Киев, 1963.
11. Словник української мови. Т. XI. Київ, 1980.
12. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке XI-XVII вв. Л., 1970.
13. *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI-XVII вв. Кишинев, 1971.
14. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1949.
15. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1989.
16. *Ягелло И.Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Игорь Краснов
Йошкар-Ола

ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

Под англоязычным финно-угроведением (уралистикой) мы понимаем гуманитарные исследования народов финно-угорской языковой общности. опубликованные на английском языке. Наш интерес к этой теме объясняется двумя существенными обстоятельствами. С одной стороны, английский язык сегодня является популярнейшим средством международного научного общения. Работы, опубликованные на этом языке, могут вызвать наиболее сильный резонанс, потому что к ним имеется доступ большинства исследователей. С другой стороны, работы по финно-угроведению, написанные на венгерском, русском, финском и других языках, являющихся государственными в странах проживания финно-угорских народов, значительно выделяются на фоне трудов, написанных по-английски, по глубине исследований и количеству обсуждаемых тем. К подобным результатам не может не привести научная деятельность тех, кто "вырос на местах" и непосредственно владеет информацией. Объединение этих двух моментов в единое целое, а именно, изложение научных проблем не только на родных и русском языке, но и на английском, подняло бы финно-угроведение на более высокую ступень научного развития и привлекло бы внимание к проблемам уральских народов более широкой научной аудитории. Предлагаемая статья — попытка выяснить, на каком уровне развития находится процесс этого объединения, каковы его тенденции. В рамках этого плана мы также кратко передадим содержание трудов английских и американских исследователей последнего времени, обсуждающих различные проблемы уралистики. Перевод упоминаемых в статье названий книг и имен их авторов — неофициальный.

В обзоре англоязычной литературы по финно-угроведению, опубликованной в 1960-х — начале 1990-х годов, мы решили положиться на мнение

профессора социологии и политологии Калифорнийского университета Рейна Таагепера, которое он высказал в своей недавно вышедшей из печати книге "Финно-угорские республики и русское государство" (1). В ней автор оценивает самые значительные англоязычные труды того времени, одновременно раскрывая их научную специфику. Среди важнейших работ по этнографии упоминаются следующие книги: "Финно-угорские народы" Тойво Вуорела (Toivo Vuorela's "The Finno-Ugric Peoples", 1964); "Древние культуры уральских народов" Петера Хайду (Peter Hajdu's "Ancient Cultures of the Uralian Peoples", 1976); по лингвистике — "Уральские языки" Дэниса Синора (Denis Sinor's "The Uralic Languages", 1988); по социологии — "Восточно-финские меньшинства в СССР" Сеппо Лаллукка (Seppo lallukka's "The East Finnic Minorities in the Soviet Union", 1990). Общим недостатком этих работ Р. Таагепера считает то, что все они были написаны на основании информации, подвергнутой предварительно суровой советской цензуре.

Даже такая выигрышная для понимания сущности современного положения уральских народов тема, как их история, недостаточно представлена на английском. "История народов Сибири" Джеймса Форсайта (James Forsyth's "A history of the Peoples of Siberia", 1992) является в этом смысле весьма глубоким трудом, но имеет конкретный региональный уклон. Книга Андреаса Каппелера "Россия как многонациональное государство" (Andreas Kappeler's "Russlands als Vielvoelkerreich") тоже посвящена истории, но в настоящее время только переводится на английский язык. Подчеркивая неплохое состояние дел в исследованиях сибирских народов Р. Таагепера весьма остроумно охарактеризовал современное положение дел в той части англоязычного финно-угроведения, которое посвящено изучению уральских народов, проживающих в Центрально-Европейской части России. Он отметил, что его книга — та, которую он бы хотел прочитать по этой теме, а потому, что никто ещё не написал её, ему пришлось это сделать самому (1). Суть этого высказывания подтверждается на основании регулярного просмотра каталогов крупнейших зарубежных издательств, откуда почерпнута большая часть фактического материала настоящей статьи.

Прямым доказательством недостаточно полного представления на английском языке информации о многих финно-угорских этносах является следующее наблюдение. В конце 1999 года популярнейший англоязычный журнал Международного Географического Общества "Национальная география" посвятил целый номер обсуждению разнообразия человеческих культур. Журнал опубликовал на своих страницах карту расселения малых народов. На ней указаны места, заселённые ненцами, саами, но не указаны места, где живут их более многочисленные родственники марийцы, мордва, удмурты, карелы и т.д. (2). Это тоже позволяет считать, что зарубежные

английские и американские антропологи ещё не полностью открыли для себя богатую и своеобразную культуру многих финно-угорских народов.

Вероятность того, что сведения об этих этносах будут печататься на первых страницах западной прессы, кажется Р. Таагепера сегодня слабой, но то же можно было сказать и о народах бывших прибалтийских республик СССР несколько лет назад. Бурный поток событий изменил ситуацию с ними драматически и в кратчайшие сроки, и нельзя быть уверенным в том, что подобное не случится с их восточными родственниками. Что же касается венгров и финнов, то они долгое время были в более выгодном положении, т. к. правительства Венгрии и Финляндии предоставляли более открытый доступ к "сырой" информации западным исследователям.

Для написания своей книги Таагепера использовал также газетные статьи, донесения информантов и прямые наблюдения. Его целью было описание общего и особого в повседневной современной жизни российских финно-угров и изображение их не в виде сухой и безжизненной статистики, а как нормальных, живых людей.

Свой рассказ автор начинает с характеристики места, которое занимают финно-угорские республики в мировом контексте, даёт краткий исторический обзор развития уральских народов и далее обсуждает современное положение каждой из финно-угорских республик в отдельности (Карелия, Удмуртия, Марий Эл, Мордовия, Коми, Ханты-Мансийский национальный округ). Отдельная глава посвящена Венгрии, Финляндии, Эстонии. Заканчивается книга обсуждением возможного будущего отношений финно-угорских республик и российской демократии.

Ярким свидетельством очевидца является небольшая, но ёмкая по своему содержанию работа профессора Марийского государственного университета К. Санукова "Малые национальности и этнические меньшинства в России: финно-угорские народы" (3). В ней автор с болью описывает современные проблемы уральских народов, живущих в России, делает краткий оригинальный обзор развития их отношений с русским государством, смело вскрывая неприглядные особенности, которые замалчивались советскими историками. Автор детально рассматривает развитие национальных организаций, защищающих права малых народов, и напоминает о том, что подлинный национальный подъем возможен лишь с возрождением национальной интеллигенции.

Обсуждению судьбы бывших республик СССР посвящен сборник статей "Новые государства, новая политика: строительство пост-советских наций" под ред. Я. Бреммера и Р. Тараса. Книга содержит главы, посвящённые Эстонии, Латвии, Литве, республикам Среднего Поволжья (4).

Главы, посвящённые современному (до 1996 года) состоянию балтийских государств, Венгрии и других Восточно-Европейских стран после развала советского правления, содержатся в книге Р. Иста и Д. Понтина "Рево-

люция и перемены в Центральной и Восточной Европе". В книге обсуждается то, как эти страны решают проблемы коммунистического прошлого, как они осуществляют новую политику общения с соседями и внутри себя (5).

Сборник статей "Национальное самосознание и этнические меньшинства в Восточной Европе" под ред. Р. Тараса (6) даёт кросс-национальный анализ групп, их политического влияния на вновь образующиеся демократии и попытки оживить подавленные культуры. Исследуя случаи конкретных крупных народов авторы также рассматривают проблемы "потайных" этнических меньшинств Восточной Европы — финно-угров.

А. Головнёв и Г. Ощеренко в книге "Сибирское спасение: ненцы и их история" (7) рисуют поразительную картину жизни кочевого племени ненцев, сохранивших традиционную культуру. В тундре, на полуострове Ямал, этот народ живет жизнью, согласованной с сезонными миграциями полярных оленей, которых они пасут и за счет которых живут. Десятилетиями при советском правлении чиновники старались изменить образ жизни и уничтожить веру ненцев, организовывая их в колхозы, перераспределяя пастбища, убивая шаманов, разрушая священные места. Ненцы успешно сопротивлялись давлению мощного тоталитарного государства, но сегодня их культура находится на грани уничтожения. Газодобытчики России и западных стран уже давно стремятся к разработкам крупнейших в мире месторождений природного газа, которые находятся в земле Ямала. Обсуждением этой опасности и рекомендацией практических советов по использованию ямальской земли тем, кто собирается осваивать эти места, заканчивают авторы своё взволнованное повествование.

Книга М. Бальцер "Сибирская сага в мировой перспективе" (8) предлагает полное драматизма исследование другого народа финно-угорской группы — хантов (остяков), живущих в Северо-Западной Сибири. В книге описывается его многовековая история, которая автором делится на следующие периоды: колонизация, христианизация, возрождение, советизация и регионализация. Автор, прожившая в Сибири 21 год и организовавшая множество встреч лидеров индейцев и сибирских народов, обсуждает такие их общие ценности, как историческая память, языковая солидарность, верность своей земле, религия, жизнь в согласии с природой. Именно эти явления позволяют им сохранить своё национальное "я" в сложных современных условиях. Книга демонстрирует, как при каждом историческом изменении опыт сибирских народов проливал новый свет на старые споры по поводу колониализма, этничности, национализма.

Примечательны своей фактографической насыщенностью и глубокими обобщениями также такие англоязычные работы о народах русского севера как "Россия и малые народы Севера" Ю. Слёзкина (9) и "Русский Се-

вер: эволюция и современное состояние политики государственного заселения" П. Кауппала (10).

В различные времена различные значения приписывались термину "балтийский". Анализируя данные 30-ти лет исследований в своей книге "Предисловие к прошлому: культурная история балтийских народов" Э. Бойтар (11) представляет читателям самое последнее введение в загадку происхождения и самоопределения балтийских народов. Книга делится на три части: первая обсуждает их историю, основываясь на археологических находках последнего времени; вторая предлагает объективную лингвистическую историю и описание балтийских языков; третья бросает оригинальный и свежий взгляд на мифологию прибалтов.

Уникальное издание "Балтийский Биографический архив" на CD-ROM, составленное А. Фреем (12), содержит Биографии свыше 80.000 человек, чья деятельность повлияла на историю развития Балтийских стран (в том числе Эстонии) в их культурных, лингвистических и социально-исторических связях.

"Самым успешным исследованием Финляндии на английском языке" названа издателями книга Ф. Синглтона "Краткая история Финляндии" (13). Она предлагает читателю вне зависимости от его профессиональных занятий — туристу, студенту, специалисту, деловому человеку — доступное и качественное введение в историю и современность финнов, начиная с их расселения в первом тысячелетии нашей эры и по настоящее время, выявляя ранние связи финнов со Швецией, сложные отношения с Россией, доминировавшей в финской истории в последние 200 лет, послевоенные достижения второй республики вплоть до допуска Финляндии в Европейский Союз в 1995 году.

"Подвиги венгров" Симона Кежского, описанные в 13 веке, заново изданы в серии "Центрально-Европейские средневековые тексты". Это любопытное историческое произведение описывает дописьменную и раннюю историю венгров (14).

Богато иллюстрированная книга А. Рона-Таша "Венгры и Европа в раннем средневековье" (15) содержит множество исторических карт и цветных фотографий, помогающих лучше ознакомиться с историей венгров. В своей работе автор рассматривает ее как часть Евразийской истории и уделяет особое внимание взаимоотношениям венгров с хазарами и булгаро-тюрками. В книге обсуждаются источники и методы сбора информации о древней истории венгров, основываясь на исследованиях лингвистики, археологии, антропологии и естественной истории. Вторая часть работы отслеживает приход венгров в Карпаты и предлагает ответы на вопросы, кто такие венгры, откуда они пришли и как завоевали новую землю. Она воссоздает и исследует раннюю политическую и социальную структуру, экономику, религию венгерского общества и сравнивает средневековые

процессы в венгерском обществе с этногенетическими процессами у германских, славянских и тюркских народов.

Изучению жизни и традиций средневековой венгерской знати посвящена книга Э. Фюгеди "Венгерский рыцарь и его родственники" (16). Исследуя и сравнивая историческую реальность и правовую литературу на примере благородного Элефанти из Северной Венгрии, автор сообщает о законах благородного статуса, права наследия, брака. Он сравнивает эти нормы с документальными историческими свидетельствами и отслеживает несколько поколений семьи Элефанти, что позволяет сделать выводы о наследных правах, причинах взлета и падения предков, брачных стратегиях благородных по происхождению венгров. В заключение автор предлагает направления для дальнейших исследований.

В сборнике статей "Венгерская революция и война за независимость: 1848-1849" под ред. Г. Бона ученые исследуют военную историю венгерской революции (17). В своей монографии "Венгерский Парламент, 1867-1918 годы. Мираж власти" А. Герё (18) описывает историю парламентаризма Венгрии в середине 18 — начале 20 веков, объясняет причины удач и неудач венгерских парламентариев того времени. Исследование реалистично оценивает демократические традиции не только Венгрии, но и всей Центральной Европы.

Книга "Венгрия и страны-победители, 1945-1950" Э. Романа (19) впервые исследует венгерские, до недавнего времени закрытые, архивы коммунистической эпохи, включающие стенографические отчеты заведений политических комитетов, частную корреспонденцию и секретные доклады специальных комиссий. Мастерски используя этот материал, автор рисует портрет послевоенной Венгрии, возникновение в ней бедности и национальных разногласий. Автор не ограничивается описанием внутренней политики страны, но бросает также проникающий взгляд на отношения Венгрии с Югославией и СССР.

В книге Э. Сепа "Запах человека: воспоминания о холокосте в Венгрии" автор без отчаяния и гнева описывает события, составившие позор человечества 20 века (20).

Удивительная работа А. Герё и И. Петё "Незаконченный социализм: фотографии эпохи Я. Кадара" (21) предлагает вниманию читателей фотовзгляд на венгерский социализм времени руководства страной Я. Кадаром (1956-1989), иллюстрирует реальность мира за "железным занавесом". Введение помогает читателю понять и оценить глубокий смысл 450 фотографий — политического, социального и культурного исследования того времени, имеющего важнейшее значение для долгой и сложной венгерской истории.

Из всех бывших социалистических стран Венгрия за рубежом считается уникальной по количеству крупномасштабных исследований, проведен-

ных в этой стране с 1960 по 1994 годы. Книга Г. Хуньяди и Е. Лоранда "Стереотипы после падения коммунизма" (22) предлагает данные последних исследований, в которых содержится информация о том, что венгры сегодня думают о себе, своей истории, своем обществе, других странах и народах.

Сборник статей "Измененное общество: Венгрия во временной перспективе" под ред. Р. Андорка, Т. Колоси, Р. Роуз и Г. Вуковича (23) исследует воздействие геополитических перемен последнего времени на жизнь венгров. Используя многочисленные статистические исследования, авторы очерчивают суть долгосрочных перемен в Венгрии с конца 1940-х по конец 1980-х годов и дают глубокий анализ последствий развала коммунистической системы в 1990-х годах. Они также сравнивают перемены в Венгрии с переменами в других Центрально- и Восточно-Еропейских странах.

Эпическая поэма "Калевала" создавалась в 30-х-40-х годах прошлого века на основе карельского и финского фольклора. Ее создание вызвало процесс зарождения самосознания финнов в 19 веке. Она в конечном итоге явилась также фактором формирования Финляндии как отдельной страны. Исследуя пантеон богов, упомянутых в этом шедевре карело-финского фольклора, Ю. Пентикяйнен в своей новой работе "Мифология Калевалы" (24) делает важные выводы по поводу создания других всемирно известных эпических поэм. Новый труд автора — важный вклад в классическое и сравнительное литературоведение, социальную историю, антропологию и фольклористику.

Вопросы происхождения черемисов, мордвы, меря и мурома освещает Л. Клима. В работе "Языковая общность волжских финно-угров и их этногенез" (25) он использует многочисленные данные лингвистики, археологии и истории для подтверждения своих выводов.

Современным исследователям феномена неоязычества, среди которых имеется немало финно-угроведов, будет важно ознакомиться со следующими любопытными и инновационными исследованиями. Книга "История языческой Европы" П. Джоунса и Н. Пенник (26) рассматривает язычество как важную силу в европейской истории с глубоким влиянием на современное мышление. Работа К. Доудена "Европейское язычество" (27) даёт широкий обзор древнего язычества по всему Европейскому континенту. Автор пытается ответить на старый вопрос, были ли древние язычники кровожадными дикарями или мирными и безобидными пионерами защиты окружающей среды, исследуя языческие ритуалы и культуру. Книга содержит хронологию развития язычества, многие цитаты из древних и современных источников, библиографию и путеводитель для дальнейшего чтения.

Опираясь на многочисленные качественные и количественные исследования англо-американского влияния на западно-европейские языки, ав-

торы сборника статей "Америка и её влияние на язык и культуру постсоциалистических стран" под ред. Х. Финка и Л. Фиджас (28) оценивают это влияние на восточно-европейские языки. Статья М. Уибо посвящена влиянию американской культуры в Эстонии.

Монументальным лингвистическим трудом можно назвать энциклопедию "Атлас языков мира" под редакцией К. Мосли и Р.Э. Эшера (29). Это уникальное издание описывает расположение каждого из существующих ныне языков, которых насчитывается свыше 4000, а также исчезающих. Издание содержит 135 полноцветных карт. В серии "Описание языковых семей" выпущена книга "Уральские языки" под редакцией Д. Абондоло (30), в которой даётся описание структуры, истории и развития 18 уральских языков. Специалистам по языкам малых народов будет важно ознакомиться также с такими работами по лингвистике, как "Кембриджская энциклопедия языка" под ред. Д. Кристала (31), "Один человек, два языка: междисциплинарные исследования двуязычия" под ред. Л. Милроя и П. Мискена (32), "Взлёт и падение языков" Р. Диксон (33), "Понимая языковые перемены" А. Макмахон (34), сборник статей "Языки в опасности" под ред. Л. Гренобль и Л. Уэлей (35). Наблюдения и выводы авторов этих исследований могут оказать большую помощь в понимании процессов, происходящих в финно-угорских языках.

Приведённые выше примеры позволяют утверждать, что англоязычное финно-угроведение существует и развивается. Лучше всего в этом отношении дело обстоит с изучением уральских народов, населяющих российский Север, Венгрию и Финляндию. До недавнего времени гуманитарные исследования эстонцев были недостаточно полно представлены по-английски. Новое обретение Эстонией независимости явилось ключевым событием в деле привлечения внимания мировой научной общественности к проблемам этого народа, и в последнее время ситуация с ним существенно улучшилась. Информация о финно-уграх, проживающих в Центральной и Восточно-Европейской части России, только сейчас, в конце 20-го века, начинает появляться и анализироваться на страницах трудов западных учёных. Лингвистические исследования, в основном, группируются вокруг документации финно-угорских языков, что вызвано реальной угрозой их исчезновения. У англоязычных исследователей малых народов имеется также доступ к трудам по мифологии, религии, археологии, истории, социологии финно-угров, но количество этих работ невелико.

Мы считаем, что темпы развития англоязычного финно-угроведения еще далеки от желаемых, но несомненно, что современная атмосфера повышенного интереса к судьбам малых народов мира, подкрепляемая возможностью всеобщего открытого доступа к их культурам, способствует дальнейшему развитию и популяризации финно-угроведения в мире.

ИСТОЧНИКИИЛИТЕРАТУРА

1. *Taagepera R.* The Finno-Ugric Republics and the Russian State. UK: Routledge. 1999.

2. *Davis W.* Vanishing Cultures // National Geographic. August. 1999.

3. *Sanukov X.* Small Nationalities and Ethnic Minorities in Russia: the Case of the Finno-Ugrian Peoples // Time, Place and Action: Quincentennial Perspectives on Russia, East and Central Europe. UK: University of Aberdeen, 1996.

4. New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations. 2-nd ed. /Ed.: Bremmer I, Taras R. USA: CUP. 1996.

5. *East R., Pontin J.* Revolution and Change in Central and Eastern Europe. Cassell Academic. 1997.

6. National Identities and Ethnic Minorities in Eastern Europe /Ed.: *Taras R.* USA: Macmillan. 1998.

7. *Golovnev A., Osherenko G.* Siberian Survival: The Nenets and Their Story. USA: Cornell Univ. Press. 1999.

8. *Balzer M.* The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. USA: Princeton Univ. Press. 1999.

9. *Slezkine Y.* Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. USA: Cornell Univ. Press. 1999.

10. *Kauppala P.* The Russian Nort: The Rise, Evoluzion, and Current Condition of State Settlement Policy. Helsinki. 1998.

11. *Bojtar E.* Foreword to the Past. A Cultural History of the Baltic People. Hungary: CEU Press. 1999.

12. Baltic Biographical Archive. CD-ROM ed. /Comp.: *Frey A.* BRD: *K.G. Saur Verlag.* 1998.

13. *Singleton F.* A Short History of Finland. 2-nd ed. USA: CUP. 1998.

14. *Simon of Keza.* Gesta Hungarorum (The Deeds of the Hungarians). Hungary: CEU Press. 1999.

15. *Rona-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Hungary: CEU Press. 1999.

16. *Fuegedi E.* The Elefanthy. The Hungarian Nobleman and his Kindred /Ed.: Karbic D. Hungary: CEU Press. 1998.

17. The Hungarian Revolution and War for Independence: 1848-1849. A Military history /Ed.: *Bona G.* USA.: Columbia Univ. Press. 1997.

18. *Geroe A.* The Hungarian Parliament, 1867-1917: A Mirage of Power. USA: Columbia Univer. Press. 1997.

19. *Roman E.* Hungary and the Victor Powers, 1945-1950. USA: Macmillan Press. 1996.

20. *Szep E.* The Smell of Humans, A Memory of the Holocaust in Hungary. Hungary: CEU Press. 1994.

21. *Geroe A., Petoe I.* Unfinished Socialism. Pictures from the Kadar Era. Hungary: CEU Press. 1999.

22. *Hunyady G., Lorand E.* Stereotypes During the Decline and Fall of Communism. UK: Routledge. 1998.

23. A Society Transformed: Hungary in Time-Space Perspective /Ed.: *Andorka R.* et al. Hungary: CEU Press. 1999.

24. *Pentikaeinen J.* Kalevala Mythology. USA. Indiana Univ. Press. 1999.

25. *Klima L.* The Linguistic Affinity of the Volgaic Finno-Ugrians and Their Ethnogenesis (Early 4th Millenium B.C. Last ist Millenium A.D.). Oulu: Societas Historiae Fenno-Ugricae.

26. *Jones P., Pennick N.* A History of Pagan Europe. UK: Routledge. 1997.

27. *Dowden K.* European Paganism. UK: Routledge. 1999.

28. America and Her Influence upon the Language and Culture of Post-Socialist Countries /Ed.: *Fink H., Fijas L.* Frankfurt/M.: Peter Lang. 1998.

29. Atlas of the World's Languages /Ed.: *Mosley Ch., Asher R.E.* UK: Routledge. 1993.
30. Uralic Languages /Ed.: *Abondolo D.* UK: Routledge. 1997.
31. The Cambridge Encyclopedia of Language. 2-nd ed. /Ed.: *Crystal D.* USA: CUP. 1997.
32. One Speaker, Two Languages. Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching /Ed.: Milroy L., Muysken P. USA: CUP. 1995.
33. *Dixon R.* The Rise and Fall of Languages. USA: CUP. 1998.
34. *Mc. Mahon A.* Understanding Language Change. USA: CUP. 1994.
35. Endangered Languages. Current Issues and Future Problems /Ed.: *Grenoble L.A., Whaley L.J.* USA: CUP. 1997.

Сокращения

CUP — Cambridge University Press; CEU Press — Central European University Press.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Василий Демин
Саранск

ТОЧКИ СБЛИЖЕНИЯ

В 1992 году на филологическом факультете Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, возглавляемого доктором филологических наук, профессором М.В. Мосиным, было открыто финно-угорское отделение с ежегодным приемом студентов из числа эрзянской и мокшанской молодежи в количестве 15 человек. Необходимость подготовки специалистов, знающих родную филологию и владеющих одним из родственных языков, а также английским или немецким, была вызвана потребностями развития финно-угристики в республике, задачами расширения возможностей национальной школы в аспекте усиления внимания общества национальным проблемам и судьбам конкретной нации.

Это предопределило дальнейшее укрепление учебно-методических научных связей с вузами и научно-исследовательскими центрами финно-угорских республик России, а также Венгрии, Финляндии, Эстонии. Тесные узы сотрудничества сложились у коллектива факультета с Хельсинкским, Туркуским университетами Финляндии, Будапештским, Сегедским, Дебреценским университетами Венгрии, Тартуским и Таллиннским университетами Эстонии, университетами и научно-исследовательскими институтами Йошкар-Олы, Ижевска, Сыктывкара. Это способствует не только повышению эффективности и качества подготовки преподавателей финно-угроведов, но и несет консолидирующее начало, что сегодня, в условиях стремления народов, тем более близкородственных, к взаимному сближению, крайне важно и необходимо.

С открытием финно-угорского отделения заметно изменилось содержание научно-исследовательских поисков профессорско-преподавательского состава факультета. Сегодня основными направлениями деятельности его научно-педагогических школ являются разработка актуальных проблем истории и теории финно-волжских языков и литератур. Результаты

исследований представляют собой заметный вклад в современную финно-угристику, что подтверждается положительными откликами в местной региональной и центральной периодике России, а также зарубежья.

Большинство научных поисков ведется в рамках Международной программы «Поддержка финно-угорских народов» (Общество М.А. Кастрена, Финляндия). За участие в данной программе научные школы финно-угроведов факультета за последние несколько лет получили финансовую поддержку в объеме 400 тыс. рублей на зарубежные стажировки, научные командировки, издание научной и учебно-методической литературы.

Значительную область научной деятельности мордовских ученых составляет подготовка и издание разговорников и словарей. Они вызывают широкий интерес у эрзян и мокшан, свидетельствуя об их стремлении к более тесной интеграции с мировым сообществом и финно-угорским миром. Высокую оценку и признание получила эта работа и со стороны руководства республик. Наглядным подтверждением этого явилось присуждение коллективу ученых факультета Государственной премии Республики Мордовия за 1999 год: так оценена его работа по подготовке и выпуску мокшанско-русского и эрзянско-русского словарей.

Особый интерес вызывают словари и разговорники, выпускаемые в соавторстве с коллегами из Туркуского университета Финляндии. В этом учебном заведении в начале 90-х годов по инициативе профессора Алхо Алхониеми было организовано издание двуязычных словарей финно-волжской группы языков. Это быстро принесло ощутимые результаты. Первой ласточкой на этом пути явилось издание в 1992 году «Марийско-финского словаря», подготовленного исследователем Туркуского университета Арто Мойсио. Через три года он же совместно с учеными Республики Марий Эл Иваном Галкиным и Валентином Васильевым выпустил «Финско-марийский словарь». В это же время активная работа шла над мордовско-финскими и финско-мордовскими изданиями. И вот сначала в Турку (1995), а затем в Саранске (1996) вышел в свет первый в истории «Эрзянско-финский словарь», подготовленный профессором Мордовского госуниверситета Михаилом Мосиным и сотрудником Туркуского университета Яной Ниеми. В 1998 году успехом увенчался труд и над первым «Мокшанско-финским словарем». Его авторы - профессор Мордовского госуниверситета Александр Феоктистов и сотрудница Туркуского университета Эва Херрала. Кроме того, в промежутке между этими изданиями выпущены «Финско-эрзянский разговорник», составленный Туулой Невала и Михаилом Мосиным, и перевод книги об истории финнов «Финляндия вчера и сегодня», осуществленный на мокшанском языке Александром Феоктистовым и Валентиной Маркиной, на эрзянском — Михаилом Мосиным и Ниной Агафоновой. Оба перевода изданы в Мордовском книжном изда-

тельстве благодаря финансовой помощи Министерства просвещения образования Финляндии.

Новым свидетельством активизации научно-методического сотрудничества ученых-финно-угроведов Мордовии и Финляндии явилось недавнее издание словаря «Финнэнь - эрзянь валкс» («Suomalais-ersäläinen sanakirja»), подготовленного авторским коллективом в составе профессоров Алхо Алхониеми, Михаила Мосина и доцента Нины Агафоновой. В его основу положен переставленный с помощью компьютера материал «Эрзянско-финского словаря» 1995 и 1996 гг. изданий. Однако авторы не ограничились этим. Они «нарастили» новый словарь вширь и вглубь, включив в него порядка 17000 слов.

Список слов на финском языке составлен Алхо Алхониеми, работа над словарными статьями от a до l проведена Н. Агафоновой, от m до ö — М. Мосиным. Эта работа шла как в Турку, так и в Саранске в течение нескольких лет с перерывами. И в первую очередь именно этим объясняется некоторая несоразмерность разделов словаря.

Одна из самых сложных задач, которая стояла перед составителями словаря, - сделать его эрзянскую часть истинно эрзянской. Не секрет, что сегодня большинство эрзян и мокшан говорит на таком русско-мордовском словесно-стилистическом "винегрете", который полностью дискриминирует красоту и богатство языка древнего народа. В одних случаях авторы издания ввели в его структуру новые слова и словосочетания, в других - расширили смысл и содержание имеющихся лексем. Время покажет эффективность данного шага. Конечно, трудно надеяться на то, что все новообразования сумеют утвердиться в эрзянском литературном языке. Что-то останется, что-то не воспримет и, как чужеродное тело, отторгнет сам язык. Это естественный процесс, который, в свою очередь, несомненно даст новый импульс развитию "финно-угорского санскрита", как определил в свое время эрзянский язык член-корреспондент АН СССР Д.В. Бубрих. Иначе говоря, практическая ценность словаря не ограничивается рамками сегодняшнего дня; во всей красе представляя многоцветие лексических красок современного эрзянского языка, он во многом предопределяет также завтрашний день нации, ибо, как известно, народ как этнос сохранится до тех пор, пока во всей своей первозданной чистоте и предназначенности будет жить и функционировать его язык.

Для того, чтобы лучше представить смысл и движение той или иной лексемы, в переводах и примерах указан первоначальный смысл финского слова. При написании эрзянских слов использована утвержденная в 1993 году новая орфография, основанная, в частности, на корреляции согласных звуков в сложных словах, например: *калгундыця* 'рыболов' (*кал* 'рыба' + *кундыця* 'ловящий'), а также многочисленный ряд этих образований.

Словарь открывается предисловием на финском и эрзянском языках, далее идут указатель сокращений и финский алфавит. В конце авторы знакомят читателей с типами склонений имени существительного и глагола, особенностями изменений согласных в финском языке.

По мнению авторов словаря, "Эта работа - труд многих людей. Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность за помощь в подготовке и издании словаря коллегам и студентам Мордовского и Туркуского университетов, Фонду имени Ниило Хеландера, Академии наук и Министерства образования Финляндии, исследователю Тренду Тростерюду, магистру Джеку Рютеру и многим другим. Иначе вряд ли бы наши усилия увенчались успехом".

Скоро Мордовское книжное издательство выпустит «Финско-эрзянский словарь» А. Алхониеми, М. Мосина и Н. Агафоновой массовым тиражом.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Рец.: AGO KÜNNAP. Breakthrough in present-day uralistics. Tartu, 1998.

Широко известный специалист по уральским языкам доктор филологических наук профессор, заведующий кафедрой уральских языков Тартуского университета Аго Кюннап обрадовал нас новой своей книгой, оригинально решающей ряд самых сложных проблем уралистики, правда, не всегда очень уверенно, иногда в виде гипотез.

Обобщив все имеющиеся гипотезы, утвердившиеся и вновь появившиеся мнения, профессор пытается разобраться и ответить на вопросы: где была прародина уральских народов? Был ли единый уральский праязык?

Чтобы ответить на эти основные вопросы, Аго Кюннап обращается к результатам поисков различных наук: археологии, этнографии, фольклористики, палеонтологии, лингвистической палеонтологии, мифологии и современной лингвистики. Кроме того, в качестве иллюстраций он приводит данные из множества языковых семей, как то: тунгусо-манчжурские, юкагирские, тюркские, монгольские, индоевропейские и т.д.

Первая глава книги посвящена уральской языковой семье. Здесь автор дает краткий обзор этой семьи, ее классификацию и оценку мнениям его предшественников. Так он в делении уральской семьи языков употребляет новые термины: суб-семья, суб-ветвь. По его мнению, уральская семья языков делится на две суб-семьи: финно-угорскую и самодийскую, а они в свою очередь разделяются на ветви и суб-ветви. Если к финской (прибалтийско-финской) ветви многие лингвисты, особенно финские, относят и саамский язык, то А. Кюннап выделяет особую саамскую ветвь, в которой, как он пишет, можно выделить 6-8 самостоятельных языков (с. 11).

До сих пор существующее мнение об урало-юкагирской языковой семье автор считает ошибочным (с. 11). Далее автор приводит статистические сведения о владении родным языком по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 годов и делает вывод: «Из этой таблицы видно, что количество людей этих народов, говорящих на своём родном языке, быстро уменьшалось. ...Уральские языки на территории России находятся под угрозой вымирания, т.к. дети и молодые люди почти не знают свой родной

язык (в таблице приводились данные по старшему и среднему поколениям), они в основном обучаются только на русском языке и растут в преобладающем русском окружении» (с. 13-14). Это же он подтверждает исследованием С. Лаллукки. Так, «согласно графику у марийцев, коми-зырян, удмуртов и карел уровень знаний родного языка среди самых молодых (0-9 лет) в 1970-м году намного ниже, чем среди сходного поколения в 1959» (с. 15).

Интересен раздел под названием: «Самая свежая информация по уральским языкам». Здесь А. Кюннап приводит приблизительные данные и выводы Михаила Краусса, приведенные в книге «Northern Minority Languages. Problems of Survival («Северные языки. Проблема выживания» (Shoji, Janhunen 1997). «Краусс приходит к следующему выводу, что некоторые из уральских языков вымерли в последние два века: юраки — в 19 в., камасинский — в 1989 г., маторский — в 1840 г., южномансийский — к 1950 году, а южнохантыйский и, возможно, восточномансийский скоро выйдут из употребления. Некоторые языки исчезнут в следующие 10 лет: южнохантыйский, восточномансийский, если уже не исчезли: терскосаамский и аккала-бабинскосаамский» (с. 18).

Автор специальную главу посвятил генеалогическому древу уральской языковой семьи. Он приводит три древа: традиционное, Тийт-Рейн Виитсо и Р.Таагеперы. Последнее древо он считает наиболее правдоподобным.

Он полностью согласен с Сеппо Сухоненом, который пишет: «В любом случае следует уяснить, что 6000 лет назад не было Эдемского сада, было много языков, которые контактировали между собой. Идея же общего протоуральского языка логически неоправдана» (с. 26).

Целая глава книги посвящена взглядам ученых на проблему происхождения уральской семьи языков в 1970-1998 годах. Из всех взглядов автор наиболее приемлет мнения Яноша Пустаи и Калеви Вийк, что «протоуральский не был одним языком, а был группой языков (Sprachbund)» (с. 34). Здесь Аго Кюннап солидаризируется с контактной теорией профессора Д.В. Бубриха. Опираясь на теорию возникновения человека в Африке он выдвинул гипотезу о том, что уже при переселении из Африки люди говорили на разных языках, только происходил процесс вытеснения одного языка другим с их территории распространения. Так формировались для новых языков новые прародины и протоязыки. Процесс этот, как считает А. Кюннап, все еще продолжается (с. 37).

Далее в главе, посвященной генетическому и археологическому обоснованию происхождения уральских языков, он считает, что современное человечество генетически очень взаимосвязано. Родственность настолько очевидна, что, по мнению генетиков, все человечество произошло от одной праматери (африканской или черной Евы) и нескольких праотцов (с. 40).

Далее он приводит мнения различных ученых: М. Ричардса, Р. Виллемса, А. Торрони, Д. Веста, К. Юлку.

Специальную главу А.Кюннап посвятил континентальному похолоданию и вулканической активности(с. 49-55).

Особый интерес представляет глава под названием «Последние три наиболее важных события в уралистике» (с. 56-65). Первым таким событием он считает международный симпозиум, проходивший с 29 мая по 1 июня 1997 года в г. Тарту на тему: «Корни северных европейцев». В работе симпозиума участвовало только 23 человека из 7 стран. Была представлена 21 работа по разным направлениям: археология, антропология, генетика, лингвистика и др.

На симпозиуме традиционная теория о том, что предки прибалтийцев на территорию Финляндии и Прибалтики пришли только с появлением гончарного искусства, подверглась критике со стороны приверженцев теории о том, что люди, говорившие на финно-угорском (или протоуральском) языке, первыми шли вслед за отступающим ледником по этим землям. А. Кюннап полностью солидарен с этим (с. 56).

Ко второму важному событию А. Кюннап относит симпозиум на тему: «Корни финнов», состоявшийся 8-10 октября 1997 года в г. Хельсинки, в работе которого приняло участие 100 человек со всей Финляндии — это лингвисты, фольклористы, археологи, историки, генетики, гинекологи и геологи. Симпозиум проводился четырьмя разделами — это: до обеда — «Уральская прародина и прафинские древние времена», после обеда — «Прошлое саамов», на второй день — «Прафинны и индоевропейцы» и на третий день — «Финны как жители Финляндии». Как отмечает А. Кюннап, на симпозиуме не было единогласия и приводит слова журналиста Рауно Веллинга, который в частной беседе с ним сказал: «Сейчас мы лучше понимаем, что не можем что-либо достоверно сказать о своем происхождении» (с. 59).

Третьим важным событием А.Кюннап считает подготовку сборника статей «Jtämerensuomi — eurooppalainen maa» (Прибалтийская Финляндия — европейская страна), которая должна была быть опубликована в Англии в 1998 году.

Сколько статей включено в сборник, автор книги не пишет. Он останавливается на нескольких статьях. О статье Я. Пустаи «Цепочная модель происхождения уральских народов» А. Кюннап говорит, что Пустаи повторяет основные моменты своей прежней книги. Археолог М. Нунез в статье «Пересмотр модели заселения Финляндии» дает новые модели — это:

1. Народы, живущие на краю Восточно-европейской и Русской равнин, во время ледникового периода были изолированы друг от друга.

2. После того, как потеплел климат и растаял ледник, облегчив заселение Европы, западно-восточного барьера практически не стало, что сделало

возможным к 1350 годам до н.э. генам и культуре проникнуть из России в Англию.

3. В то же приблизительно время на Восточно-европейской равнине некоторые группы народов отделились от других, переселившись либо к Северному морю, либо к восточному побережью Скандинавии, основавшись на востоке норвежского побережья. Отсюда они постепенно по мере таяния льдов продвигались на север, достигнув самого севера Норвегии к 9 веку до н.э.

4. Народы, населявшие край Русской равнины, постепенно заселяли освободившиеся ото льда территории. Некоторые из них к 8 веку до н. э. ушли в южную половину Финляндии, к 7500 годам до н.э. достигли самого ее севера.

5. Группы, которые первыми отделились от восточных групп и достигли северного побережья Норвегии приблизительно к 9 веку до н.э., оставались в изоляции до того, как появилась Финляндия и стали возможны контакты с другими народами. Неясно, ушли ли они с норвежского побережья вглубь страны, но в любом случае они должны были контактировать с переселенцами с юга. Наиболее простая и поэтому наиболее приемлема мысль, что некоторые народы в мезолите, переселившиеся в Финляндию около 10 000 лет назад, были предками финнов и саамов и говорили на языках/диалектах, предшествовавших современным (с. 63-64).

В статье антрополога М. Нисканен «Происхождение прибалтийско-финских народов с точки зрения антропологии» утверждается, что если согласно традиционной модели языкового древа, прибалтийско-финские народы имеют западное происхождение и черты западной расы, то с точки зрения современных взглядов, известной под теорией продолжительности, их предки произошли от переселенцев с юга и жили они около Балтийского моря более 10 000 лет. Нисканен пишет: «Разница между размерами черепов финнов и бурятов Байкальской области большая, как и у других европейцев и бурятов. В этом плане финны ближе к шведам и русским. Саамы же, с этой точки зрения, европейцы. Они формируют свою собственную группу, отличную от финнов.

Генетическая разница показывает, что прибалтийско-финские народы (финны и эстонцы) ближе скорее к шведам, нежели к волжско-финским (марийскому) и пермским (коми) лингвистически родственным народам. Это открытие подтверждает мысль, что прибалтийские финны долгое время жили около Балтийского моря (с. 64).

Следующие главы рассматриваемой книги посвящены анализу общих и отличительных моментов уральских и неуральских языков. Здесь он подробно анализирует аккузатив на -м и пытается доказать, что в праязыке такого аккузатива не было. С этим вряд ли можно согласиться, если исходить из теории определенности и неопределенности. Говоря о прошедшем вре-

мени с показателем *s', он исключает возможность использования уральскими языками такового как обычный парадигматический компонент глагольного спряжения (с. 73). И здесь, нам кажется, автор слишком категоричен. Большое сомнение высказывает А. Кюннап о существовании общеуральского показателя настоящего времени *-k. Мне кажется, автор зря соглашается с Кангасмаа-Минн, что марийское отрицание **ок** и **уке** одного происхождения с татарским **юк** "нет". Это совершенно этимологически разные элементы. Об этом я писал и раньше, ср. монг. **угей** "нет" и мар. **уке** "нет", удм. **уг мыны** "не идет" и мар. **ок мий** "не придет".

Что касается показателя двойственного числа, то вполне возможно, что их было два: ***-k, *-n** в разных уральских языках.

Весьма подробно автор останавливается на общих явлениях в самодийских языках и финско-саамском языке. Их приводит он 12 и считает, что их больше, а это дает ему повод делать обоснованным разговор о первых контактах самодийских языков с финскими саамами или о третьем уральском языке, исчезнувшем к настоящему времени, который мог оказать влияние на обе группы языков, упомянутые выше (с. 93).

В главе, посвященной проблеме уральского субстрата в северных индоевропейских языках, А. Кюннап рассматривает все возможные причины их появления и пытается на чем-либо остановиться, но вопрос оставляет открытым (с. 103), однако приводит целый список сходных моментов в уральских и северных индоевропейских языках, а также в уральских и славянских языках, что, естественно, нельзя считать случайным явлением. Но связано ли оно с первоначальным заселением этой территории уральцами, а затем индоевропейцами, сказать весьма трудно. По-видимому, здесь нужен еще дополнительный анализ.

В заключении А. Кюннап высказывает достаточно интересные свои основные соображения. Они заключаются в следующем: «Не было узкой уральской прародины с уральским праязыком, прарасой, пракультурой, прарелигией и т.д. на западе волжского и юге уральского регионов. Была обширная территория заселения населением в доледниковый период северной Европы с Атлантики до Уральских гор. Это население представляло первую волну миграции **homo sapiens sapiens** в Европу. Оно могло говорить либо на относительно общих уральских языках, либо на совершенно разных языках. Между группами этого населения были языковые и иные контакты.

Если это были абсолютно разные языки, то они объединялись в один языковой союз и через переходный **lingua-franca** смешивались до определенного уровня, но каждый при этом сейчас сохранил некоторые черты своего изначального языка.

Если изначально были только относительно единые уральские языки, то они тоже сохранили некоторые свои старые черты.

При реконструкции прауральского языка традиционная уральская лингвистика могла реконструировать только переходный lingua-franca.

Реконструировать прауральский язык пытаются на данных современных языков. Но здесь делается ужасная ошибка. Уралисты забывают, что реконструируемый прауральский язык только методологический, а не реальный. Они видят в прауральском языке фетиш и верят в лингвистическое доказательство его существования. Исходя из этих псевдодоказательств, они начинают обратную реконструкцию черт и деталей реально существующих современных уральских языков.

Масштабной миграции народов, говорящих на индоевропейских языках, не было. Была единственная, так называемая, колонизация территорий носителей уральских языков индоевропейскими народами.

Северные индоевропейские языки — германские, балтийские, славянские — могут быть результатом перенятия уральскими или какими-нибудь другими народами, говорившими на северных индоевропейских языках, индоевропейского языка. Новые носители индоевропейского языка плохо говорили на нем, с многими фонетическими, морфологическими, синтаксическими ошибками. Мы можем видеть эти ошибки в северных германских, балтийских, славянских языках и сегодня. Они напоминают нам уральскую фонетику, морфологию и синтаксис.

Есть много общих черт между уральскими и неуральскими сибирскими языками. Они встречаются в основном между сибирскими уральскими языками и обско-угорскими и самодийскими и так называемыми палеосибирскими и алтайскими языками.

Часть этих черт могла взять свое начало в Африке десятки тысяч лет тому назад и перейти параллельно в Европу и Азию, часть других черт — результат контактов уральских и неуральских языков Сибири. Но нет причины считать, что все черты, например, самодийских языков существовали когда-то и в восточных финно-угорских языках или в прауральском языке. Мы должны тщательно сравнить данные по сибирским уральским и неуральским языкам, каждую деталь».

С автором книги в целом вполне можно согласиться. Однако, мне кажется, за неимением древнейших письменных источников уралисты/ финно-угроведы вынуждены опираться на данные современных языков и диалектов, без них и нечего заниматься восстановлением истории языков. А так называемый фетиш — предполагаемый праязык хоть и искусственен, но и он нужен для точки опоры.

Поставленные А. Кюннапом вопросы требуют для своего решения гигантского труда многих ученых, а некоторые вряд ли решимы вообще. Однако терять надежду нельзя. Хочется лишь пожелать А. Кюннапу дальнейшего плодотворного труда.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Рец.: Коми язык. Энциклопедия /Отв. ред. Г.В. Федюнева. М.: Изд-во ДиК, 1998. 608 с.

О языке небольшого по численности народа коми, рассеянного на бескрайних просторах Севера, написано немало. В наше время имеются многочисленные исследования в области коми языкознания: монографии, учебные пособия, учебники, статьи. Результатом работы коми лексикографов стал ряд словарей, охватывающий и рассматривающий разные аспекты лексики коми языка. Попыткой представить богатейшую информацию, накопленную не одним поколением учёных-лингвистов, стала выпущенная в 1998 году московским издательством "ДиК" книга "Коми язык. Энциклопедия". Уникальное издание, ставшее результатом многолетнего труда, подготовлено авторским коллективом ведущих учёных-лингвистов и сотрудников отдела языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Российской Академии наук Е.А. Айбабиной, Л.М. Безносиковой, Н.К. Забоевой, И.Н. Костроминой, Г.А. Некрасовой, Э.Н. Поповой, А.Н. Ракиным, Г.В. Федюнёвой, Е.А. Цыпановым, преподавателями Сыктывкарского госуниверситета - А.Н. Кармановой и В.М. Лудыковой, преподавателем Коми пединститута - Г.И. Тираспольским, а также видными учёными, коми языковедами, но, к большому сожалению, уже ушедшими из жизни, - Г. Г. Бараксановым, А.И. Туркиным и В.А. Ляшевым.

Структуру энциклопедии составляют расположенные в алфавитном порядке словарные статьи, объектом рассмотрения которых стали самые разные аспекты теории и практики коми языка, истории развития коми языкознания, формирования письменности и норм коми литературного языка. Энциклопедия содержит и объясняет более 500 терминов всех лингвистических единиц и персоналий об отечественных и зарубежных языковедах, благодаря которым коми язык достиг высокого уровня своего развития.

В книге "Коми язык. Энциклопедия" представлены основные теоретические положения о внутренней структуре коми языка, затрагивающие область фонетики, лексикологии, лексикографии, диалектологии, грамматики. Здесь в полном и вместе с тем обзорном виде описан понятийный ап-

парат в изучении основ теории современного коми языка, что составляет основу, костяк энциклопедии: "Артикуляция", "Звуки речи", "Фонемный состав коми языка", "Лексическое значение слова", "Однозначность", "Полисемия", "Семантика", "Лексикография", "Словарный состав коми языка", "Чередования фонетические междиалектные", "Агглютинативность коми языка", "Грамматикализация", "Парадигма", "Посессивность", "Приблизительно-местные падежи", "Предикативность", "Предложение", "Сложная синтаксическая конструкция" и многие др. Содержательно описаны способы разборов фонем, морфем, слов, предложений в коми языке: "Фонетический разбор", "Словообразовательный анализ", "Морфемный анализ", "Морфологический разбор", "Синтаксический разбор". Интересные сведения можно почерпнуть об истории коми литературного языка в материалах историко-лингвистического характера, где представлены сведения о теории "ва коми" языка, о смене алфавита, о диалектной базе и заимствованиях, в общем и целом о дискуссиях по проблемам формирования литературного коми языка, что представлено в следующих статьях: "Ва коми язык", "Заимствования коми в русском языке", "Заимствования русские в коми языке", "История коми литературного языка", "Комиссия по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка", "Латинизация", "Молодцовский алфавит", "Первая объединённая коми (зырянская и пермяцкая) терминоорфографическая конференция", "Пуризм". Эволюция коми языка на всех важнейших этапах истории его носителей прослеживается в статьях "Уральский праязык", "Финно-угорский праязык", "Прапермский язык", "Древнекоми язык", "Общие черты пермских языков" и др. Материал, содержащийся в Энциклопедии, свидетельствует о том, что наряду с традиционными областями коми языкознания успешно развивается целый ряд новых направлений. Так, например, функциональной стилистике, исследования которой начали развёртываться в последние десятилетия, посвящено 11 статей: "Научный стиль", "Официально-деловой стиль", "Публицистический стиль", "Разговорно-бытовой стиль", "Художественный стиль", "Стилистические средства языка", "Экспрессивно-стилистические языковые средства", "Функционально-стилистические языковые средства" и т.д. В двуязычных республиках, каковой является и Республика Коми, большое внимание языковедов заслуживает проблема взаимодействия языков. Данный процесс предполагает наличие двуязычия, разновидности многоязычия (мультилингвизма). Как соотносятся языки "внутри" индивидуума при контактах, как формируется и функционирует двуязычие в республике, как дискутировался вопрос о влиянии языков можно найти ответ в статьях: "Билингвизм", "Двуязычие", "Интерференция", "Калька", "Научное совещание по вопросам языкознания", "Общественный статус коми языка", "Преподавание коми языка как неродного" и "Проблемы функционирования коми языка в современных условиях". Словарные статьи даны в свете

последних научных изысканий учёных-лингвистов, что даёт право говорить о современности, научной новизне энциклопедии, высоком уровне достижений в области коми языкознания. Теоретические и практические вопросы коми языка получили в основном полное освещение как в рамках традиционных теорий, так и с учётом новейших разработок в области лингвистики. Необходимо отметить, что материал снабжен схемами, фактическим материалом, использованным из богатейшего фольклорного фонда и художественных произведений коми писателей.

Коми язык своей самобытной красотой, музыкальностью, мелодичностью, строгостью внутренней структуры привлекал и привлекает интерес многих учёных, и неудивительно, что коми языкознание имеет богатую многолетнюю историю развития. Словарные статьи, посвящённые биографии и творческой деятельности исследователей коми языка (в энциклопедии содержится около 70 персональных статей о языковедах), ярко и живо передают дух эпох, давших целую плеяду талантливых учёных-лингвистов. Энциклопедия ярко представляет заинтересованному читателю биографическую информацию об отечественных и зарубежных языковедах. Значительный вклад в развитие коми лингвистики внесли основоположник коми литературы И.А. Куратов, российские и коми учёные Ф. Видеман, Г.С. Лыткин, В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, Д.Б. Бубрих, Б.А. Серебренников, Е.С. Гуляев, финны Т. Уотила, Ю. Вихман, Э. Итконен, Р. Бартенс, венгры Д. Фокош-Фукс, К. Редеи и многие другие видные исследователи, которые посвятили свою жизнь изучению языка Пармы. Об исследовательской деятельности зарубежных финно-угроведов, в сфере научных интересов которых находился коми язык, о научных школах по изучению коми языка, основанных за рубежом, и основных результатах, трудах учёных, благодаря которым коми язык стал известен финно-угорскому миру, можно ознакомиться с материалом, широко освещённом в статьях "Изучение коми языка за рубежом", "Преподавание коми языка как неродного" и библиографических материалах: "Бартенс Р.Р.", "Батори Иштван", "Бейкер Р.В.", "Васе Эрик", "Витсен Николас", "Вихман Ю.", "Табеленц Х.К.", "Генец А.О.Г.", "Итконен Э.Э.", "Калима Я.Л.", "Кастрен М.А.", "Кёвеши М.А.", "Кокконен П.Р.Х", "Лако Дьёрдь", "Мессершмидт Д.Г.", "Паллас П.С.", "Редеи Карой", "Стипа Г.Й.", "Страленберг Ф.И.", "Тойвонен Ю.Х.", "Уотила Т.Э.", "Феэнкер Вольфганг", "Фокош-Фукс Д.Р.", "Хаузенберг А.-Р.", "Шлахтер Вольфганг". Богато иллюстрированный портретами, фотографиями и фрагментами работ, маршрутами экспедиций материал представляет особую ценность, так как источники, откуда его можно было бы почерпнуть, немногочисленны и труднодоступны широкой массе читателей.

Удачно подобранный наглядный материал помогает восприятию словарных статей, обращающихся к вопросам развития письменности и норм

литературного коми языка со времён Стефана Пермского (крестителя коми народа, создателя пермской азбуки и письменности) до наших времён.

Энциклопедия вводит читателя в богатый, полный открытий мир коми языка. Каждая словарная статья снабжена списком литературы, отсылающей желающего к дальнейшему, более глубокому изучению интересующего вопроса.

Книга "Коми язык. Энциклопедия" начинается со слов одного из выдающихся сынов народа коми, великого учёного К.Ф. Жакова, круг научных интересов которого был очень обширен - это и фольклористика, и этнография, и философия, и математика. Неординарность его взглядов не оттолкнула К.Ф. Жакова и от культуры, языка финно-угорских народов, где выделялась и коми-зырянская тематика. С восхищением и гордостью пишет учёный о неотразимой красоте языка любого народа: "Язык - душа народа. Для каждого народа язык - его величайшее сокровище. Отнимая язык, мы отнимаем у народа не только его вековую привычку, его удобства, но отнимаем ещё своеобразие психических переживаний, понятий миров... Кто желает познать всё богатство человеческого духа, тот должен изучать языки в их сущности, в их внутренней человеческой стороне". Данная цитата воспринимается как стимул к дальнейшему исследованию родного языка и его сохранения для будущих поколений коми народа.

Несомненно, коллективу авторов первой коми лингвистической энциклопедии удалось передать сущность и душу родного языка. Это издание представляет собой крупное достижение как в области коми языкознания, так и культуры народа в целом. Не вызывает сомнений, что данная книга не останется незамеченной в финно-угорском мире и станет настольной книгой не только исследователей, преподавателей, студентов, учащихся, но и всех интересующихся вопросами коми языка.

Мира Чуяшкова, Галина Пунегова
Сыктывкар

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Рец.: В.К. КЕЛЬМАКОВ. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Рецензируемая книга, написанная заведующим кафедрой общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета, доктором филологических наук, профессором, академиком АН Удмуртской Республики В.К. Кельмаковым, адресована, в первую очередь, студентам высших учебных заведений в качестве учебного пособия.

Создание такой работы стало возможным в результате обобщения знаний по отдельным удмуртским говорам и диалектам, отраженным в публикациях за полтора века, и в результате исследовательской и преподавательской работы самого автора. С 60-х годов научный интерес профессора обращен к удмуртской диалектологии. Еще молодым ученым он описывает родной говор и в 1969 году защищает кандидатскую диссертацию на тему: "Кукморский диалект удмуртского языка". С тех пор проделана большая работа; наверно, нет говора, которого не коснулось внимание ученого. По составленным им программам (в настоящее время действует 4-й выпуск, исправленный и дополненный вариант прежних) студенты филологических факультетов Удмуртского госуниверситета и Глазовского пединститута изучают удмуртскую диалектологию, проводят диалектологическую практику.

Многие результаты работы профессора отразились в опубликованных им статьях, а собранные диалектные тексты - в сборниках и в двух отдельных книгах в виде образцов бытовой и поэтической речи удмуртов, проживающих на севере и центральной части Удмуртии в конце XX столетия. В последнее время собранные полевые материалы вышли еще в двух книгах серии "Удмуртские говоры". Второй выпуск ее в соавторстве с С. Саариненг, подготовленный к изданию Удмуртским и Туркуским университетами, увидел свет в Финляндии в 1994 году. В этой книге фонетика и морфология удмуртских диалектов впервые нашла более полное отражение. Но из-за того, что в этом издании теоретическая часть написана на финском языке и

выпуск практически не дошел до широкого российского читателя, необходимость такого пособия, подобного рецензируемому, еще ощущалась.

Рецензируемая работа не представляет собой перевод вышеупомянутого труда на русский язык с финского, она существенно доработана, а диалектные тексты, представляющие все удмуртские наречия, обновлены, кроме двух. Все тексты, в отличие от финского варианта, даны в транскрипции на кириллице. К фольклорным материалам предпосланы описания говоров и наречий, где они зафиксированы.

Оживляет книгу не только ее внешний вид, но и содержание, продуманная, четкая структура. В учебном пособии большую ценность представляет приложение, в котором дается "Библиография по удмуртской диалектологии (XVIII в. - 1997 г.)". В.К. Кельмаков отдельно выделил список использованной литературы и источников. Во "Введении" помещен очерк "Истории изучения удмуртских диалектов". Причем, несмотря на его компактность, автору удалось показать IV периода в истории удмуртской диалектологии, выделить работы языковедов, имеющие определенное научное значение.

В разделе "Диалектное членение удмуртского языка" автор на основе полуторавекового развития удмуртской диалектологии показывает приблизительную территорию распространения удмуртских диалектов и их конститутивные единицы, которые принято вычленять в последнее время.

В первой же части работы В.К. Кельмаков знакомит с транскрипцией, которой пользуются в удмуртской диалектологии: с одной стороны, она основывается на латинской графической основе (практика использования ее чаще встречается в трудах зарубежных ученых или в публикациях международного характера), с другой стороны, - на кириллической основе и применяется в работах, выходящих в Удмуртской Республике и других научных центрах России.

Во второй главе "Фонетика" рассматриваются явления вокализма и консонантизма удмуртских диалектов. Положительным является и то, что, анализируя фонетические явления, автор не избегает описания их краткой истории возникновения.

Рассматривая системы гласных и согласных, В.К. Кельмаков дает классификацию удмуртских диалектов по составу гласных, количество которых варьируется в диалектах от 6 до 10. Так как консонантная система удмуртских диалектов еще хорошо не изучена, классификацию диалектов по согласным произвести трудно. Предположительно наибольшим количеством согласных (28) обладает система согласных некоторых говоров южного наречия удмуртского языка, в частности говора Варклет-Бодья, распространенного в Агрызском районе Татарстана, где сохранились многие древнеудмуртские фонемы.

Следует заметить, В.К. Кельмаков в систему гласных удмуртского языка внес некоторые оправданные уточнения. Так, если гласная [а] в грамматиках современного удмуртского языка относится к заднему ряду, то в системе, данной в новом пособии, она занимает средний ряд.

Автор в работе внес и некоторое упорядочение в использовании терминов в удмуртской диалектологии, как, например, чередование и корреспонденция.

В 3 главе "Морфология", занимающей одинаковый объем с "Фонетикой", больше внимания уделено существительному и глагольным формам. Но наряду с ними рассматриваются некоторые категории прилагательных. числительных, местоимений.

Изучая морфемику, автор пособия в структуре удмуртского слова выделяет нулевые морфемы, что не характерно для грамматик современного удмуртского языка.

Описывая морфологию частей речи, В.К. Кельмаков обратил внимание на их определенные различия в диалектах и изученность тех или иных положений в удмуртской диалектологии.

Таким образом, в пособии выделяется до двадцати неизученных вопросов, они указывают на новые горизонты и перспективы исследований для молодых ученых.

Положительным в работе является и то, что ее автор по возможности систематизировал диалектные особенности для каждого наречия, диалекта и говора.

В книге, как нам представляется, недостаточно отражаются особенности диалектных явлений верхнечепецкого говора северного наречия, хотя это объяснимо, так как фронтальных исследований в этом кусте пока не производилось, вследствие чего встречаются неточности, связанные с этим говором, также замечаются некоторые опечатки и погрешности в выражениях, как *южный говор деревни Кузебаево* (с. 34), форморазличительная (вместо смыслоразличительная) функция ударения (с. 77), палатализированный (вместо лабиализованный вариант *у* (с. 52) и т.д.

Однако эти замечания не умаляют значения работы, она будет полезной не только исследователям пермских языков, студентам Удмуртского госуниверситета и Глазовского пединститута, но и широкому кругу преподавателей-филологов и финно-угроведов. К сожалению, книга вышла тиражом в 300 экземпляров и может стать библиографической редкостью.

Борис Каракулов
Глазов

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Рец.: ВАСИЛЬЕВА О.И. Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917-1941 гг. Ижевск, 1999. 210 с.

Монография кандидата исторических наук О.И. Васильевой, выпущенная Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН в 1999 г., посвящена интересной и актуальной теме, несомненно имеющей большое научное значение. На нынешнем этапе развития гуманитарной науки очевидна необходимость переосмысления истории российской интеллигенции в целом и ее структурных элементов в особенности. В этом должны сыграть роль и конкретные региональные исследования.

В качестве объекта изучения автором выбрана весьма значимая для истории Удмуртии группа интеллигенции - национальная (удмуртская) интеллигенция. Особенности, дающие основание рассматривать ее как отдельную группу, отмечает О.И. Васильева, состоят в характере профессиональной и общественной деятельности, мировоззрении и мировосприятии. Анализ этих особенностей, изучение процесса формирования данной социальной группы, ее состава и численности, участия в общественной жизни Удмуртии и составляют основное содержание рецензируемой работы.

Выполнение поставленных задач потребовало от автора решения отдельных методологических проблем. В современной философской и исторической литературе не сложилось единого подхода к определению содержания понятия «интеллигенция». Проанализировав имеющиеся точки зрения, как традиционные, так и новые, О. И. Васильева поддержала социально-функциональный подход к трактовке термина «интеллигенция». Эта позиция принципиально важна при определении понятия «национальная интеллигенция». Именно функциональный подход позволяет преодолеть господствовавшее ранее формальное, количественное освещение проблем национальной интеллигенции и, тем самым, покончить с замалчиванием ее роли. Как убедительно пишет О. Васильева, на этапе формирования удмуртской нации в конце XIX - первой пол. XX вв. роль удмуртской интеллигенции заключалась в развитии национального самосознания удмуртов, что предполагало его теоретическую разработку, внедрение в общественное сознание и закрепление в этносе через публицистику, школу, культур-

но-просветительную деятельность, литературу и искусство (с. 5). Смогла ли удмуртская интеллигенция выполнить стоявшие перед ней задачи, реализовать свой потенциал, какие трудности и препятствия встретились на ее пути - на эти вопросы отвечает данная работа.

Основным методом исследования является историко-генетический метод. История удмуртской интеллигенции рассматривается автором в ее становлении и развитии, а внутри отдельных хронологических периодов выделяются тематические разделы.

О.И. Васильева привлекла широкий круг источников. Основную массу составляют материалы, выявленные автором в центральных и местных архивах. Это документы партийных и государственных органов, профсоюзных организаций, учебных и научных заведений. Большой интерес представляют документы, исходящие непосредственно от самой интеллигенции: материалы съездов работников просвещения, краеведческих и национальных обществ.

Содержание монографии раскрывается в двух главах. Первая глава посвящена истории формирования и деятельности удмуртской интеллигенции в 1917-1928 гг. Интересен первый параграф, в котором О. И. Васильева анализирует мировоззрение и деятельность удмуртской интеллигенции в переломный период истории между Февралем и Октябрем 1917 г. и в начальный период существования Советской власти. Рассматривая историю первых удмуртских национальных обществ, автор убедительно показывает эволюцию взглядов удмуртской интеллигенции. Начиная с чисто культурнической работы, с организации национального просвещения, она постепенно подошла к осознанию необходимости объединения удмуртского народа для защиты своих интересов. Именно удмуртская интеллигенция, как доказала О. И. Васильева, впервые поставила вопрос о национальном самоопределении удмуртов (с. 25).

Более традиционен параграф, посвященный первым шагам в становлении советской интеллигенции в Удмуртии. Тем не менее, О.И. Васильевой удалось внести новое и в раскрытие этой темы. Она показала, как осуществлялась коренизация (удмуртизация) системы образования в Удмуртии, раскрыла причины конфликта внутри удмуртской интеллигенции и между ее частью и руководящими партийными работниками.

Участие удмуртской интеллигенции в общественной жизни 1920-х годов показано через деятельность краеведческих обществ, публицистику, работу съездов удмуртских работников просвещения. Большой интерес представляет история удмуртских краеведческих организаций: общества «Боляк» и Научного общества по изучению Вотского края. О.И. Васильева уточнила хронологические рамки их деятельности, устранила некоторые фактические ошибки, имеющиеся в других исследованиях. Она показала, что благодаря усилиям интеллигенции, при помощи и поддержке государ-

ственных органов, в 1920-е гг. краеведение стало заметным явлением в общественной и культурной жизни Удмуртии.

Несомненно, яркой страницей в истории удмуртской интеллигенции остаются Всероссийские съезды работников просвещения - удмуртов. Следует согласиться с автором, что в их работе отразились энтузиазм выдающихся представителей удмуртской интеллигенции, демократизм первых лет Советской власти, борьба удмуртского народа за создание национальной культуры.

Рассматривая историю удмуртской интеллигенции 1920-х гг., О.И. Васильева не обходит те трудности и противоречия, которые встретились на ее пути, обозначает наметившиеся тенденции, которые в дальнейшем привели к пересмотру партийно-государственной политики по отношению к национальной интеллигенции и изменили ее положение в обществе.

Вторая глава посвящена истории удмуртской интеллигенции в годы довоенных пятилеток. Процесс формирования удмуртской интеллигенции в средних специальных и высших учебных заведениях Удмуртии, центральных вузах рассматривается автором на фоне изменения социально-политической ситуации в стране. О.И. Васильева анализирует причины форсирования темпов подготовки «рабоче-крестьянской» интеллигенции, изменения государственной национальной политики и их последствия для удмуртской интеллигенции. Как нам представляется, автор делает вполне аргументированный вывод: «Удмуртская интеллигенция в этот период не только потеряла своих наиболее выдающихся представителей, но и потеряла заинтересованность в судьбах своего народа, желание и возможность быть выразительницей его интересов. Высокие цифры подготовленных за годы советской власти специалистов из удмуртов служили декоративным прикрытием того, что национальной интеллигенция осталась лишь номинально, а по сути свои функции выполнять перестала. К концу 1930-х годов она стала составной частью интернациональной советской социалистической интеллигенции» (с. 136).

Высоко оценивая значение предоставляемой возможности для удмуртов получить высшее образование в центральных вузах страны по национальной квоте, О. И. Васильева одновременно раскрывает ее противоречия и недостатки. Если в 1920-е гг. осуществлялась коренизация образования через создание национальных групп, отделений, обществ, землячеств, то в 1930-е гг. такая работа почти не проводилась. Поэтому система подготовки удмуртской интеллигенции становилась одной из причин ее аккультурации и ассимиляции.

Одним из способов создания советской интеллигенции традиционно считается так называемое выдвиженчество. Едва ли не впервые в отечественной историографии О. И. Васильева попыталась доказать, что в действительности выдвиженчество являлось каналом формирования не интелли-

генции, а управленческого и канцелярского персонала, т.е. социального слоя служащих. Исследование, проведенное автором, убедительно свидетельствует о том, что в 1920-1930-е гг. выдвиженчество являлось пропагандистской общественно-политической кампанией, направленной на вовлечение в аппарат управления лояльных режиму рабоче-крестьянских масс. В национальных республиках и областях выдвиженчество использовалось для осуществления коренизации аппарата управления. Следует согласиться с выводом, сделанным в книге, что в условиях сужения прав национальных образований и жесткой централизации управления страной коренизация органов власти являлась формальной и даже сыграла негативную роль, стимулируя обострение межнациональных отношений (с. 158).

Отдельный параграф посвящен проблемам и противоречиям в сфере национальной культуры 1930-х гг. Следует отметить, что в той или иной степени они получили освещение и в предыдущих разделах, а в данном автор сосредоточился на исследовании краеведческого движения, развитии литературы и искусства, языкового строительства. Весьма убедительно звучит вывод О. И. Васильевой, что в обстановке борьбы с «буржуазным национализмом», репрессий против национальной интеллигенции, становление национальной культуры, даже ограниченной жесткими идеологическими рамками, тормозилось.

Для удмуртской интеллигенции последствия изменившейся партийно-государственной политики были катастрофичны. Обвинения ее в национализме поддерживали и питали настроения великодержавного шовинизма и национального нигилизма, вели к уменьшению влияния в обществе. Подготовка национальной интеллигенции фактически прекратилась, так как коренизация вузов и техникумов Удмуртии, начатая в 1920-е гг., не была осуществлена, а преемственность в подготовке между старой и новой интеллигенцией нарушилась. О. И. Васильева отмечает, что в 1937-1938 гг. были изъяты из обращения все изданные ранее труды по истории, литературе и фольклору удмуртского народа, по удмуртскому языку. Следует согласиться с мнением автора, что, фактически, история национальной интеллигенции начиналась с чистого листа.

Отметим наличие в монографии большого количества весьма информативных таблиц, не только иллюстрирующих содержание, но и значительно обогащающих его. Полезным является и дополнение монографии именным указателем. На наш взгляд, книгу украсили бы фотоматериалы, такие, например, как фотографии представителей удмуртской интеллигенции, наиболее часто упоминающихся в тексте, или фотографии учебных заведений, в которых велась подготовка специалистов.

Подводя итог, можно сказать, что историческая наука Удмуртии обогатилась еще одним добротным трудом, в котором, на основе богатого фактического материала и новых подходов, раскрывается интересная, драма-

тичная история удмуртской интеллигенции. Она, безусловно, будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей, преподавателям высшей и средней школы.

Людмила Бехтерева
Ижевск

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Рец.: МУСТАЕВ Е.Н. Словарь синонимов марийского языка (Марий синоним мутер). Йошкар-Ола, 2000. 544 с.

В преддверии 80-летия Республики Марий Эл, которое марийский народ отмечает 4 ноября 2000 года, увидел свет очень интересный, неизмеримо полезный труд профессора Марийского государственного педагогического института имени Н.К. Крупской Мустаева Елизара Николаевича "Словарь синонимов марийского языка".

Нельзя сказать, что этот словарь является первой ласточкой. Ранее были изданы два словаря синонимов марийского языка - это: И.Г. Иванов, Е.Н. Мустаев «Марий синоним мутер», Йошкар-Ола, 1975 и Е.Н. Мустаев «Марий синоним мутер». Йошкар-Ола. 1986.

Первый словарь синонимов марийского языка, составленный в соавторстве с профессором И.Г. Ивановым, имел главным образом справочный характер, в нем не раскрывались значения и особенности синонимов, их употребление не подкреплялось примерами из художественных произведений и устного народного творчества, хотя синонимических рядов, как утверждает И.Г. Иванов в своем предисловии, в нем около1700. Прав был И.Г. Иванов, действительно это лишь первый шаг - начало для большой будущей работы.

В 1986 году Е.Н. Мустаев составил словарь синонимов марийского языка в качестве учебного пособия для школ. В него вошли 400 синонимических рядов, которые включали 1870 слов. Этот словарь уже не был простым списком синонимов, он содержал смысловую, экспрессивную и стилистическую характеристики синонимов. Особенности употребления синонимов здесь подтверждались примерами из художественной литературы, периодической печати и устного творчества. Несмотря на то, что словарь являлся учебным пособием, он был хорошим подспорьем и для писателей, работников печати, средств массовой информации, студентов, да и для всех любителей родного языка. Жаль лишь то, что объем учебного пособия не позволял автору привести большое количество синонимических рядов.

Рецензируемый словарь содержит 912 синонимических рядов, которые объединяют 3450 слов и устойчивых выражений. Он уже не является

учебным пособием, его задачи более академичны, хотя, конечно, использовать в учебном процессе его не только возможно, но и нужно. Жаль только то, что его автор увеличил количество синонимических рядов немногим более чем в два раза, по сравнению со словарем, изданным в качестве учебного пособия. Ведь в первом издании словаря, совместно с И.Г. Ивановым, их было около 1700. Трудно сказать, что помешало автору использовать все 1700 синонимических рядов. Скорее всего - объем словаря. Если это так, то хочется пожелать ему, чтобы имеющийся материал он не оставил пылиться в личном архиве, а в скором будущем довел до читателя.

Принцип построения рецензируемого словаря почти не отличается от принципа построения словаря - учебного пособия. Отличие лишь в том, что характеристика, предисловие, вводная статья о синонимах в марийском языке написаны на русском языке. Этим самым словарь стал доступным более широкому кругу читателей, вплоть до зарубежных.

Автор данного словаря не только увеличил его объем количеством синонимических рядов, он внес также немало существенных дополнений и изменений в само содержание синонимических рядов, пополнив их новыми синонимическими словами и устойчивыми сочетаниями. Например, если в учебном пособии синонимический ряд: *мотор, йытыра, чевер, чечен, чапле, сорале, сылне, яжо, ямле, чонеш (шӱмеш) пижше* состоял из 11 единиц, то в рецензируемом словаре этот синонимический ряд пополнился ещё тремя единицами: *асыл, данле, спай*.

Е.Н. Мустаев во вводной части к словарю пишет, что рецензируемый словарь является словарем марийского литературного языка, что в "современном марийском литературном языке сложилась довольно богатая лексическая синонимика". Однако, словарь не ограничивается только литературным языком, он включает в себя и слова разговорного языка, которые автором отмечены пометой (*кут. й.*, т.е. разг. язык), например: *келшаш, кутыраш, кошташ* (с. 143). Таких примеров немало. Поэтому было бы вернее говорить не о современном марийском (лугово-восточном) литературном языке, а о марийском языке вообще. Тем более в нем наличествуют и слова горного наречия марийского языка, ср. *сага, яжо* и др.

Нам кажется, употребление отдельными писателями диалектрных слов для усиления выразительности высказывания нельзя еще считать литературной нормой, хотя это, действительно, обогащает литературный язык.

Хотелось бы отметить еще, как нам кажется, один недочет автора словаря - это иногда слишком расширенное понимание близости значения слов, включаемых в синонимические ряды, например: *намыс, ар, вожылмаш, сын, шӱргӧ* 'совесть' (с. 255), *арым йомдараш* 'потерять совесть' и *намысым йомдараш* 'потерять стыд', нам кажется, никак не могут быть близкими по своему значению. В примере *"1 май" колхозник-влак коклаш-*

те ятырыштын арышт йомо" (с. 255) словосочетание *арышт йомо* автором переведено как 'потеряли стыд' вместо 'утратили совесть', а ведь совесть и стыд - это совершенно разные понятия.

Функции синонимов определяют место каждого из них в лексической системе языка: они являются средством тонкой смысловой дифференциации, служат созданию стилистических различий, выражению различных видов экспрессии, эмоциональных оценок и т.д. Богатство лексики современного марийского языка, ее разнообразие требуют внимательного отношения к ней как со стороны говорящего, так и со стороны пишущего.

Словарь Е.Н. Мустаева является в марийском языкознании первым опытом полного описания и систематизации синонимов современного марийского языка. Он полнее раскрывает сложные и многообразные связи синонимических слов, их экспрессивно-эмоциональные и стилистические оттенки - этим самым и выразительное богатство современного марийского языка.

Этот словарь будет служить прекрасным пособием для языковедов, писателей, переводчиков, работников средств массовой информации и периодической печати, преподавателей вузов и школ, а также студентов и всех интересующихся современным марийским языком.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

ХРОНИКА

Михаил Мосин, Александра Гребнева
Саранск

ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ

2-5 февраля 2000 г. в Саранске состоялась II Всероссийская научная конференция финно-угроведов, в работе которой приняли участие более 300 ученых из разных республик и городов России. Значительная часть участников - представители двух высших учебных заведений Мордовии - МГУ им. Н.П. Огарева и МГПИ им. М.Е. Евсевьева и НИИ языка, литературы, истории, экономики при Правительстве Республики Мордовия. Большая делегация (около 40 человек) прибыла из Республики Марий Эл. Кроме того, были ученые из Москвы, Ижевска, Елабуги, Сыктывкара, Ханты-Мансийска, ближнего и дальнего Зарубежья (Эстония, Венгрия, Финляндия).

Проведение такого важного научного форума в нашей республике стало возможным при поддержке института "Открытое общество" и содействии Правительства Республики Мордовия. Целью конференции явилось обсуждение актуальных проблем финно-угристики, региональных аспектов экономики и культуры, а также преподавания финно-угорских языков, литературы, фольклора, истории с учетом разных образовательных ступеней.

Открыл конференцию заместитель Председателя Правительства Республики Мордовия председатель ее оргкомитета С.Н. Вдовин. После зачтения приветствий: Главы Республики Мордовия Н.И. Меркушкина и Государственного секретаря Республики Марий Эл, Президента Фонда развития культур финно-угорских народов Н.Н. Гаврилова на пленарном заседании были представлены четыре доклада.

Первым выступил зав. кафедрой эрзянского и финно-угорского языкознания Мордовского госуниверситета профессор М.В. Мосин с докладом "Мордовские литературные языки: состояние и перспективы развития", где была предложена концепция новой стратегии языкового строительства,

создания на базе мокшанского и эрзянского литературных языков единого литературного языка. Данная идея, обсуждавшаяся еще на симпозиуме "Вопросы уральских литературных языков" во время 8 Международного Конгресса финно-угроведов (Ювяскюля, 1995 год), нашла обоснованное подтверждение. М.В. Мосиным предложены новые аргументы о целесообразности создания единой литературной нормы для эрзян и мокшан. Второй доклад был посвящен анализу языка молодой поэзии Коми. Профессор Сыктывкарского университета В.А. Латышева подробно раскрыла особенности коми языка в поэтическом творчестве молодых коми поэтов.

Декан факультета национальной культуры Мордовского госуниверситета В.С. Брыжинский обратил внимание участников конференции на мордовскую народную игру как особый вид искусства. Заключительным аккордом пленарного заседания прозвучал доклад заведующего кафедрой региональной истории Марийского госуниверситета профессора К.Н. Санукова на тему: "Финно-угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции изучения".

После пленарного заседания участники конференции работали по четырем направлениям, в отдельные блоки были выделены филологические, исторические, педагогические и экономические науки. Обширный круг проблем: от лексикологии и фольклора до региональных социально-экономических вопросов - обсуждался на 15 секциях конференции. Блок филологических наук был представлен 7 секциями, исторических - 5, педагогических - 2, экономических - 1.

Лингвистические исследования финно-угорского языкознания России были представлены весьма широко и многогранно. Особенно радует активное участие в исследовательском процессе молодежи. На 5 секциях по лингвистике выступили с докладами 70 человек.

Доклады были посвящены разным аспектам языкознания: фонетике, лексикологии, морфематике, морфонологии, синтаксису, диалектологии, ономастике и истории языка. Вопросам лексикологии и ономастики были посвящены доклады: Гуськовой А.П. (Москва) "Основные тенденции развития словарного состава венгерского языка на современном этапе", где рассматривались принципы развития некоторых слов-сокращений; Ракина А.Н. (Сыктывкар) "Первая лингвистическая энциклопедия в отечественном финно-угроведении"; Кочеваткиной А.П. (Саранск) "История и пути образования свадебной лексики в мордовских языках"; Казакевич О.А. (Москва) "Фольклорные тексты баишенских селькупов: 1941-1999 годы", в докладе выделены отличия в фольклорных текстах баишенских селькупов, записанных в 40-е годы XX века и 90-х годах этого же столетия; Барцевой Л.И. (Йошкар-Ола) "Реализация компонентов лексико-семантической структуры глагола *кошташ* в марийском языке", где автор останавливается на глаголах группы движения и проводит лексико-семантический анализ одного

глагола; Митрофоновой М.Е. (Саранск) "Этимология отдельных не реконструированных лексических соответствий", где даются некоторые не реконструированные слова на примере мордовских и марийских языков; Герасимовой С.В. (Ижевск) "Частеречевая характеристика новых слов в удмуртском языке", в котором рассматриваются новообразования, созданные искусственно языковедами, журналистами и т.д. и нашедшие сферу употребления в языке; Кочеваткина А.М. (Саранск) "Спланхнонимическая лексика в эрзянском языке", где даются примеры спланхнонимических слов, существующих в эрзянских диалектах; Чуяшковой М.В. (Сыктывкар) "Некоторые аспекты субстантивной метафоры в коми языке", в котором автор рассматривает метафору на примере имени существительного; Гребневой А.М. (Саранск) "Сочетаемость компонентов в сложных словах эрзянского языка", где обращается внимание на некоторые сложные слова эрзянского языка, Бутылова Н.В. (Саранск) "К вопросу о месте и времени проникновения индоиранских заимствований в мордовские языки"; Жегалиной Г.В. (Саранск) "Транспозиция слов с предметным значением в сферу эмотивной лексики"; Логиновой Е.Ю. (Саранск) "Лексические средства выражения количества в эрзянском языке"; Кулаковой Н.А. (Саранск) "Семантика некоторых глаголов финно-угорского происхождения в мокшанском и эрзянском языках"; Гришуниной В.П. (Саранск) "О диалектной синонимии в мокшанских терминах родства"; Кузнецовой А.И. (Москва) "Типология фразеологических единиц с соматическим компонентом в уральских языках", где дается сравнительный анализ некоторых фразеологических единиц; Джека Рютера (Саранск) "Молемс глаголонть сюлмавксонзо"; Балажи Й.А. (Венгрия) "Библеизмы в русском и венгерском языках".

Вопросы диалектологии и ономастики обсуждались в докладах: Агафоновой Н.А. (Саранск) "Эрзянские говоры Башкортостана и их особенности"; Арсланова Л.Ш. (Елабуга) "Финно-угро-самодийская топонимия Восточного Закамья Республики Татарстан", где автор отмечает, что на территории Республики Татарстан встречаются топонимы и микротопонимы, восходящие к угорским и самодийским языкам: хантыйскому, мансийскому, ненецкому; Андриановой Е.М. (Йошкар-Ола) "Терминология родства в диалектах марийского языка", где охарактеризованы термины, называющие кровное родство и термины свойства; Григорьевой Л.Я. (Йошкар-Ола "Состояние изучения восточного наречия марийского языка"; Илиевой А.А (Йошкар-Ола) "Заимствованная лексика в балтаческом говоре восточного диалекта марийского языка", в докладе говорится о тюркских (татарских и чувашских) заимствованиях в восточном диалекте марийского языка; Казаевой Н.В. (Саранск) "Эрзянские метафорические названия", в котором отмечается, что в основе многих микротопонимов находятся метафорические названия, восходящие к нарицательным словам-аппелятивам; Каксина А.Д. (Ханты-Мансийск) "Косвенные наклонения хантыйского языка (на

примере казымского диалекта)", в докладе охарактеризованы индикатив, портатив, абсеитив, оптатив, кондиционалис на материале казымского диалекта; Кирдяшкиной Р.Ф. (Саранск) "О некоторых фонетических особенностях юго-восточного диалекта"; Мокшина Н.Ф. (Саранск) "Ономастическая ситуация в Мордовии на современном этапе", в котором кратко охарактеризованы современные микротопонимы: названия улиц г. Саранска, названия новых учреждений, магазинов; Сергеева О.А. (Йошкар-Ола) "Русские заимствования в рукописных источниках XVII-XVIII веков", в нем прослеживаются тематические группы русских заимствований в марийском языке; Ширманкиной Р.С. (Саранск) "Эрзянские говоры и фразеологизмы", где охарактеризованы критерии выделения диалектных фразеологических единиц, их семантика, происхождение, соотношение фразеологических единиц литературного языка, диалектов и говоров.

Проблемы фонетики, морфологии и морфонологии нашли отражение в докладах: Келина М.А. (Саранск) "Видовые суффиксы и мотивирующая основа мокшанского глагола", в нем указывается, что до сих пор нет единого мнения по поводу того, к какой группе отнести суффиксы многократности: к словообразующим или формообразующим; Имайкиной М.Д. (Саранск) "Варианты суффиксов как средство выражения грамматических значений", в котором автор отмечает, что в словоизменении мордовских языков часто сталкивается двухвариантность суффиксов: один вариант включает в себя палатальный согласный и гласный переднего ряда, другой вариант - велярный согласный и гласный непереднего ряда, и их агглютинация зависит как от качества корневого гласного, так и от конечного консонанта основы; Цыганкина Д.В. (Саранск) "Словообразовательные потенции слов *пря* и *пе* в мордовских языках", в докладе выделяется, что отдельно слово *пе* означает "конец, вершина", а в сочетании с другим именем существительным или числительным, чаще всего в форме генитива, - совокупность предметов или лиц как неделимое целое; Мосиной Н.М. (Саранск) "Использование генитива эрзянского языка в речи детей от 3 до 7 лет", в котором докладчиком была сделана попытка рассмотреть употребление детьми раннего возраста в своей речи одного из падежей имеющего в нормированном, взрослом языке много значений (генитив определенного склонения); Цыпанова Е.А. (Сыктывкар) "Переносные значения лично-числовых суффиксов глагола в коми языке", где автор приходит к выводу, что в коми языке все форманты лица-числа, кроме суффиксов 1-го лица единственного числа, грамматически многозначны; Кузьминой Т.Г. (Саранск) "О морфемном составе простого мокшанского существительного; Цыпкайкиной В.П. (Саранск) "О футуральности в свете теории поля", в котором докладчик расширяет морфологическое поле глагольного словообразования; Клементевой Е.Ф. (Саранск) "Синтаксические средства выражения собирательности в эрзянском языке", в докладе указывается, что собирательность как

лексико-грамматическое явление представляет собой сумму количественно неисчислимых однородных предметов, разделительное восприятие которых не представляется возможным; Зорькиной Е.Е. (Саранск) "Финно-угорский просодический интерферирующий субстрат в речи билингвов (мордовский-эрзя) на английском языке"; Кабаевой Н.Ф. (Саранск) "Типология сингармонизма в мордовских языках", где автор выделяет несколько типов сингармонизма в мордовских языках; Ивановой Г.С. (Саранск) "Дифтонгические сочетания в именных и глагольных формах мокшанского языка", в котором показано, что в современном мокшанском языке в неперв ом слоге слова кроме одинарных гласных имеют место сочетания гласных с согласными (дифтонгические сочетания): ай, ав, ув, ий (ый), äй или их репрезентанты; Рябова И.Н. (Саранск) "Словообразовательные отношения между существительным и глаголом", где рассматриваются словообразовательные связи между существительным и глаголом в рамках трех значений: мутационных, модификационных и транспозиционных; Кокнаевой Л.И (Саранск) "Особенности сочетаний основ и суффиксов в мокшанском языке", где автор отмечает, что сочетаемость служебных морфем с корневыми морфемами или основами, включающими в свой состав служебные морфемы, часто сопровождается различными изменениями в звуковом составе основ; Ониной С.В. (Ханты-Мансийск) "Структурная характеристика оленеводческой лексики хантыйского языка", где автор приходит к выводу, что по своей структуре слова-названия оленеводческой лексики могут быть несоставными и составными; Левиной М.З. (Саранск) "Употребление личных местоимений в мокшанском языке", где показано, что в мокшанском языке личные местоимения характеризуются супплетивным или суффиксальным способом выражения отнесенности к грамматическому лицу; Моськиной С.И. (Саранск) "Ономатопоэтические основы мокшанских глаголов и их морфонологическая сочетаемость со словообразовательными суффиксами", в докладе выявляются имитативы, выступающие и качестве глаголообразующих основ; Барашкиной О.И. (Саранск) "Неопределенные местоимения с элементом кодамо и их функциональная нагрузка в эрзянском языке", Мироновой М.Н. (Саранск) "Слог и слогоделение в мокшанском языке"; Ефремова Д.А. (Ижевск) "О способах выражения неполноты качества в удмуртском языке", где утверждается, что способы выражения неполноты качества, признака в предмете являются составляющей частью грамматической категории степеней качества имени прилагательного.

Значительное число докладов было посвящено вопросам синтаксиса и синтаксической стилистики: Майер Кларе Ирен (Венгрия) в докладе "Сравнительные обороты в финно-угорских языках" удалось это сделать на одном примере "Худой как щепка/спичка" в шести языках: венгерском, коми-пермяцком, марийском, мордовском (эрзя), финском и эстонском; Шутова А.Ф. (Ижевск) "Роль порядка слов в развитии гипотактических отно-

шений в удмуртском языке", где показано, что развитие гипотактических отношений непосредственно связано с порядком слов; Бузаковой Р.Н. (Саранск) "Стилистическая функция экспрессивных слов в мордовских языках", где автор в зависимости от оценочных характеристик в составе лексики мордовских языков различает: 1) слова со значением ласкательности, 2) слова, выражающие пренебрежительность, грубость; Матросовой Л.С. (Йошкар-Ола) "Причастие в роли предикативного члена в современном марийском языке", в котором обосновано положение, что причастие сочетает повременно признаки глагола и прилагательного, может приближаться к ним; Лудыковой В.М. (Сыктывкар) "Предложения с безлично-предикативными словами в коми и коми-пермяцком языках"; Максимова В.Н. (Йошкар-Ола) "Партицинное управление в марийском языке", где автор по лексико-грамматической принадлежности управляющего слова выделяет такой вид управления в марийском языке, как партицинное (причастное) послеложное управление; Ивлюшкиной Н.И. (Саранск) "Использование обособленных определений в художественных текстах эрзянского языка"; Андуганова Ю.В. (Йошкар-Ола) "Классы словосочетаний сочинительного типа в марийском языке", в котором автор показал, что сочинительные словосочетания - это непредикативные синтаксические соединения однофункциональных форм слов, образуемых на основе сочинительной связи; Водясовой Л.П. (Саранск) "Порядок слов в компонентах сложного синтаксического целого в эрзя-мордовском языке", в котором автор считает, что сложное синтаксическое целое - самая крупная структурная единица текста, представляющая собой объединение нескольких предложений, тесно связанных семантически и синтаксически; Валитова Г.Н. (Йошкар-Ола) "О пояснительных конструкциях в марийском языке", автор приходит к выводу, что пояснение - это особый тип синтаксических отношений, который стоит вне сочинения и подчинения; Рузанкина Н.И. (Саранск) "Семантико-прагматический потенциал эмотивных высказываний в эрзянском языке", где автор рассматривает ряд эмотивных высказываний в эрзянском языке, построенных по модели: ну, ды (да) "и", но "и", кодамо, мезень (мень) "какой -ая, -ое, -ие" + личное местоимение + существительное с характеризующим значением; Красновой Н.М. (Йошкар-Ола) "История изучения глагольно-именных словосочетаний марийского языка"; Алешкиной Р.А. (Саранск) "Именительные представления и именительные темы в эрзянском литературном языке"; Беспаловой Г.Ф. (Саранск) "Структурные типы простых предложений в составе сложносочиненного предложения с однофункциональной направленностью в эрзянском языке"; Абукаевой Л.А. (Йошкар-Ола) "Синтаксические фразеологизмы оценки в марийском языке", где показано, что на синтаксическом уровне одним из ярких средств выражения значения оценки являются синтаксические фразеологизмы; Щанкиной В.И. (Саранск) "К проблеме синтаксической характери-

стики инфинитивных форм", в котором утверждается: словарный представитель всех глагольных форм инфинитив выступает в чисто номинативной функции как "голое" наименование действия и только в этом употреблении можно констатировать в инфинитиве "момент отвлечения действия от деятеля"; Алямкина Н.С. (Саранск) "Вспомогательные средства выражения актуального членения предложения в мордовских языках"; Имярековой В.М. (Саранск) "Выражение грамматических отношений в словосочетаниях мокшанского языка"; Рогожиной В.Ф. (Саранск) "Подлежащее, выраженное местоимениями (на примере мокшанского языка)", где автор приходит к выводу, что подлежащим, как членом предложения, специально предназначенным для выражения субъекта, может быть только местоимение-существительное; Кудашовой Л.А. (Саранск) "Немаркированная притяжательная конструкция как один из древнейших способов выражения посессивных отношений в эрзянском и венгерском языках", где автор считает, что притяжательные отношения в эрзянском и венгерском языках могут выражаться не только лично-притяжательными суффиксами, но и сочетанием двух существительных.

Проблемы развития и нормирования литературных языков обсуждались в докладах: Иванова И.Г. (Йошкар-Ола) "Марийский литературный язык на рубеже XX-XXI вв. (проблемы и перспективы)", где автор отмечает, что в истории марийского литературного языка в последней четверти уходящего века начался новый этап, основная особенность которого - повышение интереса к проблемам языка, изменение отношения к решению вопросов литературного языка; Рютера Д. (Саранск) "Эрзянь келень морфологиянь коряс сермадоманзо авейкетъксчинзэ", в котором речь шла об эрзянской орфографии, аффрикатизации и образовании сложных слов; Тихоновой Л.Н. (Йошкар-Ола) "К проблеме обогащения лексики современного марийского литературного языка за счет собственно-словообразовательных средств языка"; Полякова О.Е. (Саранск) "Мордовские (мокшанский и эрзянский) языки в роли государственных языков", в котором автор констатирует, что мокшанский и эрзянский языки стали языками государственными, однако, они не выполняют те функции, которые должны выполнять государственные языки; Седовой П.Е. (Саранск) "Отражение диалектных особенностей в современном мокшанском языке"; Щемеровой Н.Н. (Саранск) "О проблеме эрзянско-русского детского билингвизма"; Лисиной Е.Н. (Саранск) "Слова цветописания в эрзянском литературном языке", где утверждается, что слова со значением цвета в эрзянском языке могут принадлежать к разным лексико-грамматическим пластам: именам существительным, прилагательным, глаголам, передающим цветовой признак в развитии, как результат процесса; Потапова П.Ф. (Саранск) "Печать и родной язык", в докладе отмечается, что эрзянский и мокшанский языки нуждаются в защите, в создании таких условий, которые способны усилить

их роль в жизни мордовского народа, значительно расширить их функции, стимулировать их развитие; Трямкиной О.Е. (Саранск) "Посессивные композиты в эрзянском и в немецком языках"; Феоктистова А.П. (Саранск) "Мордовские литературные языки на новом этапе своего развития".

На заключительном пленарном заседании участниками конференции были приняты следующие рекомендации лингвистических секций:

1) создать комиссии при правительствах по реализации законов о государственных языках;

2) добиться того, чтобы финно-угорские языки стали языками образования;

3) организовать ономастические комиссии при Госсобраниях автономных республик;

4) обратить особое внимание Министерств народного образования на издание школьных учебников, словарей;

5) Главам правительств Республик Мордовия, Марий Эл, Удмуртия, Коми и Ханты-Мансийского национального округа оказать финансовую поддержку участникам предстоящего Международного конгресса, который состоится в этом году в г. Тарту.

Большое число докладов и материалов на конференции было посвящено вопросам литературоведения и фольклористики: Антонов Ю.Г. (Саранск) "Природа нравственного конфликта в драматургии А. Пудина", основная мысль которого - конфликт, отражая духовные возможности личности, закономерно перемещается от воспроизведения внешних ситуаций в сферу внутренних, душевных переживаний героев; Зайцева Т.И. (Ижевск) "Современная удмуртская детская проза", в котором автор показывает, что поиски образности, соответствующей детским представлениям, стремление развить в ребенке чувство вкуса, интеллекта, юмора - характерные черты литературных исканий удмуртских детских писателей, создающих современную литературу; Васильев Н.Л. (Саранск) "Русские писатели дореволюционного времени, связанные с мордовским краем (материалы для библиографического словаря)", где автор проводит мысль, что история нескольких уездов прежних Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Тамбовской губерний, объединившихся в границах современной Республики Мордовия, богата именами как известных, так и второстепенных писателей прошлого; Лимерова В.А. (Сыктывкар) "Специфика авторского начала в повествовательной прозе коми", при исследовании коми литературы, по мнению докладчика, особую значимость приобретает выявление специфики авторского начала в повествовательной прозе; Федорова Л.П. (Ижевск) "История удмуртской женской литературы: поэзия 60-х годов"; Чеснокова С.П. (Йошкар-Ола) "Творчество Валентина Колумба в обновлении марийской поэмы", где показано, что поэма В. Колумба "Доброта" - это многоплановое, сложное раздумье о смысле человеческого бытия, о чело-

веческой душе, о социальном и нравственном несовершенстве мира, о творчестве, поэзии и поэте в целом; Федосеев Н.А. (Йошкар-Ола) "Исторические романы В. Петухова", в котором сказано, что марийская литература в последние десятилетия пополнилась новыми произведениями на историческую тему, которые затрагивают переломные моменты в жизни марийского народа; Горбунов Г.И. (Саранск) "К проблеме единства мордовской литературы", где литература рассматривается как явление культуры, которое выражает в специфической форме сущность национального мировосприятия и мироощущения, в образах воплощает тип национальной психологии и социальной особенности; Есева М.В. (Сыктывкар) "Судьба литературного наследия В.Т. Чисталева"; Казакова Н.И. (Саранск) "Своеобразие природы конфликта в романе-трилогии А.Д. Куторкина "Бурливая Сура", в докладе показано, что А.Д. Куторкину в большей степени свойственно умение строить конфликт таким образом, чтобы он отражал действительные закономерности жизненной борьбы, чтобы ситуации, в которые поставлены герои, вытекали из логики их характеров, их положения в обществе, были социально и психологически мотивированы; Бояринова Г.Н. (Йошкар-Ола) "Современная марийская историко-героическая пьеса: драматизм событий и драматизм характеров", в котором автор утверждает, что драматическое направление всех моральных и физических сил, которые завершаются выходом героя на самую высокую ступень в борьбе за народные интересы, - вот самая приметная черта конфликтов этих историко-героических пьес; Зиявалинова О.С. (Сыктывкар) "Природа в художественном мире И.Г. Торопова"; Жиндеева Е.А. (Саранск) "Переломное время в романе В.Н. Косыркина "Похищение орла"; Тростина М.А. (Саранск) "Женские образы в рассказах русскоязычных писателей Мордовии"; Пантелеева Т.Т. (Ижевск) "Тема детства в рассказах Р. Валишина"; Шибанов В.Л. (Ижевск) "О новых методах анализа текста в современном удмуртском литературоведении (психоанализ, постструктурализм, феминизм и др.)", где автор считает, что в идее этнофутуризма остается другой не менее важный фактор - постколониализм, о котором, по всей очевидности, речь пойдет в ближайшие годы; Кузнецова Т.Л. (Сыктывкар) "Современная коми историческая проза. Особенности проблематики и поэтики", в котором утверждается, что историческая проза, обращаясь к опыту прошлых лет, обогащает художественный текст элементами поэтики, актуальными для современной литературы; Кубанцев Т.И. (Саранск) "Формирование идейно-эстетических взглядов З.Д. Дорофеева", в котором творчество З. Дорофеева рассматривается как связующее звено между дореволюционной и современной мордовской литературой; Барычева Л.П. (Саранск) "Проблема историзма в изучении финно-угорских литератур народов Поволжья"; Цыганова Н.Н. (Саранск) "Современная мордовская повесть и проблемы художественного мастерства"; Брыжинский А.И. (Саранск) "Особенности ста-

новления и развития жанров прозы в мордовской литературе", где показано, что в первое послевоенное десятилетие все большее внимание мордовские прозаики уделяли романному жанру; Югов С.А. (Сыктывкар) "Своеобразие современной коми детской прозы"; Амбаева НН (Саранск) "Своеобразие поэм Сергея Кинякина" и др.

Тематика докладов по духовной культуре финно-угорских народов России охватила широкий круг проблем. В некоторых из них рассматривались философские вопросы, связанные с духовным состоянием этносов (Савкин Н.С. - "Философия мордвы", Шкалина Г.Е. - "Добро и зло, как преодоление хаоса в марийской мифологии", Тарасова Л.М. - "Проблемы духовности в современном мире"). И.В. Клюева с философской точки зрения рассмотрела творчество известного мордовского скульптора С.Д. Эрьзи, Н.Ф. Мокшин проанализировал творчество известного этнографа М.Г. Маркелова, который изучал религиозные верования финно-угорских народов. О современной этноконфессиональной ситуации в их среде говорили Е.Н. Мокшина ("Этноконфессиональная ситуация в Мордовии в 1990-е гг.") и Э.В. Чемышев ("Возрождение марийского язычества в 1990-е гг."). Много сообщений было посвящено традиционным обрядам (Н.Ф. Беляева - "Обряды посвящения и социализации в традиционной культуре мордвы", М.И. Каргина - "Архетип смерти в мордовском свадебном обряде", Г.А. Корнишина - "Обрядовые функции традиционных головных уборов мордвы", М.В. Волкова - "Погребальный обряд мордвы в XIX-XX вв."). К этой теме примыкают и доклады, посвященные народным фольклорным традициям (Т.А. Козлова - "Состав и обрядовые функции приуроченных песен мордвы", В.С. Брыжинский - "История эрзян и мокшан в музыкальном театре Мордовии", А.Г. Бурнаев - "Танцевальная культура мордвы"). Л.И. Никонова, которая занимается изучением народной медицины народов Поволжья, сделала сообщение "Магия в традиционной медицине финно-угорских народов". Два доклада (Мишина Ю.А. и Чиндяйкина Ю.Г.) были посвящены проблемам периодической печати.

Анализ истории финно-угорских народов эпохи средневековья до наших дней в выступлениях основывался на археологических, документальных письменных источниках, в т.ч. и зарубежных, и касался вопросов динамики развития погребального обряда, культовых украшений в могильниках (Зеленцова О.В., Святкин С.В. - Саранск, Дроздова Г.И. - Казань, Михеев А.В. - Йошкар-Ола); праистории финно-угорских народов (Краснов И.В. - Йошкар-Ола, Юрченков В.А. - Саранск); этногенеза (Газимзянов И.Р. - Казань); социального положения народа, слоев населения (Кадыкова Г.Н., Москвина Л.П., Ошаев А.Г., Токарева Л.М., Иванов А.А. - Йошкар-Ола); отношения общины и воеводской области (Иванов А.Г. - Йошкар-Ола); христианского просвещения (Грачев С.В. - Саранск); национального просветительства (Зеткина И.А. - Саранск); климатического фактора в разви-

тии народа (Жеребцов И.Л. - Сыктывкар); развитие региона и населенных пунктов (Арсентьев Н.М., Арсентьев В.М. - Саранск, Гареев И.С. - Йошкар-Ола) и др.

В секции "Материальная культура, быт и хозяйство финно-угров" были представлены следующие темы: Митин С.В. (Саранск) "Медицинское обслуживание сел Мордовии в 1940-е годы"; Заварюхин Н.В. (Саранск) "Семья и имена Темниковской мордвы-мокши I четверти XVIII века"; Богатырев Э.Н. (Саранск) "Поташная промышленность в мордовском крае в первой половине XVIII века"; Струенкова Г.А. (Саранск) "Экологические идеи в народном творчестве мордвы"; Казерова Т.В. (Саранск) "Служилые люди мордовской земли в XVII в."; Ялтаев И.Ф. (Йошкар-Ола) "Марийское крестьянство и коллективизация сельского хозяйства"; Чехова С.А. (Йошкар-Ола) "Истоки текстильного производства в Среднем Поволжье".

Вопросы методики преподавания языка, литературы, истории в школах и вузах рассматривались в докладах: Кобозевой И.С. (Саранск) "Музыкальное образование Республики Мордовия"; Ереминой Р.А., Черепельниковой Г.В. (Саранск) "Обучение студентов анализу педагогических ситуаций на производственной практике в национальном ДОУ"; Щерединой Н.И. (Саранск) "Некоторые аспекты творческой подготовки будущего воспитателя в условиях национально-региональной образовательной среды"; Черяпкиной С.М. (Саранск) "Традиции народной педагогики в экологическом воспитании личности"; Кудаевой Л.А. (Саранск) "Особенности духовно-нравственного воспитания в условиях образовательных учреждений Республики Мордовия"; Попова В.А. (Саранск) "Методика преподавания мордовского языка в мононациональной школе"; Шукшиной Т.И. (Саранск) "Роль мордовских языковых конференций в становлении учебной литературы"; Киржаевой В.П. (Саранск) "Начальное образование инородцев во второй половине XX века: Эволюция взглядов Н.И. Ильминского" и др.

По педагогическому направлению работали две секции: "Национальный и региональный компонент в системе школьного и высшего образования" и "Методика преподавания языка, литературы, истории в школах и вузах". В них были отражены как собственно педагогические, так и исторические, этнопсихологические, этнопедагогические аспекты образования.

Член-корреспондент РАО Е.Г. Осовский в докладе обозначил новое научное направление, которое складывается и активно развивается в последние годы. Это - педагогическая регионология как отрасль педагогической науки и истории образования.

Следующий круг докладов касался истории развития образования в Мордовском крае. "Регионально-национальные аспекты содержания образования в национальной школе Мордовского края во второй половине XIX - начале XX века" Л.В. Кудаевой (Саранск). Еще один хронологический пе-

риод был рассмотрен Н.В. Кузнецовой (Саранск) в докладе "Развитие национальной (мордовской) школы в Мордовском крае в 1917-1930 гг.".

Некоторые доклады касались рассмотрения этнопсихологических и этнопедагогических аспектов психолого-педагогической науки, как сравнительно молодых отраслей знания, например, Р.Г. Решетникова (Ханты-Мансийск) сделала доклад "Этнопсихологические особенности развития хантыйских детей дошкольного возраста".

Этнопедагогические проблемы освещались в докладах: Т. Г. Тимошиной (Саранск) "Культ матери и отца в народной педагогике"; Е.В. Кирдяшевой (Саранск) "Этнопедагогика мордвы"; С.И. Бреева (Саранск) "Школа на жизненном пути С.Д. Эрьзи"; Л.М. Гордеева (Саранск) поделилась своим опытом организации методической работы по историко-литературному краеведению на базе народного музея литературы Мордовии. Обобщила работу национальной гимназии по этнокультурному образованию детей и молодежи ее директор П.П. Тропина (Саранск).

Рассмотрению национально-регионального компонента в школьном образовании был посвящен доклад Л.В. Седовой. Она заострила внимание на имеющих место в практике работы общеобразовательной школы нерешенных проблемах в реализации национально-регионального компонента.

Блок музыкальных дисциплин представлен в докладах: Т.И. Одиноковой (Саранск) "Национально-региональный компонент в содержании музыкального образования" и Л.П. Карпушиной "К вопросу о национальном образовании средствами мордовского музыкального искусства".

В докладе О.В. Вельдяскиной (Саранск) "Культуроведческий комментарий как основа постижения мордовской лирики в школах с русским языком обучения" проведены аналогии между произведениями мордовских и русских поэтов; Л.П. Капаева (Саранск) рассмотрела на материалах Республики Мордовия ценностные ориентации учительской интеллигенции в современном российском обществе. С сообщением об опыте своей работы по обучению детей младшего школьного возраста эрзянскому языку выступила учительница начальных классов Н.Д. Жегалина (Больше-Игнатовский район Республики Мордовия).

И.М. Фадеева (Саранск) в докладе "Перспективы ревитализации этнонационального образования с учетом полиэтничности социума" обратила внимание на то, что ярким показателем современного этапа развития российского общества является возвращение многих культурных ценностей, в том числе ценностей культур финно-угорских народов.

В конце работы секций было принято обращение в адрес Комитета по национальной политике Правительства Республики Мордовия, Министерства образования РМ и Городского управления образования г. Саранска: "Система образования Республики Мордовия отражает те демократические требования, которые происходят в обществе. Она требуют обновления со-

держания образования, где достойное место занимает национально-региональный компонент. В республике много лет ведется разработка содержания национально-регионального компонента и его учебно-методического обеспечения. Несмотря на это, ученые и педагогическая общественность не удовлетворены состоянием и разработанностью данного образовательного компонента, отмечается его разрозненное и стихийное внедрение. В этой связи требуется поднять на качественно новый уровень проведение национальной образовательной политики в РМ. Органам государственной власти требуется оказать содействие в разрешении вышеуказанной проблемы.

Участники II Всероссийской конференции финно-угроведов предлагают:

1. Создать при Комитете по национальной политике Правительства РМ Комиссию по национальной образовательной политике.

2. Создать в республике Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК) по разработке национально-регионального компонента содержания образования в РМ, учитывающего специфику всех уровней образования и типов учебных заведений.

3. Поставить проблему по разработке муниципальных концепций национально-регионального компонента, учитывающих полиэтничный состав городского населения.

4. Создать материально-техническую базу по обеспечению национально-регионального компонента содержания образования учебной литературой, фонохрестоматиями и т.д."

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Анатолий Зенкин
Йошкар-Ола

МАРИЙСКОМУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ИНСТИТУТУ им. В.М. ВАСИЛЬЕВА (МарНИИ) — 70 лет

4 августа 1930 года Президиум Марийского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял постановление об организации Марийского научно-исследовательского института (МарНИИ). Торжественное открытие института состоялось 1 октября 1930 года на первом расширенном заседании Ученого Совета.

25 октября 1930 года Мароблисполком утвердил Устав института. В нем была определена структура, сформулированы основные задачи МарНИИ.

Институт в то время имел три отдела: экономики, природы, культуры и быта, которые в свою очередь делились на секции — статистики, сельского хозяйства, лесного хозяйства, промышленности и строительства, по изучению производительных сил, флоры и фауны, геологии, народного образования, здравоохранения, языка и литературы, истории и этнографии. Как видим, задачи были обширные, они вытекали из потребности развития Марийской области. Для организации выполнения этих задач необходимы были кадры, ученые-специалисты. В МарНИИ была открыта аспирантура. Многие из тех, кто учился в ней, позже стали известными учеными, докторами наук и профессорами, внесли большой вклад в развитие науки.

Становление института связано с именем известного общественного и партийного деятеля, ученого и писателя В.А. Мухина. Его деятельность во многом способствовала развитию нового научного учреждения. С институтом связано также имя другого видного ученого, позднее академика и вице-президента ВАСХНИИЛ В.П. Мосолова.

Всего за пять лет (1932-1937) издано пять монографий и два сборника научных трудов, не считая статей в различных местных и центральных изданиях.

Однако, многопрофильность института затрудняла четкую организацию работы. В связи с этим вплоть до 1937 года происходили различные реорганизации в поисках наиболее оптимального варианта его структуры. Жизнь требовала создания специализированных учреждений и ведомств для решения стоящих перед областью задач. Вскоре секция сельского хозяйства была преобразована в Республиканскую сельскохозяйственную станцию; секция народного образования послужила основой создания Института усовершенствования учителей; на базе секции здравоохранения предполагалось открытие института социальной гигиены. Вопросы изучения флоры и фауны были переданы на кафедры Поволжского лесотехнического института (ныне технического университета) и т.д.

К 1937 году структура института в основном определилась. Он был преобразован в институт социалистической культуры (МарНИИСК) с сохранением секторов языка, литературы, искусства и истории.

Великая Отечественная война прервала процесс становления и развития института. С августа 1941 года МарНИИ временно был закрыт. Восстановлен он был в августе 1943 года. В послевоенные годы институт, как и вся страна, испытывал большие трудности: не хватало специалистов, ученых со степенями почти не было, была большая текучесть кадров.

Несмотря на объективные трудности, институту удалось подготовить и издать несколько добротных исследований. На первом этапе, пока еще не выросла школа марийских ученых, здесь проводили работы ведущие специалисты Москвы и Ленинграда, оказавшие огромную помощь в становлении марийской науки. Так, в 1949 году вышла монография А.П.Смирнова "Археологические памятники на территории Марийской АССР", в 1951 году — "Марийская вышивка" Т.А. Крюковой, "Марийские народные песни", "Песни восточных мари", составленные В. Коукаль, К. Смирновым.

С начала 50-х годов состав научных сотрудников института пополняется молодыми научными работниками, прошедшими подготовку в аспирантурах городов Ленинграда, Москвы, Тарту, Казани.

Были достигнуты значительные успехи в разработке важнейших вопросов гуманитарной науки. Достаточно сказать, что к 1980 году было опубликовано более 200 изданий различных видов печатной продукции. Кроме того, было опубликовано и выпущено 15 учебников, учебных пособий и хрестоматий для школ и вузов республики, опубликованы 23 сборника песен, загадок, сказок, примет, легенд и преданий марийского народа. Подготовлены и были опубликованы крупные коллективные исследования: "Очерки истории Марийской АССР" (1960, 1965), "Очерки марийской литературы" (1960, 1963), "Русско-марийский словарь" (1966), "Историческая

грамматика марийского языка" (1964,1966), "Орфографический словарь марийского языка (1964, 1966, 1972), "История марийского литературного языка" (1975) и др. Плодотворно работали и внесли большой вклад в развитие науки ученые И.Галкин, Н. Исанбаев, А. Саваткова, К. Васин, Г. Архипов, Г. Сепеев, А. Китиков, В. Акцорин, В. Никитин и др.

Были проведены исследования по экономике, начаты конкретные социологические исследования.

Многогранный и плодотворный труд многих поколений ученых в связи с 50-летием создания МарНИИ был высоко оценен Правительством нашей страны. За заслуги в исследовании марийского языка, литературы и истории, развитии просвещения и культуры Марийского края в январе 1981 года он был награжден орденом "Знак Почета".

5 июля 1983 года Постановлением Совета Министров РСФСР МарНИИ было присвоено имя В.М. Васильева — видного деятеля марийской культуры и просвещения, первого ученого-мари. С этого времени институт стал называться "Марийский ордена "Знак Почета научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева".

Результатом многолетнего напряженного труда ученых-историков явилось создание 2-х томной коллективной монографии "История Марийской АССР" (1986, 1987).

В эти же годы коллективом МарНИИ были подготовлены и проведены крупные региональные и Всесоюзные научные конференции, симпозиумы. К примеру, были проведены отделом истории V конференция историков-аграрников Среднего Поволжья "Крестьянство и сельское хозяйство Среднего Поволжья: Опыт исторического развития" (май 1988), отделом языка: Республиканская научно-практическая конференция "Актуальные проблемы развития, изучения, преподавания марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия" (март 1987); отделом социологии: Третий Всесоюзный научный семинар "Методология разработки долгосрочных региональных программ развития народонаселения" (май 1987); центром финно-угроведения при МарНИИ — I Всероссийская научная конференция финно-угроведов (ноябрь 1994), принявшая эстафету традиционных Всесоюзных финно-угорских конференций, "Финно-угорский мир на пороге XXI века" (ноябрь 1998).

В настоящее время историки-обществоведы заняты исследованием наиболее актуальных проблем национального возрождения марийского народа. К ним, в частности, относятся: этногенез и этническая история марийского народа на различных исторических этапах, формирование марийской нации, история межнациональных отношений. Близится к завершению работа по написанию очерков истории крестьянства, начата подготовка к изданию истории деревень и сел Марийского края.

Совместно с Институтом образования ведется подготовка новых учебников и методических программ по истории родного края для общеобразовательных школ и других учебных заведений, начато издание научно-популярной литературы для широкого круга читателей.

Большая работа проводилась в области языкознания, фольклористики, литературы. Учеными МарНИИ изданы четыре тома "Словаря марийского языка", составлены и находятся в производстве 5-6 тома, идет работа над 7 томом. Продолжается выпуск серийного издания "Вопросы марийской ономастики", имеющего международный индекс. Всего опубликовано из этой серии 8 сборников.

МарНИИ — единственное научное учреждение в республике, занимающееся изучением фольклора. Отделом фольклора и искусств собран огромный рукописный материал: более 20 тысяч песен, свыше 45 тысяч частушек, около 6 тысяч мифов, легенд, преданий, 3 тысячи сказок, 2 тысячи описаний обрядов и обычаев, более 3 тысяч родовых имен — основателей марийских сел и деревень, сведения о времени их заселения. Они собраны, записаны, обработаны многими поколениями ученых.

За последние 15 лет издано более 15 фольклорных сборников. Спрос на них большой, особенно среди работников культуры и образования.

В настоящее время идет интенсивная работа по созданию Свода марийского фольклора. Из 20-ти томов этой серии за 1990-99 годы издано четыре: "Мифы, легенды и предания марийцев", "Луговомарийские сказки", "Восточномарийские песни", "Горномарийские сказки". МарНИИ располагает большим фондом записей на магнитную пленку народных мелодий. В последние десятилетия опубликованы несколько сборников песен с нотами и словами. Многие из них изданы при активном участии Министерства культуры Республики Марий Эл.

В области литературы и искусства активно работают А. Васинкин, В. Кудрявцев, М. Мамаева, Г. Соловьева и др. В 1989 году издан фундаментальный коллективный труд "История марийской литературы", в 1992 — "Изобразительное искусство МАССР". В них комплексно отражены вопросы развития литературы и искусства от истоков до современности. Сохранились и развиваются глубокие и позитивные традиции в области археологии и этнологии. С 1956 года при МарНИИ функционирует Марийская археологическая экспедиция (МарАЭ). За 45 лет своей деятельности она провела огромную работу по выявлению, изучению, сохранению археологического наследия. В результате издано 2 тома Археологического атласа Республики Марий Эл; опубликовано 5 томов из серии Трудов МарАЭ, вышли 5 монографий Г.А. Архипова, В.В. Никитина, Т.Б. Никитиной и 25 выпусков издания "Археология и этнография Марийского края", посвященные истории населения Марийского края с древнейших времен до эпохи средневековья.

Участниками археологической экспедиции собраны более 2 тысяч уникальных вещевых коллекций. Они дают богатую информацию для осмысления и разносторонних научных исследований. Возникла проблема сохранения этого бесценного научного и национального наследия.

Решением Правительства Республики Марий Эл при МарНИИ в апреле 1995 года создана лаборатория по реставрации археологического материала и экспериментальным исследованиям. Она сейчас занимается не только реставрацией и консервацией предметов, но и исследованиями в области технологии древних материалов, технических приемов производства оружия, орудий труда, быта и украшений.

Научные поиски этнографов получают освещение в различных публикациях. Только в 90-х гг. издано 3 этнографических сборника: "Современные этнокультурные процессы в марийском селе", "Межэтнические связи населения Марийского края", "Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов". Опубликованы монографии Г.А. Сепеева "Восточные марийцы"(1975), Н.С. Попова "Православие в Марийской крае" (1987), "Марий кумалтыш мут" (Марийские молитвы-заклинания) (1991), Т.Л. Молотовой "Марийский народный костюм" (1992).

Статьи и материалы, представленные учеными МарНИИ, были опубликованы в иногородних изданиях: коллективной монографии "Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье" (Чебоксары, 1991), сборнике "Социальная организация и семья у финно-угорских народов" (Сыктывкар, 1992), а также в материалах I Всероссийской конференции финно-угроведов (Йошкар-Ола, 1995).

С 1992 года этнографы МарНИИ привлечены к выполнению общероссийской программы "Возрождение народов России", предусматривающей подготовку 30-ти томной серии трудов "Народы и культуры". Марийские этнографы участвуют в написании очерка "Марийцы" к тому "Коми, марийцы, мордва, удмурты".

За последние годы значительно активизировала свою работу социологическая наука. В 1993-2000 годы проведены крупные социологические исследования по таким темам, как "Религиозное сознание населения Республики Марий Эл", "Межнациональные отношения", "Условия жизни неполных семей", опрос жителей г. Йошкар-Олы по актуальным проблемам современной жизни.

Важным событием в научной жизни стало создание в 1993 году Научного центра финно-угроведения. Цель создания центра заключалась в координации исследований по этнической истории, языкознанию, изучению материальной и духовной культуры финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе.

За пять лет работы под руководством центра одновременно в нескольких республиках Волго-Камского региона проведены межрегиональные ис-

следования по крупным проблемам: "Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века", "Фонетический фонд финно-угорских языков", "Межнациональные отношения в регионах, населенных финно-уграми".

Результаты своих исследований ученые публикуют на страницах журнала "Финно-угроведение". Он начал издаваться с февраля 1994 года и является пока единственным периодическим изданием в России, посвященным проблемам финно-угроведения.

Институт, созданный в годы первой пятилетки, прошел трудный и сложный, но большой и славный путь роста, развития и становления. Он превратился в координирующий центр научных исследований Республики Марий Эл в области гуманитарной науки. В настоящее время в институте работает 38 научных сотрудников, из них: 3 доктора, 25 кандидатов наук.

Институт располагает уникальной научной библиотекой и рукописным фондом, которые насчитывают более 80 тысяч единиц хранения. Создана также фонотека, насчитывающая более 770 метров записей произведений устного народного творчества и языкового материала, а фильмотека насчитывает более 600 единиц хранения.

Широки научные связи МарНИИ с институтами Академии наук России, некоторыми академиями ближнего и дальнего зарубежья, с научными центрами республик и областей России, особенно в области финно-угроведения.

"Финно-угроведение", 2000, № 1.

Владимир Кудрявцев
Йошкар-Ола

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Музей финского художника Акселя Галлен-Каллела (1865-1931) в городе Эспоо стал организатором выставки современного искусства финно-угорских художников "Ugriculture - 2000". Она открылась 6 мая и продолжит свою работу до 1 января 2001 года. Эта экспозиция представляет культурную часть проводимого в декабре 2000 года в Хельсинки IV Всемирного конгресса финно-угорских народов и является составной частью программы "Уральская культура".

На торжественной церемонии открытия выставки директор музея госпожа Кертту Карвонен-Каннас отметила многогранный богатый мир современных финно-угорских художников, выделила общие черты исторических традиций в духовной культуре народов и определила дальнейшие перспективные пути поиска национальной идентичности, которые еще в XIX веке ярко проявились в творчестве финского художника Галлен-Каллела.

С приветственной речью к художникам финно-угорских государств и регионов России также обратились послы России, Венгрии, Эстонии Александр Пачев, Йозеф Виг, Мати Ваарман; звучали приветствия участников выставки на финском, эстонском, венгерском, марийском, мордовском, удмуртском и коми языках, после чего состоялась встреча с представителями средств массовой информации.

Древний затаенный мир финно-угорского искусства оригинально предстал на этой выставке благодаря многолетнему кропотливому труду сотрудников музея искусствоведов Кати Кивимяки и Туйя Мэттэнен, открывших много нового и неожиданного в современном художественном творчестве. Основная тема, которая лейтмотивом проходит по всей выставке, - это древние мифологические корни финно-угорских народов, которые нашли образное выражение в разнообразных формах: от условностей традиционного реализма до экспериментов современного абстракционизма. На

этой выставке вплотную в органическом единстве встретились запад и восток, объединенные этнической культурной традицией и современной ее интерпретацией.

Мифологическое мировидение финно-угорских художников обернулось обращением к богатому наследию своих этнических культур, для выражения которого стали использоваться условные знаки и архаические символы. Такое миропонимание проявилось и в живописи, графике, скульптуре, росписи по тканям (батик). Авторами работ являются Ирина Федосова, Павел Микушев, Александр Тимушев, Юрий Лисовский, Александр Потолицын, Валерия Осташева из Коми Республики, Александр Иванов, Измаил Ефимов, Сергей Евдокимов, Юрий Таныгин из Марий Эл, Ольга Листратова, Вячеслав Михайлов, Сергей Орлов, Александр Суворов, Виталий Окунь, Алексей Чернышев, Александр Пилин из Удмуртии, Андрей Алешкин, Юрий Дырин, Людмила Колчанова, Вячеслав Ливанов из Мордовии, Анатолий Титов из Карелии, Габор Болло, Андреас Хубер, Шандор Нодй Энеш, Шандор Вали из Венгрии, Эве Каск, Кадри Мялк, Юлле Маркс из Эстонии. Традиционные для понимания российских ценителей и любителей искусства виды искусства были дополнены инсталляциями западных финнов и перформансом венгерского актера-скульптора Иштвана Ковача "Юниверсе". В своем представлении, осуществленном на лоне природы на берегу финского залива, И. Ковач показал краткость и цикличность жизни человека, используя древний финно-угорский символ спирали, движение по которой философски подчеркивается символизирующими огонь, воздух, землю и время атрибутами. В подобном ключе постмодернистских течений искусства также была выдержана работа А. Титова "Воздушный корабль Вяйнемэйнена II" (1997), экспонаты венгерских и эстонских мастеров.

Экспозиция в целом отличается декоративной цветовой насыщенностью работ, которые заняли парадные залы экспозиционной площади. Так, достойным украшением первого зала музея стали работы Ю. Таныгина и С. Орлова, Ю. Дырина и П. Микушева. Живописное полотно "На охоту" (1998) П. Микушева воспроизведено в качестве афиши выставки. На этой картине изображена группа охотников в лодке. Формально-стилистические приемы ее письма основаны на использовании наскальных изображений Карелии, также "пермского звериного стиля". "Используя орнамент - рассказывает художник - я создаю фигуры, которые потом становятся частью композиции... Я стараюсь использовать пермский звериный стиль тогда, когда изображаю мифы. Между ними нет прямой связи, я создаю довольно свободно... Я стараюсь изобразить какие-то свои собственные идеи, мое собственное понимание мифов, может даже новые мифы". Человеческие фигуры Микушева изображены с лосиными головами. Нижний мир в тем-

ных и холодных тонах в контрасте предстает со средним и таинственным верхним мирами, образуя космологическое единство.

Удмуртский живописец С. Орлов в картинах "Инмар" (1992), "Ловцы птиц" (1996) представляет мифическую фигуру божества солнца Инмара в символической форме. Более лирично этот же образ решается в графической работе В. Михайлова "Обращение к Инмару" (1992), стилистически близкой к сельским пастушеским сценкам, в ней обращение и человека и животных направлено к небесному солнцу, подчеркивая тем самым слияние человека с природой в одно целое.

По мнению финских ученых, элементы мифического мышления не являются абстрактными понятиями (Анна-Лээна Сиикала). Например, мифологическая тема в изобразительном искусстве Финляндии в XIX веке была новым явлением и проявилась, прежде всего, в творчестве Галлен-Каллела, когда средствами символа и орнамента-знака он мог пояснить содержание и значение мифов. Поэтому и современные финно-угорские художники обращаются к наполненному чертами фантазии реализму, либо к архаической стилизации. "То наследство, которое сохранилось. вышивка и орнаментика, касается не только искусства, а и философии, легенд. традиций мифологического и языческого миропонимания этих народов; окружающего мира и космоса, - рассказывает марийский художник И. Ефимов. - Меня интересует то, что язык древнего изобразительного искусства был таким символическим и эффективно импровизировал представления о миростроe… Я мог выбрать только абстрактный или символический язык". Условным языком архаические черты культуры он передает в работах "Хранитель кожаных изделий" (1996), "Изделия из дерева" (1997), выполненных акварелью. Образ мифологических персонажей проглядывается у А. Иванова "Под знаком волка" (1990), "Под знаком медведя" (1996), С. Евдокимова "Хозяин леса" (1997), А. Алешкина "Агне-Патяи - Богоматерь Мордовская" (1998), О. Листратовой "Куала" (1992), В. Окуня "Реликтовые пастбища", "Великий вогул" (1999), А. Суворова "Идол II" (1996), Шандора Валы "Рождение мифа" (1998-1999) и других. В финском эпосе "Калевала" и в фольклоре других финно-угорских народов много общего мифологического материала, который может быть активно использован для выражения образов средствами изобразительного искусства.

В глубинных слоях души многих художников остались яркие нарядные "картинки" детства. На основании воспоминаний они создают образы, насыщенные повышенной декоративностью цвета и во многом ориентированные на примитивизм восприятия. Эти впечатления со временем в визуальной памяти художника развивались и превратились в своеобразные символы. Через познание традиции устоев народной культуры современные мастера своим творчеством совершают переоценку "святой древности", выражающейся в деревенской теме. Ностальгия по тому, что розовое

детство прошло как сон, в повышенных мажорных тонах выражена в живописных полотнах Ю. Таныгина "На женитьбу" (1998), Ю. Дырина "Светлый сон", "Деревенская птица" (1999), С. Евдокимова "Детство" (1990), "Сон детства" (1991), Л. Колчановой из серии "Воспоминания о детстве" (1995), А. Тимушева "Праматерь" (1997) и других.

На выставке также были представлены произведения художников, которые не имеют финно-угорских корней, но было заметно, что они почитают, искренне интересуются и уважают феномен прошлого, настоящего и будущего финно-угорских народов.

Современное финно-угорское искусство, как отмечает в каталоге выставки Туйя Меттэнен, становится неомифическим пророком, раскрывающим глубинные чувства борющихся за свое существование народов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сануков Ксенофонт Никанорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

Молотова Тамара Лаврентьевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им В. М. Васильева.

Кудрявцев Владимир Геннадьевич - кандидат искусствоведения, заведующий отделом Марийского научно-исследовательского института языка, литература и истории им. В. М. Васильева.

Исламов Фанис - кандидат педагогических наук. старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории АН Республики Татарстан.

Никитин Валерий Валентинович - доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Марийского научно-исследовательского института языка. литературы и истории им. В. М. Васильева.

Волдина Татьяна Владимировна - старший научный сотрудник отдела хантыйского языка, литературы, фольклора и этнографии НИИ Возрождения обско-угорских народов.

Галкин Иван Степанович - доктор филологических наук, профессор. заведующий отделом языка Марийского научно-исследовательского института им. В.М. Васильева.

Бехтерева Людмила Николаевна - кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН.

Мосин Михаил Васильевич - доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Зенкин Анатолий Александрович - кандидат исторических наук, директор Марийского научно-исследовательского института языка. литературы и истрии им. В.М. Васильева.

CONTENTS

ARTICLES

Sanukov A. Finno - Ugristics about the Finno-Ugric peoples of Russia: The basic tendencies and stages of research..... 3
Molotova T. About major factors of formation of ethnic character of the Maris..... 17
Kudryavtsev V. Paganism architecture of the Mari people..... 31
Islamov F. Mordvinian – Tatar cultural and pedagogical ties..... 43
Nikitin V. Symbols of ancient subjects (thoughts concerning one plot)..... 54
Voldina T. Oral national creativity of Khanty in scientific folklore archives of Khanty - Mansy Autonomous Region..... 68

REPORTS

Chesnokova S. To the problem of development of genre of poem in Mari literature..... 77
Lebedeva E. Syntactical peculiarities of Mari proverbs and sayings..... 86
Ponaryadov V. To the question of Iranian influence on the Permic languages..... 93
Butylov N. To the question of chronological registration and classification of Indo-Iranian borrowings in the Mordvinian language..... 99
Dobrodomov I. The origin of the Mari word "savush"..... 102

SURVEYS AND REVIEWS

Krasnov I. Survey of the present English literature on Finno-Ugric Study..... 105
Demin V. Points of closing in..... 115
Galkin I. Rev.: Ago Künnap. Breakthrough in present-day uralistiks. Tartu, 1998..... 119
Chuyashkova M., Punegova G. Rev.: The Komi Language. Encyclopaedia. (Managing editor G. V. Fedunyova). M.:Publ. House ДиК, 1998. 608 p..... 125
Karakulov B. Rev.: Kelmakov V. K. Concise course in dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography. Izhevsk: Publ. House of Udmurt University, 1998.386 p..... 129
Bekhtereva L. Rev.: Vasilyeva O. I. The Udmurt Intelligentsia. Formation and activity. 1917-1941. Izhevsk, 1999. 210 p..... 132
Galkin I. Rev.: Mustaev E. N. Dictionary of Mari synonyms (Mariy synonym muter) Yoshkar-Ola, 2000. 544 p..... 137

CHRONICLE

Mosin M., Grebneva L. The second All-Russian conference of Finno-Ugric scientists..... 140
Zenkin A. The Mari Scientific-Research Institute, named after V. M. Vasilyev, is 70..... 153
Kudryavtsev V. Modern art of the Finno-Ugric peoples..... 159

«Финно-угроведение», 2000, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28

Редактор *Т.А. Товашова*
Технический редактор *Т.А. Товашова*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*

Английский текст *Ж.М. Сабанцевой*
Компьютерный набор и верстка *Л.Н. Полушиной*

Сдано в набор 30.05.2000. Подписано в печать 5.09.2000.
Формат 60 x 84/16. Объем 10,25 п.л. Тираж 500 экз.
Бумага офсетная. Заказ № 1147

Отпечатано с готового оригинал-макета в Марийском
полиграфическо-издательском комбинате
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112